

ДИСКУРСОЛОГИЯ
МЕТОДОЛОГИЯ
ТЕОРИЯ
ПРАКТИКА

ИЗБРАННОЕ

Организационный комитет

Сопредседатели:

Малышев М.А. (Мексика)
Русакова О.Ф. (Россия)
Хвощев В.Е. (Россия)

Члены комитета:

Ян Плампер (Великобритания)
Йорг Баберовски (Германия)
Манола Сепульведа Гарза (Мексика)
Епимахов А.В. (Россия)
Мосин В.С. (Россия)
Нарский И.В. (Россия)
Редин Д.А. (Россия)
Соболева Л.С. (Россия)

DISCOURSOLOGY
METHODOLOGY
THEORY
PRACTICE

SELECTED

Organizing committee

Co-chairmen:

Malyshev M.A. (Mexico)
Rusakova O.F. (Russia)
Khvoshchev V.E. (Russia)

Members of committee:

Yan Plamper (Great Britain)
Jorg Baberowski (Germany)
Manola Sepúlveda Garza
(Mexico)
Epimakhov A.V. (Russia)
Mosin V.S. (Russia)
Narskyl.V. (Russia)
Redin D.A. (Russia)
Soboleva L.S. (Russia)

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23

email: vek@susu.ac.ru

<https://www.dmtп.susu.ru>

Формат 70x108 1/16
Усл. п. л.
Тираж - 500 экз.
Номер заказа
Цена свободная

Периодичность выхода:

1 раз в год

ISSN 2499-9938 © Издательский центр ЮУрГУ, 2016
© Издательство НОЦ «КПСГ», 2016

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ

Хвощев В.Е. (с.12; с.100)
Хосуэ Мансано Арсате (с.15)
Иван Пенеда (с.30; с.306)
Франциско Гонсалес Хименес
(с.41)
Манола Сепульведа Гарса
(с.53)
Марко Антонио Урдапильета
(с.71)
Малышев М.А. (с.83)
Логиновский С.С. (с.112)
Гутенев М.Ю. (с.123)
Вишев И.В. (с.135)
Малинова О.Ю. (с.156)
Батурин Л.М. (с.167)
Виктория Лезьер (с.180)
Сибиряков И.В. (с.197)
Марта Долорес Дельгадо Визе
(с.209)
Рохерио Рамирес Хиль (с.219;
с.294)
Ильда Анхела Фернандес Рохас
(с.219)
Хосе Антонио Чавес Рамирес
(с.233)
Хуан Манрой Гарсиа (с.242)
Мария де Хесус Вильегас Море-
но (с.254)
Хавьер де ла Фуэнте Роча
(с.266)
Хилда Нессенс (с.282)
Хвесюк Н.Г. (с.316)
Трегубов Н.А. (с.328)
Антонова Н.В. (с.353)
Соломко Д.В. (с.370)
Ковтун О.А. (с.379)
Григорьева Л.М. (387)
Парфентьева Н.В. (с.397)

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

СОДЕРЖАНИЕ

В.Е. Хвощев На пути к идентичности	12
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	15
Хосуэ Мансано Арсате Метафизика и национальная идентичность: забвение самой жизни	15
Иван Пенета Конструкция и деконструкция дискурса. по проблемам культурных идентичностей: два конструктивных проекта	30
Франциско Гонсалес Хименес Сходство и различие между наукой и метафизикой в мышлении Карла Ясперса.....	41
Манола Сепульведа Гарса Конструкция идентичности народностей мистеков. Санта Мария Юкуити, Оахака, Мексика	53
Марко Антонио Урдапильета Латинская Америка и Россия. Конструкция двух идентичностей в современном мире	71
Мальшев М.А. Николай Бердяев: становление "русской идеи".....	83
Хвощев В.Е. Об универсальном критерии идентичности	100
Логиновский С.С. «Отвержение мира» как практика изменения идентичности у аввы Дорофея.....	112
Гутенев М.Ю. К вопросу об идентичности искусственного и естественного интеллекта	123
Вишев И.В. Проблема идентичности человека в условиях техногенной цивилизации	135

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Малинова О.Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности	156
Батурин Л.М. Влияние внешних факторов на национальную идентичность России и Германии в условиях глобализации	167
Виктория Лезьер Познание французского образа жизни как способ формирования российской идентичности	180
Сибиряков И.В. Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности	197
МНОГОЛИКИЙ ДИСКУРС	209
Марта Долорес Дельгадо Визе Дискурс об эпистемологической объективности и сознании в XXI столетии	209
Рохерио Рамирес Хиль Ильда Анхела Фернандес Рохас Хосефина Висенс: два мира Луиса Альфонса в <i>Фальшивых годах</i>	219
Хосе Антонио Чавес Рамирес Постструктуралистское письмо и стиль Эмиля Чорана.....	233
Хуан Манрой Гарсиа Дискурс "Теологии освобождения" в Гватемале	242
Мария де Хесус Вильегас Морено Значение церковно-приходских архивов как источников информации	254
Хавьер де ла Фуэнте Роча Дискурс об ухудшении медицинского обслуживания в XXI веке	266
Хилда Нессенс Пауло Фрейре: дискурс о формировании сознательности угнетенных.....	282
Рохерио Рамирес Хиль Мексиканское «корридо» и дискриминация	294

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Иван Пинеда Речетатив как дискурс: напевная речь в иудейско-испанском языке марроканской диаспоры Венесуэлы	306
Хвесюк Н.Г. Информационное поле формирования и реализации политических отношений	316
Трегубов Н.А. Конкуренция на выборах и мотивы голосования: дискурс и практика	328
Антонова Н.В. Гендерные отношения как результат рационального выбора	353
Соломко Д.В. Повседневность как театральный дискурс	370
Ковтун О.А. Вещь в современном обществе: от телесности к символичности	379
Григорьева Л.М. Онтологическое доказательство бытия Бога	387
Парфентьева Н.В. О становлении теологии как образовательного направления на Южном Урале	397
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ	412

Хвощев В.Е., редактор

На пути к идентичности

В последние годы «идентичность» стала одним из самых распространённых и обсуждаемых в науке и публицистике понятием. Совершенно очевидно, что понятие это является предметом сравнительного анализа. Не имеет смысла говорить об идентичности отдельно взятого изолированного объекта, а, значит, относить понятие к его свойствам. Однако и в контексте сравнения для исследователя, может показаться, вполне достаточными категории «тождество и различие». Казалось бы, нет особой необходимости конструировать для сопоставления явлений и процессов дополнительные инструменты. Возможно, этой причиной объясняется прохладное отношение к развитию терминологии идентичности со стороны философов и социологов.

Нельзя не заметить, что при всём разнообразии взглядов на понятие «идентичность», наибольший интерес к нему проявляют политологи. В их представлении идентичность приобрела характер не столько тождественности одного другому, сколько стала показателем однородности чего-то целого. И в первую очередь, характеристикой однородности человеческих сообществ. Подобное не удивительно: в современном мире представления людей об окружающей действительности всё больше политизируются, а основные понятия науки всё чаще приобретают служебную функцию содействия укреплению власти.

Идентичность общества и власти особенно востребована авторитарными режимами, которые стремятся всеми силами стимулировать собственную поддержку. «Демократия не создаёт идентичности» утверждал в одном из интервью известный политолог Ф. Фукуяма. Вероятно, демократия не только не формирует общественную идентичность, но и разрушает остатки имеющейся.

Объективно власть – авторитарная или демократическая – не идентифицирует себя с обществом, но стремится формировать иллюзию такой идентичности. Как правило, главным звеном политики идентичности является внешняя по отношению к сообществу угроза. Эта политическая составляющая определяет развитие культуры общества и находит то или иное отражение в широком научном дискурсе.

Политическая подоплёка дискурса по проблемам общественной идентичности начинает сегодня едва проясняться и тонет по-прежнему в хаосе не связанных друг с другом суждений. В этом плане главной задачей конференции является осмысление многочисленного и разнообразного дискурса идентичности. Но и в части о многоликости дискурса, не связанной напрямую с идентичностью, мы стремились хотя бы обозначить вопросы теории и методологии дискурса, наметить на них ответы в русле конкретной дискурсологии и практического дискурс-анализа.

От имени редакции ежегодника приношу благодарности всем авторам представленных докладов и тем, кто по разным причинам не успел в отведённые сроки подготовить доклады к публикации. Надеюсь, что XI Международная научно-практическая конференция «Дискурсология: методология, теория, практика» продвинет науку и привлечёт к участию в ней постоянных и новых авторов.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 1.14

Хосуэ Мансано Арсате

Метафизика и национальная идентичность: забвение самой жизни

В настоящем докладе речь идет о феномене жизни в горизонте философии Фридриха Ницше, как о явлении, наиболее достойным своего рассмотрения, а также об образовании вкупе с культурой, которые предстают в двойном измерении – в своей силе и своей слабости. Метафизическая идентичность, рассмотренная в соответствии с воззрениями Платона, пустила глубокие корни в европейском духе; она заставляет нас думать, будто за данным состоянием дел коренится нечто гораздо большее, например, глубинная Мексика или что-то еще до сих пор неоткрытое. С другой стороны, образование и культура, не справившись со своими задачами, и будучи поставленными на службу государству, провоцируют в народном сознании такое глубокое страдание, что оно может быть заглушено только посредством преступления против самого мексиканского народа.

Ключевые слова: идентичность, метафизика, дух, преступление.

Маэстро философии Хосуэ Мансано Арсате – преподаватель-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Bibliografía

1. Biblia. Versión castellana. Barcelona, Herder, 2003.
2. Ferrater Mora, José. Diccionario de filosofía, Buenos Aires, Sudamericana, 1964.
3. Nietzsche, Friedrich. Así habló Zaratustra, Madrid, Alianza, 1998.
4. Nietzsche, Friedrich. El porvenir de nuestras escuelas, Barcelona, Tusquets, 2000.
5. Nietzsche, Friedrich. El anticristo, Madrid, Alianza, 2000.
6. Nietzsche, Friedrich. Ecce homo, Madrid, Alianza, 1998.
7. Platón. Diálogos, Vol. IV La república, Madrid, Gredos, 2008.
8. Spinoza, Baruj. Ética demostrada según el orden geométrico, Madrid, Trotta, 2000.
9. José Blanco Regueira en su estudio sobre Nietzsche pone de relieve la imagen de la vida bajo la sombra del árbol nietzscheano. Cfr. *A la sombra del árbol nietzscheano*, Pensamiento papeles de filosofía, México UAEM, 2013.
10. El conato con el que cada cosa se esfuerza en perseverar en su ser, no es nada más que la esencia actual de la misma[...] El conato con el que cada cosa se esfuerza en perseverar en su ser, no implica ningún tiempo finito, sino indefinido (Spinoza; 2000:133)

УДК 1.14

Иван Пинеда

**Конструкция и деконструкция
дискурса. по проблемам культурных
идентичностей:
два конструктивных проекта**

Настоящий доклад представляет собой развитие двух идей по поводу конструкции и деконструкции дискурса по проблемам культурной идентичности на базе документального анализа, представленного на симпозиуме по проблемам современной культурной идентичности России и Латинской Америки, организованного Гуманитарным факультетом и факультетом Антропологии Автономного Университета Штата Мехико ноябре две тысячи пятнадцатого года и базирующегося на документальном анализе.

Ключевые слова: Конструкция культурных идентичностей, речь, дискурс, социальные представления

Иван Пинеда, доктор антропологии, профессор-исследователь

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Auge, M. (2012) *Grabación de la Conferencia ofrecida en la sala de Conciertos de la Universidad Central de Venezuela*. Caracas.
2. Bauman, Z. (2003) *Modernidad Líquida*, Editorial Fondo de Cultura Económica, México DF, 2003.
3. Bauman, Z. (2003a) *De peregrino a turista, o una breve historia de la identidad*, en Hall y Du Gay, (Comp.) Amorrortu Editores, Argentina.
4. Bellomo, S. (2009) *¿Adultos adolescentes? Paradojas en la Era de Peter Pan*, Bonum, Argentina.
5. Biggio, V. (1998) *¿Conocemos a los jóvenes de los 90?*, ponencia presentada en la Asamblea Nacional de Educación, Tomo I, Caracas.
6. Castells, M. (2003) *El poder de la Identidad*, en la edición impresa del diario "El País", 18 feb. 2003 España, consultado el 20 de Agosto de 2015, elpais.com/diario/2003/02/18/opinion/1045522810_850215.html
7. García, N. (1989) *Culturas Híbridas. Estrategias para entrar y salir de la modernidad*. Grijalbo. México
8. Gutiérrez, S. (1999) *Identidad Cultural y representaciones sociales*. A Departamento de Educación y Comunicación de la UAMX, Anuario 1998.1999, pag, 43-56. México.
9. Hal y Dugay (2003) *Cuestiones de Identidad Cultural*, Compiladores, Amorrortu Editores, Argentina.
10. Maffesoli, M. (2005). *La transfiguración de lo político. La tribalización del mundo posmoderno*, Herder, Barcelona.
11. Montero, M. (1983) *Ideología, Alienación e identidad Nacional. Una aproximación psicosocial al ser venezolano*. U.C.V. Ediciones de la Biblioteca, Caracas.
12. Pineda, Y. (2003) *Antropología Cultural, La Educación conocedora de lo humano*. Boletín de Investigación arbitrado, Retos y Logros. Itálgráfica, S.A. Caracas.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

13. Podeti, J. (2007) *Cultura y alteridad. En torno al sentido de la experiencia latinoamericana*. Monte Ávila Editores Latinoamérica, C.A.

14. Read, H. (1965) *Al diablo con la cultura*, Editorial proyección, Buenos Aires.

15. San Martín (1992) *Antropología, ciencia humana, ciencia crítica*. Biblioteca de divulgación temática. Montesino editor, Barcelona.España.

16. Shopenhauer, A. (2003) *El Mundo como voluntad y Representación*. Biblioteca de los grandes pensadores. CAYPOSA-QUEBECOR, Industria gráfica. Barcelona. España. Todorov, T. (1995) *La vida en común, Ensayo de antropología general*. Taurus, Madrid. Todorov, T. (1987) *La Conquista de América, La cuestión del otro*. Siglo XXI, México.

УДК 1.14

Франциско Гонсалес Хименес

Сходство и различие между наукой и метафизикой в мышлении Карла Ясперса

Для Ясперса философия экзистенции не является противником науки, а ее необходимым подспорьем; среди задач, которая ставит философия, ориентация в мире является твердым фундаментом выявления экзистенции и метафизику. Физические обстоятельства, в которые поставлен человек, как возможная экзистенция, есть условие из которых вытекает возможность переживать Трансценденцию.

Ключевые слова: наука, мышление, экзистенция, трансценденция, метафизика, К.Ясперс

Франциско Гонсалес Хименес
– Доктор философии, преподаватель Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Forment, Eudaldo (1992). Lecciones de metafísica, Madrid. Rialp.
2. Jaspers, Karl. Razón y existencia, (cinco lecciones), (1959). Buenos Aires, Nova.
3. Jaspers, Karl. (1958). Filosofía, T. I, Madrid, Revista de Occidente.

УДК 1.14

Манола Сепульведа Гарса

Конструкция идентичности Народностей мистеков, Санта Мария Юкуити, Оахака, Мексика

В данной работе я делаю исторический обзор тех изменений, которые произошли в Юкуити, с начала века вплоть до наших дней, в сфере народонаселения, производства и его организации. Фокус моего внимания сосредоточен на производственной структуре и на политико-административной организации как системы ответственности, так и конституционных норм. Я стремлюсь доказать, что во взаимоотношениях между местным обществом, государством и рынком сложилась культура и идентичность, в которых отражается причудливая амальгама доиспанских, колониальных и современных традиций. Сельские учителя составили основу конструирования этой новой общественной модели.

Ключевые слова: Мистеки, система ответственности, политическая организация, идентичность, сельские учителя

Доктор антропологии Манола
Сепульведа Гарса профессор-
исследователь Национальной
Школы Антропологии и Истории.
Мексика

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Coneval, Informe anual sobre la situación de pobreza y rezago social [en línea], disponible en: http://www.sedesol.gob.mx/work/models/SEDESOL/Informes_pobreza/2014/Municipios/Oaxaca/Oaxaca_446.pdf
2. Entrevistas:
 - a. Adelaido Cruz, Santiago Nuyoo, 2015
 - b. Antonio Simitrio Pérez, Zaragoza, 2011
 - c. Carmen Adolfo López, cabecera municipal, 2011
 - d. Floriberto Vázquez López, Srio Municipal, Vitaliano Aparicio Pacheco, Síndico, Apolinar Santiago Silva, Alcalde. Julio, 2011.
 - e. Félix A Santiago López, Yucuhiti, 2011
 - f. Onorato F García Ortiz y Ubaldo M Pérez España, Miramar, 2011
 - g. Paulo Artemio García España, presidente del Comisariado de Bienes Comunales, 2011

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

3. Finanzas de Oaxaca, Plan municipal de desarrollo, Santa María Yucuhiti, 2011-2013 [en línea], disponible en: http://www.finanzasoaxaca.gob.mx/pdf/inversion_publica/pmds/11_13/446.pdf.
4. González Solano, (2011). Las mixtecas y la región Triqui de Oaxaca. Estudio Etnográfico de Pablo Velásquez Gallardo (1954). CDI, México.
5. INEGI (1930). Censo de población 1930, México.
6. INEGI (1940). Censo de población 1940, México.
7. INEGI (1950). Censo general de población 1950, México.
8. INEGI (1960). Censo general de población 1960, México.
9. INEGI (1970). Censo general de población 1970, México.
10. INEGI (1980). Censo general de población y vivienda, 1980, México.
11. INEGI (1990). Censo general de población y vivienda, México.
12. INEGI (1997) División territorial del Estado de Oaxaca de 1810 a 1995, T. I. México.
13. INEGI, Principales resultados por localidad, Oaxaca, XII Censo general de población y vivienda 2000 http://internet.contenidos.inegi.org.mx/contenidos/productos/prod_serv/contenidos/espanol/bvinegi/productos/censos/poblacion/2000/resultadosporlocalidad/INITER20.pdf
14. INEGI, Prontuario de información geográfica municipal de los Estados Unidos Mexicanos, Santa María Yucuhiti, Oaxaca, INEGI, México [en línea], disponible en: <http://www3.inegi.org.mx/sistemas/mexicocifras/datosgeograficos/20/20446.pdf>
15. INEGI (2008). II Censo de Población y Vivienda 2005. México y sus municipios, México.
16. López Bárcenas, Francisco, Espinoza Saucedo, Guadalupe. "Derechos territoriales y conflictos agrarios en la mixteca: el caso de San Pedro Yosotato" (en línea), disponible en: <http://www.lopezbarcenas.org/sites/www.lopezbarcenas.org/files/Derechos%20territoriales%20y%20conflictos%20agrarios%20en%20la%20mixteca.pdf>.
17. Monaghan, John. (1999). The covenants with earth and rain: Exchange, sacrifice and revelation in Mixtec society, University of Oklahoma press, Oklahoma, USA.
18. Ordenamiento territorial de Santa María Yucuhiti, Tlaxiaco, Oaxaca, 2005 [en línea] en: http://www.grupomesofilo.org/pdf/proyectos/OTC/OTC_YucuhitiPlan.pdf.
19. RAN, Padrón e Historial de Núcleos Agrarios [en línea] disponible en: phina.ran.gob.mx/phina2/Sesiones.
20. Santiago López, Félix Arturo. Coordinador de Investigadores Comunitarios. (2006) Memoria Histórica de Santa María Yucuhiti, Ocotepaque, Tlaxiaco, Oaxaca. Ñuu Savi Mixteca, Oaxaca, México.
 - a. Amado Ismael España Ortiz
 - b. Carmen López Feria
 - c. Dionisio Castro Castro
 - d. Lista de caciques, gobernadores, alcaldes

УДК 1.14

Марко Антонио Урдапильета

Латинская Америка и Россия. Конструкция двух идентичностей в современном мире

Цель данного доклада состоит в том, чтобы сравнить в общих чертах два релевантных дискурса, отталкиваясь от исторических реалий Латинской Америки и Российской Федерации на базе культурной идентичности первого региона и исходя из национальной идентичности второго, от 90-х годов до наших дней.

Ключевые слова: Культурная идентичность, XXI век, Россия, Латинская Америка, модернизация

Доктор Latinoамериканских исследований Марко Антонио Урдапильета, профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Beck, Ulrich. (1998). *¿Qué es la globalización? Falacias del globalismo, respuestas a la globalización*. Barcelona, Paidós.
2. Beck, Ulrich. (1998a). *La invención de lo político*. México, Fondo de Cultura Económica.
3. Brunner, José Joaquín (1996). "Tradicionalismo y modernidad", *Escritos, Revista del Centro de Ciencias del Lenguaje* 13-14.
4. Dugin, Alexander. (2014). "Eurasia en la Guerra de Redes (Redes eurasiánistas en vísperas del 2015)". <https://4tpes.wordpress.com/2014/12/18/eurasia-en-la-guerra-de-redes/>. Consultado el 28 de septiembre de 2015.
5. "Occidente y su desafío (I)". (2015)". <https://4tpes.wordpress.com/2015/10/19/occidente-y-su-desafio-ii/>. Consultado el 23 de septiembre de 2015.
6. "Occidente y su desafío (II)". (2015a). <https://4tpes.wordpress.com/2015/10/12/occidente-y-su-desafio/> Consultado el 23 de septiembre de 2015.
7. Fukuyama, Francis. (1992). *El fin de la historia y el último hombre*. Buenos Aires, Planeta.
8. Giddens, Anthony. (2002). *Consecuencias de la modernidad*. Madrid, Alianza.
9. Hopenhayen, Martín. (1995). *Ni apocalípticos ni integrados. Las aventuras de la Modernidad en América Latina*. Santiago, Fondo Cultura Económica,
10. Larraín, Jorge. (2005). *¿América Latina moderna? Globalización e identidad*. Santiago, LOM Ediciones.
11. Morandé, Pedro. (2001). "Ethos latinoamericano y globalización. (Impacto cultural de la globalización en América Latina)", en *Atenea* 484.
12. Scannone, Juan Carlos. (1995). *La nueva evangelización del mundo de la ciencia en América Latina*. Frankfurt am Main/ Madrid, Vervuert Iberoamericana.
13. The Valdai Discussion Club. (2014). *National Identity and Russia's Future*, en http://valdaiclub.com/publications/reports/national_identity_and_russias_future/. Consultado el 20 de septiembre de 2015.
14. Ortiz, Renato. (2005). *Culturas imperiales: experiencia y representación en América, Asia y África*. Rosario, Beatriz Viterbo.

УДК 1.14

Мальшев М.А.

Николай Бердяев: становление «русской идеи»

Размышления Николая Бердяева о национальной и культурной идентичности России находятся в центре внимания данного доклада. Как и его предшественника Владимира Соловьева, Бердяева не интересовал эмпирический образ своей страны, то что она думала о самой себе, его интересовали духовные достижения России и ее вклад в мировую цивилизацию. Любому монизму, русский мыслитель настойчиво противопоставлял дуализм и подчеркивал, что история его страны всегда проходила через различные расколы. А кроме того «русская идея» была и продолжает оставаться расколотой: Киевская Русь, Русь монгольского ига, Московская Русь, Россия Санкт Петербурга, советская Россия, а теперь и Пост-советская Россия. Коммунизм – это часть русской судьбы, но этот режим будет сметен внутренними силами русского народа. Так писал Бердяев незадолго до смерти и история подтвердила его пророчество.

Ключевые слова: Бердяев, Россия, «русская идея», дуализм, историческая прерывность

Доктор философии Михаил Мальшев – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Berdiaev, Nikolai. (1994). La idea rusa. En el círculo de los escritores y pensadores de la emigración rusa. T. 1, el Arte, Moscú. (en ruso)
2. Cimbaev, Nicolai. (1986). Los eslavófilos. La historia del pensamiento político y social ruso del siglo XIX. El arte, Moscú. (en ruso)
3. Dostoyevski, Fiodor. (1991). Obras completas. T. IV, Aguilar, México.
4. Duguin, Alexandr. Evolución de la idea nacional en Rusia. Ponencia dictada en el Instituto de la Filosofía de la Academia de las Ciencias Rusa. [Http://www.evrazia.org.modules](http://www.evrazia.org.modules). (en ruso)
5. Florovky, Gueorgui. *La tentación euroasiática*. En: La idea rusa. En el círculo de los escritores y pensadores de la emigración rusa. T. 1, el Arte, Moscú, 1994. (en ruso)
6. Panarin, Alexandr. (1994). La introducción a la politología. Escuela nueva, Moscú. (en ruso)
7. Savitsky, Piotr. (1993). *Euroasiatismo*. En: "Rusia entre Europa y Asia: la tentación euroasiática"
8. Trubetskoy, Nicolai. (1993). *Sobre el elemento turanio en la cultura rusa*. En: "Rusia entre Europa y Asia: la tentación euroasiática". (en ruso)
9. Trubetskoy, Nicolai (1993). *El nacionalismo omnieuropasiático*. En: Rusia entre Europa y Asia: la tentación euroasiática. Ciencia, Moscú, 1993. (en ruso)
10. Trubetskoy, Nicolai. Europa y Humanidad. Las perspectivas globales de la civilización. El fenómeno del euroasiatismo. Moscú, 1993. (en ruso)
11. Trubetskoy, Nicolai. (1993). *Nacionalismo auténtico y falso*. En: "Rusia entre Europa y Asia: la tentación euroasiática". (en ruso)
12. Unión Económica Euroasiática. <https://www.ru.wikipedia.org>. (en ruso)
13. Vernadsky, Guergui. (1994). *Dos hazañas del Santo Alejandro Nevski*. En: "La idea rusa. En el círculo de los escritores y pensadores de la emigración rusa". t. 2
14. Visión euroasiática. [Http://www.evrazia.org.modules](http://www.evrazia.org.modules) (en ruso)

УДК 1.14

Хвощев В.Е.

Об универсальном критерии идентичности

Поиск всеобщего и универсального задача не благодарная. Человеческий разум тормозит на пути к вершине абстрактной мысли, принимая свою ограниченность за отсутствие истин, к которым он стремился и не нашёл. Подобная ситуация возникла с представлениями идентичности, не складывающимися в строение, хотя бы отдалённо напоминающее научную теорию. Причина, по мнению автора доклада, проста: наука не выработала критерия идентичности, приемлемого для её количественной интерпретации. Это значит, что в исследованиях феномена отсутствует мера идентичности объектов, без чего невозможен научный анализ. Разумеется, критерий идентичности должен быть сложным, а её индикатор – комплексным. В качестве такого критерия автор предлагает использовать активность объектов, имманентно присущее им свойство – готовность, способность к самодвижению, самодеятельности. В таком случае идентичность обретает неожиданные, порой странные содержание и формы, по-новому раскрывающие её сущность.

Ключевые слова: идентичность, критерий идентичности, мера идентичности, активность, самодвижение, самодеятельность

Хвощев Владимир Ефимович.
Профессор Южно-Уральского
государственного университета,
E-mail: vek@susu.ac.ru

Внимание исследователей к понятию идентичности явлений и процессов и всему вещественному, что стоит за ним в реальном мире, сегодня значительно и растёт. Но так было не всегда и не везде. Дело в том, что идентичность не является ни качеством, ни свойством отдельно взятого предмета, а именно на эти стороны бытия направлен, главным образом, познавательный интерес. Идентичность – характеристика отношения одной вещи к другой.

Вполне естественно, что, сравнивая предметы (а идентичность – это сравнительная характеристика единиц множества), мы обращаем внимание в первую очередь на то общее, что в них имеется, ищем тождество их частей, пытаемся обнаружить сходство. Особенности и различия объектов сравнения нас интересуют во вторую очередь, поскольку они малополезны для науки и практики, играют вспомогательную роль. Действительно, идентичность объекта или предмета другому даёт основание, хотя бы приблизительно, определять другое и прогнозировать его движение по аналогии с первым, в то время как отсутствие идентичности мало информативно.

В современной российской науке это важное понятие стало утверждаться совсем недавно и не во всех её областях. Не нашлось ему места ни в Конституции РФ, ни в общих правовых документах, хотя в юридической практике

оно получило широкое распространение.

Удивительно, что понятие идентичности совсем не используется российской экономической наукой. Лишь изредка отечественные экономисты затрагивают частные проблемы финансовой идентификации [1] и совсем редко пишут о её более общих вопросах [2].

Вызывает недоумение слабая эксплуатация понятия идентичности российскими исследователями проблем международной жизни. В популярном российском журнале «Международная жизнь» лишь в начале столетия промелькнули пару статей, посвящённых национальной идентичности России [3], после чего о столь важном приложении мировой политики было забыто. Тем не менее, логика сравнения прямо указывает на целесообразность усилий международных исследователей в этом направлении. Поэтому отрадно, что журнал «Мировая экономика и международные отношения» пусть недостаточно, но наш взгляд, регулярно обращается к анализу идентичности. Причём не только к идентичности разных стран и сообществ [4], не только к соответствующим проблемам России [5], но и к общенаучным и теоретическим вопросам [6].

В русле многолетнего сотрудничества между Южно-Уральским государственным (национальным исследовательским) университетом и Автономным университетом штата Мехико, в контексте совместного коллоквиума по вопросам

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

национально-культурной идентичности России и Мексики нельзя обойти вниманием публикации по этой тематике российского журнала «Латинская Америка». В нём отражается (пусть недостаточный) интерес как к проблемам идентичности отдельных латино-американских стран [7], так и к общим вопросам исследования идентичности [8]. И если в этом (2015) году специальных работ по теме пока не опубликовано, упоминание идентичности в отдельных номерах встречается, что видно из ключевых слов и текстов статей из другой проблематики.

Складывается впечатление, что в российских научных журналах понятие идентичности чаще имеет идеологическое наполнение или представляет собой дань, сформировавшейся в последние 10–15 лет моде.

Несколько лучше обстоят дела в российских академических (предметных) журналах. В них просматриваются попытки выяснения онтологических основ и гносеологической специфики идентичности и её понятия [9].

Наметились очевидные успехи в исследованиях разновидностей идентичности: государственной [10], социальной (классовой) [11], национальной [12], культурной [13], цивилизационной [14], профессиональной [15] и православной, в частности [16], региональной [17] и пространственной в целом [18], молодёжной [19]. Эти достижения и отличие от многих аналогичных имеют спорадический характер, не

обусловленный напрямую государственным заказом. Ни в Конституции Российской Федерации, ни в Посланиях президентов РФ термин идентичность не встречается, хотя похожее понятие находит отражение в синонимах и бытовых образах, но которые весьма изобретателен наш Президент.

В целом исследования по идентичности в российской социально-гуманитарной науке представляют собой многоликий широкодиапазонный дискурс, нуждающийся, по крайней мере, в классификации и типологии. Социальный заказ на столь достойную научно-исследовательскую работу вполне созрел, однако, велик соблазн, не дожидаясь результатов такого предварительного анализа, предпринять попытку поиска критерия идентичности.

Простая логика определения идентичности явлений или процессов предполагает их сравнение с целью обнаружения общих свойств. Как правило, если такие находятся, то делается вывод об идентичности объектов сравнения. При этом совсем не часто ставится вопрос о мере идентичности, её количественном выражении. На практике исследуемые объекты характеризуются множеством свойств и качеств, совпадение которых далеко не всегда является признаком идентичности. Одинаковые формы могут нести в себе разное содержание и вводить исследователя в заблуждение относительно их родства. С другой стороны, внешне различающиеся объек-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ты по своему качественному наполнению могут быть идентичными. Иначе говоря, объективная оценка идентичности возможна только посредством общего универсального показателя.

Таким показателем, на мой взгляд, могла бы стать активность объектов. Активность – это свойство любого материального тела, отражающее его готовность (способность) к самодвижению (самодетальности) – движению за счёт внутренних сил и энергии самого объекта. Об этом понятии я писал во многих своих работах [20], а две из них опубликованы на испанском языке [21], благодаря моему другу – профессору-исследователю УАЕМ Михаилу Малышеву.

Возможно, было бы смелым утверждать, что активность объектов является мерой их идентичности, но такая гипотеза заслу-

живает, по-моему, обсуждения и обстоятельной проверки. Действительно, антропологические показатели дифференциации общества, широко распространённые в современной науке и практике, не выдерживают серьёзной критики. Расовые различия не нашли убедительного отражения в генетике, гендерные особенности сформированы традициями и полом, возрастная специфика человека преходяща. Профессиональные различия людей в современной жизни излишне динамичны и неопределённые, чтобы играть роль критерия идентичности, а отношения к собственности – запутаны и непрозрачны. Очевидно, что классификация общества на основе групповой идентичности может быть продуктивной лишь при использовании для этой цели комплексной характеристики личности. И другой характери-

Библиографический список

1. А. Поршаков, А. Пономаренко. Проблемы идентификации и моделирования взаимосвязи монетарного фактора и инфляции в российской экономике, Вопросы экономики, № 7, 2008; М. Камротов. Идентификация режимов динамики валютного курса доллар - евро: подход на основе реконструкции нелинейных динамических систем, Вопросы экономики, № 12, 2010.
2. Г. Боуш. Типологизация, идентификация и диагностика кластеров предприятий: новый методологический подход, Вопросы экономики, № 12, 2010.
3. Картунов С. Национальная идентичность России: внешнеполитическое измерение, Международная жизнь, № 6, 2003; Лебедева В. О национальной идентичности и создании имиджа России, Международная жизнь, № 4-5, 2004.
4. В. Борисюк. Президентская кампания 2000 г. в США: кризис партийной идентичности, Мировая экономика и международные отношения, № 3, 2001; В. Иноземцев, Е. Кузнецова. Возвращение Европы. В поисках идентичности: европейская социокультурная парадигма,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Мировая экономика и международные отношения, № 6, 2002; С. Чугров. Япония: вновь в поисках идентичности, Мировая экономика и международные отношения, № 12, 2003; Я. Стрельцова. О проблеме "национальной идентичности" во Франции, Мировая экономика и международные отношения, № 7, 2006; Г. Вайнштейн. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики, Мировая экономика и международные отношения, № 4, 2011.

5. В. Соловей. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России, Мировая экономика и международные отношения, № 6, 2003; С. Медведев. Россия: внешняя политика, безопасность, идентичность, Мировая экономика и международные отношения, № 7, 2003; А. Андреев. Современная российская идентичность: внешнеполитическое измерение, Мировая экономика и международные отношения, № 7, 2008; К. Гаджиев. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа, Мировая экономика и международные отношения, № 2, 2010;

6. В. Суханов. Региональная идентичность в контексте глобализации: теоретический анализ, Мировая экономика и международные отношения, № 1, 2009;

7. Н.В. Ракуц. К вопросу о времени становления креольской идентичности в Перу, Латинская Америка, № 12, 2002; М.С. Хван. Культурная идентичность Бразилии в эпоху глобализации, Латинская Америка, № 2, 2014; Я.Г. Шемякин. BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания, Латинская Америка, № 7, 2014.

8. В.Б. Земсков. Самоидентификация и культура, Латинская Америка, № 7, 2009; З.В. Ивановский. Проблема национальной идентичности и административно-территориального устройства в полиэтничных государствах, Латинская Америка, № 6, 2012; Е.А. Протокилова, Э. Родригес Алмейда. Грани идентичности, Латинская Америка, № 8, 2012.

9. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей, Вопросы философии, № 2, 2010; Семенов И.С., Лапкин В. В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития, Политические исследования, № 3, 2010; Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн, Вопросы философии, № 6, 2011; Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности, Политические исследования, № 4, 2013; Семенов И.С., Н.Н. Федотова. Изучение идентичности и контексты ее формирования, Вопросы философии, № 5, 2014.

10. Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства, Политические исследования, № 3, 2011; Санина А. Г. Государственная идентичность: издержки виртуализации, Социологические исследования, № 3, 2012; Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход, Социологические исследования, № 12, 2012.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

11. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ, Социологические исследования, № 10, 2004; Гришина Е.А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации, Социологические исследования, № 3, 2008; Шарипова Р.Х. Социальная идентификация российских и китайских студентов, Социологические исследования, № 8, 2012.

12. Цыганков А.П. Национальная идентичность и политико-экономические стратегии в постсоветском пространстве, Вопросы философии, № 11, 2001; Я. Стрельцова. О проблеме "национальной идентичности" во Франции, Мировая экономика и международные отношения, № 7, 2006; Семенов И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности, Политические исследования, № 5, 2008; Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект, Вопросы философии, № 10, 2011; Семенов И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения, Политические исследования, № 3, 2011.

13. Кессиди Ф.К. Глобализация и культурная идентичность, Вопросы философии, № 1, 2003; Вайнштейн. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики, Мировая экономика и международные отношения, № 4, 2011; Немировский В.Г. Особенности социокультурной самоидентификации населения Восточной Сибири, Социологические исследования, № 8, 2011; Скворцова Е.А. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией, Вопросы философии, № 7, 2012.

14. Раскин Д.И. Русский национализм и проблематика культурно-цивилизационной идентичности, Политические исследования, № 6, 2007; Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации, Политические исследования, № 3, 2008; Лапин Н.И. Цивилизация, модернизация, идентичность в исследовании китайских ученых, Вопросы философии, № 6, 2012; Я.Г. Шемякин. BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания, Латинская Америка, № 7, 2014.

15. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе, Социологические исследования, № 10, 2006; Намруева Л.В. Конфессиональная идентичность монгольских народов, Социологические исследования, № 2, 2012.

16. Рыжова С.В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания, Социологические исследования, № 12, 2008.

17. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России, Социологические исследования, № 3, 2005; В. Суханов. Региональная идентичность в контексте глобализации: теоретический анализ, Мировая экономика и международные отношения, № 1, 2009; Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России, Социологические исследования, № 7, 2011.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

18. Цыганков А.П. Национальная идентичность и политико-экономические стратегии в постсоветском пространстве, Вопросы философии, № 1, 2001; Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе, Социологические исследования, № 7, 2003; Россман В. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах, Вопросы философии, № 2, 2008; Замятин Д.Н. «Вообразить Россию». Пространственная идентичность в Северной Евразии, Социологические исследования, № 5, 2009.

19. Букин В. П. Самоидентификация провинциальной молодежи в контексте социально-статусной принадлежности, Социологические исследования, № 3, 2010; Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи, Политические исследования, № 4, 2010; Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичности молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора, Социологические исследования, № 12, 2010.

20. Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008; Политическая активность: современные тенденции и новые формы. Научно-исследовательские работы преподавателей и студентов-политологов / под редакцией В.Е. Хвощёва. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. – 2009; Хвощёв В.Е. Изменение России в контексте теории активности. / Изменение России: политические повестки и стратегии. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 25–26 ноября 2010 г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2010; Хвощев В.Е., Просвирнина О.И. Развитие социальной активности субъектов как цель образовательной политики государства. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. Том 13. – № 1. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. – 2013; Хвощев В.Е. Коррупция как разновидность политико-экономической активности субъектов. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Том 14. – № 3. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. – 2014; Хвощев В.Е. Коррупционная активность в современном государстве. Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) Москва, 21-22 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. – М.: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2014.

21. Vladimir Jvoschev. Naturaleza y esencia del activismo / Contribuciones desde Coatepec. – 2010; Vladimir Jvoschev. Naturaleza y esencia del activismo / Dialectica, № 43, 2011.

УДК 1:3+1:93+271.2

Логиновский С.С.

«Отвержение мира» как практика изменения идентичности у аввы Дорофея

В докладе рассматривается проблема изменения идентичности на примере творчества известного христианского подвижника аввы Дорофея (Газского). Он считает, что после грехопадения человек попал в рабство к греху, стал воспринимать его как естественную часть своей природы. Подобную, противоестественную, негативную идентичность Дорофей обозначает термином «ветхий человек». Грех властвует над человеком, паразитируя на его воле. Поэтому борьба с ним (то есть изменение собственной идентичности) предполагает излечение воли. Метод такого излечения аскетические писатели называют «отсечением воли». Его суть заключается в том, чтобы человек ничего не делал по своей воле. Это требование распространяется даже на те желания, которые представляются и действительно являются благими, ведь главная задача отсекающего свою волю заключается не в «творении» добрых дел, а в избавлении воли от греха, что невозможно сделать, позволяя «больной» (грехом) воле продолжать действовать.

Ключевые слова: христианство, патристика, аскетика, социальная философия, идентичность, авва Дорофей, грех, отсечение воли.

Логиновский Сергей Сергеевич,
кандидат философских наук,
доцент Южно-Уральского государственного университета

Термин «идентичность» существует в социальных и гуманитарных науках сравнительно недавно. Однако, как это часто бывает в истории науки, соответствующая проблематика с использованием других терминов обсуждалась и ранее. Показательным примером такой ситуации является христианская аскетическая (монашеская) литература: проблеме того, что в настоящее время называют идентичностью, в ней уделяется значительное внимание. Это не случайно: в определенном смысле монашество можно трактовать как практику изменения идентичности. Обращение к опыту подобного изменения в наше время, время изменений, поисков себя, как никогда актуально.

Показательным примером аскетического видения данной проблемы является первое (вводное) поучение «Об отвержении мира» «Душеполезных поучений» жившего в VI веке известного христианского подвижника аввы Дорофея (Газского) [см. о нем: 1]. Ее анализу и посвящена данная статья.

Считается, что большая часть «Душеполезных поучений» была произнесена перед монахами недавно основанного аввой Дорофеем монастыря. В них обсуждаются традиционные для аскетической литературы проблемы, которые, впрочем, можно рассматривать не только в контексте христианской антропологии, но и как пример социальной мысли отцов Церкви, тем более что они неразрывно

взаимосвязаны.

Почтение «Об отвержении мира» аввы Дорофея начинается с краткого пересказа основных моментов христианской антропологии, поскольку именно она является («оправданием») монашеского делания, позволяет понять его необходимость.

Преподобный излагает христианскую антропологию в следующем виде. Человек сотворил Бог, определив его местопребывание в раю. Первоначально человек был «украшен» всевозможными добродетелями, имел «здравые чувства». Такое состояние человеческой природы авва Дорофей квалифицирует как естественное.

Показательно описание занятий первозданного человека: согласно преподобному, Адам пребывал в райском наслаждении, которое состояло «в молитве, в созерцании, во всякой славе и чести» [2, с. 32]. То есть, жизнь первозданного человека походила на жизнь монаха, хотя, с точки зрения аввы, скорее, наоборот: монахи стараются подражать первозданному человеку.

Связь монашеского жития с бытием первозданного человека не случайна: отличительной особенностью последнего была его непричастность греху (хотя возможность такой причастности существовала). Это позволяло Адаму находиться в союзе с Богом и благими ангелами, совершившими свой выбор в пользу Бога, то есть быть частью идеального общества. Монахи также стремятся к союзу с Богом (а значит и с пребываю-

щими с Ним благими ангелами), хотя и стать частью идеального общества, коим для отцов Церкви является Царствие Небесное. Оно превосходит рай, в котором обитал Адам, но схоже с ним тем, что не было актуально причастно греху. По этой причине и «делание» монахов схоже с «деланием» первозданного человека.

Такую же аналогию можно провести между монашеским деланием и бытием благих ангелов: последние также, будучи чужды греху, пребывают «окрест» Бога, наслаждаются Его созерцанием и славословят Его [7]. Не случайно в аскетической литературе монахов называют «подражателями небожителей» [3, с. 34]. Подобное устремление монахов есть попытка уже сейчас приблизиться к будущему идеальному бытию, ведь с христианской точки зрения «в эсхатологической перспективе различие между ангелами и людьми нивелировано» [5, с. 285].

Впрочем, слушателей аввы Дорофея в отличие от первозданного человека и от благих ангелов, пребывающих «окрест» Блага, окружает грех, властвующий в естественном обществе («мире»). Борьба с грехом – одна из главных задач монахов, по причине чего они должны понимать его происхождение, сущность и механизм функционирования. Это является еще одной причиной (наряду с указанием на возможность и необходимость иного способа существования, нежели наличное греховное бытие в «мире»), по

который преподобный начинает свое объяснение необходимости «отвержения мира» и монашеского жития с бытия первого человека: именно тогда грех и стал реальностью человеческого бытия.

Объясняя происхождение греха, авва Дорофей говорит, что первому человеку в раю для испытания была дана Богом заповедь (о не вкушении плода с древа познания добра и зла). Но человек нарушил ее, что имело для него самые печальные последствия, которые преподобный описывает следующим образом: после нарушения заповеди человек «пребывал уже во грехе, в славолубии, в любви к наслаждениям века сего и в прочих страстях, и был обладаем ими, ибо сам соделался рабом их» [2, с. 33]. Люди стали «держаться своей воли и следовать самим себе» [там же, с. 40], а не Богу. Поскольку же эта воля была порабощена грехом, постольку и результатом ее воплощения в жизнь был тот или иной вид греха. Подобное состояние авва Дорофей называет противоестественным.

Находясь в таком состоянии, человек не способен участвовать в бытии общества Бога и благих ангелов, потому что все нечистое совершенно чуждо Богу. Более того, люди (за редким исключением упоминаемых в Библии ветхозаветных праведников) начинают забывать о самом факте существования Бога. Творец различными способами старался исправить такое положение дел, но не преуспел в этом, поскольку че-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ловек должен был добровольно выбрать Бога, но не мог этого сделать, находясь в рабстве греху.

Тогда Бог посылает «Единого Сына Своего, ибо один только Бог мог исцелить такую болезнь» [там же, с. 34]. В результате Боговоплощения человек освобождается (в таинстве крещения) от неизбежного подчинения греху. Но он, подчеркивает преподобный, может опять произвольно попасть к нему в рабство, если не будет идти по пути, указанному Христом. Впрочем, и в этом случае ситуация для человека лучше, нежели до Боговоплощения: после этого события, даже согрешая, человек имеет возможность измениться и вновь стать свободным, причем «не только от грехов наших, но и от самих страстей» [там же, с. 35], которые, как считает авва Дорофей, есть источник грехов, понимаемых как действия, «совершаемые телом».

Но самое главное заключается в том, что человек узнает о причине, по которой он отпадает от Бога, становясь страстным и склонным к совершению греховных действий. Эта причина – «возношение» (гордость), которое развивает пренебрежение, за которым следует действие: преслушание и (как итог) – погибель. Соответственно, средство борьбы с первопричиной «погибели» – смирение (смиренномудрие), порождающее послушание – средство спасения и соединения с Богом. В качестве доказательства истинности своих слов Дорофей приводит множество при-

меров из Св. Писания [там же, с. 38-39].

Таким образом, в результате Боговоплощения человек не только освобождается от безусловной власти над ним греха, но и получает знание о том, как грех функционирует, что дает ему возможность предотвращать саму возможность греха, позволяет стать беспристрастным, уподобиться, насколько это возможно существам телесным, Богу.

Далее Дорофей переходит непосредственно к монашеству, говоря о его возникновении. Преподобный замечает, что первоначально монахами стали (и становятся в дальнейшем) люди, которые желают уже здесь, в земной жизни, в этом «дебелом» теле достичь максимально возможного совершенства. Эти люди заметили, что «находясь в мире, не могут удобно совершать добродетели и измыслили себе особенный образ жизни, особенный порядок провозждения времени, особенный образ действия, словом – монашеское житие и начали убегать из мира» [там же, с. 42].

Сказанное не следует понимать как отрицание социальности, как неприятие коллективного бытия как такового. Это следует уже из того факта, что само монашеское движение изначально было именно социальным движением, своего рода социальным экспериментом по воплощению святоотеческого социального идеала (Царствия Небесного) в земном бытии. Причина критического

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

отношения монахов к естественному обществу (миру) является его причастность ко греху, который во многом определяет специфику организации и функционирования данного вида общества. Не имея возможности преобразовать естественное общество, «мир» (поскольку для этого, с христианской точки зрения, требуется добровольное желание и действие всех образующих его людей) христиане, стремящиеся к совершенству здесь и сейчас, покинули его и стали «жить в пустынях», образовав новое общество, максимально полно воплощающее христианский социальный идеал (в возможной для нынешнего земного бытия степени).

На стремление к воплощению в монашеском движении святоотеческого социального идеала указывает замечание аввы Дорофея о том, что монахи – это те, кто по собственной воле желают исполнить не только то, что обязаны делать все христиане (исполнять заповеди Христовы, жить по ним), но и дополнить это тем, что не является обязательным требованием – девством и нестяжанием. Согласно представлениям отцов Церкви в идеальном обществе (Царствии Небесном) «не будет более ни земледелия и мореходства, ни царств и военачалий, ни рабства и господства, ни искусств и наук, ни нищеты и богатства» [8, с. 248], одним словом, не будет необходимости в поддержании жизни в нынешнем смысле этого слова, поскольку изменится сама

жизнь человека, его тело, его природа в целом, что сделает ненужным как «стяжание» (в том числе в смысле поддержания физического существования), так и брак. Монахи, практикуя девство и нестяжание, тем самым также следуют христианскому социальному идеалу, предвосхищают полноту его осуществления в эсхатологическом будущем.

Эту же цель преследует и главное (по мнению аввы Дорофея) «нововведение» монахов – стремление к полному устранению из своего индивидуального и социального бытия греховных страстей – первоисточника греховных действий и, шире, греховной жизни. Такое устранение делает монахов еще в этой жизни бесстрастными, каковыми и являются уже сейчас пребывающие в Царствии Небесном ангелы. Именно этой проблеме – борьбе со страстями и требующейся для этой борьбы смене идентичности – посвящена последняя часть поучения преподобного. В ней авва Дорофей подчеркивает, что для того, чтобы новое житие (общество) было действительно новым, необходимо не просто удалить себя из мира (естественного общества), но удалить мир из себя, что предполагает «умерщвление своих страстей» [2, с. 43]. Человек должен не только уйти из мира физически, но и мысленно его покинуть, не только не иметь вещей, но и не желать их иметь. Даже если это какое-либо незначительное необходимое для физического выживания монаха

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«рабочее орудие»), необходимо стремиться, обладая им, не иметь к нему «мирского пристрастия», привязанности, необходимо быть готовым без всякого сожаления расстаться с ним в любую минуту.

Для достижения этого необходимо изменить самого себя, стать в буквальном смысле другим человеком, используя новозаветную терминологию – стать *новой тварью во Христе* (2 Кор. 5, 17). Говоря современным языком, человек должен полностью изменить свою идентичность, должен не только физически покинуть мир, но и в своем сознании перестать отождествлять себя с ним, с какой-либо его частью. В самом деле, суть понятия идентичность как раз и заключается в «самоотождествлении с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями». [4, с. 102], поэтому стремление монахов устранить подобное самоотождествление можно с полным правом называть стремлением к изменению идентичности, причем, весьма радикальному: человек должен стать совершенно другим, заново (духовно) родиться. Собственно, в христианстве это предполагается таинством крещения, однако нередко и после нового духовного рождения в крещении человек продолжает жить прежней жизнью, отчасти по причине собственного «нерадения», отчасти по объективным причинам – трудности новой жизни в «ветхом» обществе, что в совокупности и порождает необходимость в монашестве.

Столь радикальное – полное – изменение идентичности обусловлено христианской антропологией, пониманием специфики человеческого бытия после грехопадения. По мнению отцов Церкви, в результате грехопадения греховные страсти настолько овладели человеком, что он стал идентифицировать себя с ними, считать не просто своей органической, естественной частью, но в буквальном смысле самими собой. Вслед за Св. Писанием (Рим. 6, 6; Ефес. 4, 22; Колос. 3, 9) подобная, негативная идентичность обозначается термином «ветхий человек».

Механизмом, посредством которой грех властвует над человеком, является воля. Именно воля есть «средство», благодаря которому человек способен совершать действия. Поработив после грехопадения волю человека, грех направил ее к совершению греховных действий, в том числе даже и тогда, когда человек осознает опасность таких действий и стремится их избежать. Отцы Церкви подчеркивают, что речь в данном случае не идет о полной предопределенности человека ко злу, а лишь о склонности к нему. Однако склонность эта весьма сильна и в большинстве случаев преобладает в действиях человека. Этому, помимо прочего, весьма способствует тот факт, что человек идентифицирует греховную интенцию своей воли (и результаты ее осуществления) с самим собой, считает, что это есть естественное проявление его человеческой приро-

ды. Именно поэтому авва Дорифей так настойчиво подчеркивает, что подобная направленность воли является противоестественной.

Впрочем, даже осознание противоестественности подобной идентичности не отменяет ее привычности и силы. Именно поэтому от монаха требуется полное отвержение себя, своей воли, поскольку такое сильное «заболевание» требует не менее сильного средства излечения. В действительности (с христианской точки зрения) подобное отвержение не есть отвержение собственного Я, а отвержение «фантома», так сказать «фейка», выдающего себя за Я. Однако, используя язык естественного общества (мира), язык, понятный для человека, еще не достигшего высот духовной жизни, понимая, что, не имея опыта подлинного Я, человеку трудно понять, что привычное ему Я вовсе не есть его подлинное Я, монахи говорят именно об отвержении себя.

Итак, поскольку грех властвует над человеком, паразитируя на его воле, постольку борьба с ним, изменение собственной идентичности предполагает излечение воли. Метод такого излечения аскетические писатели называют «отсечением (отвержением) воли». Краткому описанию этого метода, его значения, посвящена заключительная часть первого поучения аввы Дорифея.

Говоря о значении данной практики, преподобный подчеркивает, что «ничего не приносит такой пользы людям, как отсече-

ние своей воли, и поистине от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели» [2, с. 37]. Подобная высокая оценка данного метода логична, если учесть все сказанное выше.

Суть отсечения своей воли заключается в том, что человек ничего не должен делать по своей воле. Это требование распространяется даже на те желания, которые представляются и действительно являются благими, ведь главная задача отсекающего свою волю заключается не в «творении» добрых дел, а в избавлении воли от греха, что невозможно сделать, позволяя «больной» (грехом) воле продолжать действовать.

Вообще, в монашеской практике, отсечение своей воли предполагает не только отказ от действий в соответствии со своими желаниями, но и полное и беспрекословное следование воле своего наставника, духовного отца [см.: 5]. Но в водном поучении авва Дорифей не рассматривает этот вопрос, скорее всего потому, что его задача в данном случае – дать общую картину монашеского «делания». Впрочем, чтобы не оставить своих слушателей в полном недоумении и для того, чтобы показать новоначальным монахам, что такая радикальная смена идентичности не является непосильной для человека задачей, преподобный описывает сравнительно простой, доступный практически каждому способ формирования навыка отсечения собственной воли, используя который «можно и в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

краткое время отсечь (даже) десять хотений своих» [2, с. 47]. Его суть заключается в том, что необходимо начинать с малого: отсекают незначительные «пожелания» (например, не любить относительно различных несущественных происшествий, не имеющих большого значения для жизни), что сделать относительно легко. После того, как человек привыкнет отсекаать подобные незначительные (несильные) пожелания, ему будет проще переходить к отсечению более значительных пожеланий. В итоге, действуя подобным образом, человек

«достигает того, что и в великом отсекает ее [свою волю – С.Л.] без труда и спокойно, и достигает, наконец, того, что вовсе не имеет своей воли» [2, с. 48], связанной с грехом, достигает бесстрастия и живет по воле Бога, обретая свое подлинное Я.

В завершение рассматриваемого поучения преподобный приводит примеры успешного отсечения подвижниками своей воли и результаты такого отсечения, которые должны показать действенность описанного им метода и мотивировать слушателей активно применять его для того, чтобы изменить свою иден-

Библиографический список

1. Бернацкий М.М., Дионисий (Шлёнов). Дорофей Газский // Православная энциклопедия. Том XVI. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. – С. 32-43.
2. Дорофей, авва. Душеполезные поучения. – М.: Издательство ТСА, 2007. – 304 с.
3. Иоанн Синайский, преп. Лествица. – М.: Издательство ТСА, 2007. – 496 с.
4. Косолапов Н.А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии. – М.: РУДН, 2003.
5. Логиновский С.С. Преподобный Макарий Египетский о социальном устройстве монашества // Вестник ЧелГУ. Серия Философия. Социология. Культурология. Выпуск 20 (2/2011). – С. 139-143.
6. Петров В.В. Символ и священнодействия в позднем неоплатонизме и в «Ареопагитском корпусе» // ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. Исследования по истории платонизма. – М.: Кругъ, 2013. – С. 264-308.
7. Феодор Студит, преп. Слово на собор небесных чинов // Феодор Студит, преп. Малое оглашение. Слова. – М.: Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 2000. – С. 368-383.
8. Феодорит Кирский, блаж. Толкование на четырнадцать Посланий святого Апостола Павла // Феодорит Кирский, блаж. Творения. – М.: Паломник, 2003. – С. 87-638.

УДК 004.8

Гутенев Максим Юрьевич

К вопросу об идентичности искусственного и естественного интеллекта

В работе рассматривается вопрос идентичности естественного и искусственного интеллекта. В условиях всеобщей информатизации и глобализации обостряется вопрос о возможности создания искусственного интеллекта, который смог бы в точности соответствовать свойствам разума человека. Большое внимание в статье уделяется причинам, которые повлияли на изменение догматической точки зрения на природу человеческого интеллекта.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, китайская комната, компьютер.

Гутенев Максим Юрьевич доцент кафедры политологии, Южно-Уральский государственный университет, кандидат философских наук. E-mail: m.gutenev@mail.ru

Появление первых компьютеров в 50-х годах XX века привело к изменениям во многих сферах общества и личности. Догмат о том, что человек является единственным думающим существом на планете, стал подвергаться критике со стороны ученых и философов. В данной работе мы попытаемся выяснить, насколько идентичны друг другу искусственный интеллект и человеческий разум.

Технические достижения XX века заставили многих ученых и философов задуматься, что представляет собой искусственный интеллект и какие перспективы он открывает для человечества, каковы его границы и где грань между человеческим и машинным разумом? Эти и многие другие вопросы привели к обострению спора об идентичности естественного и искусственного интеллекта.

Создание искусственного интеллекта обусловлено с исследованием и пониманием естественного интеллекта. Проблема определения искусственного интеллекта во многом сводится к определению интеллекта вообще: является ли интеллект чем-то монолитным, или же это понятие определяет набор различных способностей? В какой мере интеллект можно создать? Что происходит при создании такого интеллекта. В связи с тем, что мы не ставим задачу дать новую дефиницию интеллекта, мы будем исходить из следующей философской интерпретации: «Интеллект – способность к опосредованному, абстрактному познанию,

включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение» [8, с. 127–128].

Основной спор противников и сторонников признания искусственного интеллекта сводится к обсуждению перспективы создания электронных устройств, обладающих способностью к мыслительной деятельности. Изучение искусственного интеллекта – направление еще молодое и его структура, круг вопросов не так четко определены, как в других науках.

Хотя первые работы в области искусственного интеллекта появились уже в 40-е годы XX века, само название этой области было предложено лишь в 1956 году. В настоящее время ученые все еще не пришли к единому пониманию значения термина «искусственный интеллект». Чаще всего он употребляется в трех значениях: «1) Научное направление, ставящее целью моделирование процессов познания и мышления, использование применяемых человеком методов решения задач для повышения производительности вычислительной техники; 2) различные устройства, механизмы, программы, которые по тем или иным критериям могут быть названы «интеллектуальными»; 3) совокупность представлений о познании, разуме и человеке, делающих возможным саму постановку вопроса о моделировании интеллекта» [4, с. 159–160].

При всем разнообразии трактовок понятия искусственно-

го интеллекта общим для большинства из них является признание того, что системы искусственного интеллекта направлены на моделирование или имитацию человеческого мышления, в частности, способности к рефлексии. Большое внимание к проблемам естественного и искусственного интеллекта заставило специалистов из многих областей начать изучение конкретных черт естественного интеллекта, чтобы в дальнейшем применить эти результаты для построения искусственного интеллекта: «...теоретическое соотношение искусственного интеллекта с естественным интеллектом – важнейшее условие основательного осмысления возможностей искусственного интеллекта, перспектив его развития, а в то же время и одно из актуальных направлений исследования сознания» [2, с. 26].

Теоретические исследования, а также практические успехи имитации некоторых простых интеллектуальных функций в исследованиях 50-х годов породили у многих исследователей уверенность в том, что задача создания полноценного искусственного интеллекта вполне разрешима и, более того, создание «думающих машин» – дело ближайшего будущего. Впервые вопрос о возможности создания полноценной искусственной имитации человеческого интеллекта был поставлен английским ученым А. Тьюрингом в его статье «Вычислительные машины и разум» [9], опубликованной в 1950 г. в журнале «Mind». В статье А. Тьюринг рассмотрел вопрос о

том, можно ли заставить машину действительно думать. Отмечая, что в вопросах («Что такое думать?») и («Что такое машина?») есть фундаментальная неопределенность, он предпочел заменить вопрос об интеллекте более точно определенным эмпирическим тестом. В тесте один или несколько людей должны задавать двум другим людям вопросы и на основании ответов своих собеседников определять, кто является машиной, а кто человеком. Если машину, которая маскировалась под человека, раскрыть не удавалось, это означало, что машина обладает разумом.

Тест Тьюринга оказал значительное влияние на исследования в области искусственного интеллекта. Суть интеллекта по предполагаемому варианту сводилась к способности генерировать рассуждения, неотличимые от поведения реального человека. Главная задача искусственного интеллекта, на его взгляд, состояла в имитации такого поведения.

Хотя такой подход А. Тьюринга вызывал критику со стороны философов, его стиль во многом предопределил прагматический стиль в области исследования искусственного интеллекта. Стоит рассмотреть влияние теоретических установок А. Тьюринга на развитие области искусственного интеллекта.

Первой практической попыткой реализации теста Тьюринга стала программа Элиза, созданная Д. Вейзенбаумом в 1966 г. Эта программа была способна имитировать осмысленный диалог. По принципам

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

этой программы в настоящее время создано огромное количество, так называемых, виртуальных собеседников. Эти виртуальные собеседники имеют определенные базы знаний, которые позволяют им имитировать диалог с человеком. В самом простом случае база данных представляет собой набор возможных вопросов пользователя и подходящих им ответов. Интересно, что с 1990 г. на базе Кембриджского центра изучения поведения машин ежегодно проходят соревнования по формальному прохождению теста Тьюринга.

К настоящему времени ни одна компьютерная программа так и не смогла пройти полноценный тест Тьюринга в рамках соревнований, но, несмотря на это, в пространстве Интернета существует огромное количество программ, которые могут долгое время вести с живым человеком вполне корректный диалог. Зачастую компьютерный пользователь сталкивается с такими программами в социальных сетях или блогах и не может по неопытности первое время понять коммуницирует ли он с человеком, или с ботом-роботом.

Эйфория прошла, и уже с середины 70-х годов ученые стали осознавать, что наука и философия не видят путей создания машинного аналога естественного интеллекта, способного к рефлексивной деятельности. Нынешнее состояние исследований искусственного интеллекта также нельзя назвать удовлетворительным. Все еще нет четкого определения понятия «интеллект», его состава и главных его механизмов. Несмотря

на активные исследования в области искусственного интеллекта, и по сей день ученые и философы не пришли к однозначному мнению по поводу возможности построения искусственного интеллекта, который бы функционировал по аналогии с естественным интеллектом человека. Вопрос о принципиальной возможности машинной имитации человеческого интеллекта остается открытым.

Теоретические проблемы искусственного и естественного интеллекта наиболее широко разрабатывались в рамках аналитической философии. В настоящее время в современной философской мысли существует два основных подхода к искусственному интеллекту: сильная (дискурсивная) версия искусственного интеллекта и слабая (догматичная) версия искусственного интеллекта. Сильная версия искусственного интеллекта предполагает, что компьютеры могут приобрести способность к рефлексивной мыслительной деятельности и к осознанию себя, пусть даже их мыслительный процесс будет происходить отлично от человеческого. Слабая версия искусственного интеллекта, опираясь на догматичные установки, отвергает любую возможность мышления компьютерными устройствами.

Термин «сильный искусственный интеллект» впервые ввел американский философ Дж. Серл. Он выступает противником сильной версии искусственного интеллекта. Широко известен знаменитый аргумент Дж. Серла в пользу догматичной

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

версии искусственного интеллекта, названный им «аргументом китайской комнаты» [7].

Суть самого аргумента сводится к следующему: человека, владеющего только английским языком помещают в закрытую комнату и предоставляют ему китайский текст для чтения. Так как он не имеет никакого представления о значении китайских иероглифов, человек ничего не понимает. Затем ему дают еще один текст на китайском и инструкцию на родном языке о том, как можно сравнить два этих текста. Изучив правила, человек в комнате сможет идентифицировать наборы формальных символов из английского и китайского языка. Далее приносят третий текст с инструкциями на английском, позволяющими соотнести его с первыми двумя. В итоге после продолжительных упражнений ответы человека, сидящего в комнате, неотличимы от ответов китайцев.

Дж. Серл сравнивает человека с компьютером, производящим действия с неинтерпретированными формальными символами. Понимает ли испытываемый китайский? Дж. Серл дает категорически отрицательный ответ, т. к. простое выполнение подходящего алгоритма еще не говорит о понимании смысла. Если этот англичанин не изучал китайский язык, а знает только программу, написанную на понятном ему языке и позволяющую ему давать «верные» ответы на такие же китайские вопросы, то усвоение такой программы никоим образом не может приблизить его к пониманию китайского языка.

По его мысли, действия англичанина полностью аналогичны работе искусственного интеллекта. Компьютер, исполняющий роль программы не является разумным. Искусственный интеллект, несмотря ни на какие технологические прорывы, согласно Дж. Серлу, неспособен мыслить. Позицию Дж. Серла поддерживают философы Д. Денет, К. Гедель, Дж. Лукас и др.

Дж. Серл подорвал веру в создание искусственного аналога человеческого интеллекта. «Китайская комната» вдохновила огромное количество когнитивных ученых, попытавшись ответить Дж. Серлу. По истечении 20 лет можно констатировать, что «Комната» хоть и расшаталась, но устояла.

По мнению российского исследователя искусственного интеллекта В. В. Васильева догматичные идеи «Китайской комнаты» все еще не опровергнуты, потому что критические нападки на Дж. Серла исходили в основном от ученых когнитивистов, которые из-за своей ангажированности не смогли акцентировать важный дефект «Китайской комнаты».

В своей статье «Кока-кола и секрет Китайской комнаты» В. В. Васильев стремится в очередной раз опровергнуть идеи Дж. Серла. В. В. Васильев считает, что ситуацию в корне меняет превращение «Китайской комнаты» в «Китайского робота»: «Во-первых, робот наделен собственной программой, которая неизвестна Серлу... Во-вторых, программа, инсталлированная в робота, имеет весьма специфический, квазисемантический

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

характер» [1]. То, что было характерно для Комнаты, не подходит для Робота. В. В. Васильев полагает, что комната исключительно синтаксична, возможности этой комнаты крайне ограничены и она не может рассматриваться как реализация догматичной точки зрения на искусственный интеллект, т.к. она даже не сможет пройти тест Тьюринга. Автор считает, что главный дефект «Китайской комнаты» состоит в некорректном отождествлении «Робота» и «Комнаты». Оно некорректно, но именно оно позволило Дж. Серлу достичь эффекта различий человеческого и искусственного интеллекта. В.В. Васильев, будучи сторонником «сильной версии искусственного интеллекта», подчеркивает, что именно «Китайская комната» показывает безальтернативность искусственного интеллекта.

«Масло в огонь» подливают в последнее время большинство современных западных философов, физиков, нейробиологов и медиков. Человеческий организм, по их убеждениям, напоминает собой некий механизм, способности, деятельность и поведение которого зависят от особого расположения и функционирования атомов и нейронов. Специфика их взаимодействия и приводит к появлению способности к мышлению. Однако наукой все еще не дано окончательного ответа на вопрос: каким образом лишённые сознания частицы материи могут породить разум? На этот вопрос обычно следует типичный ответ: «Подобные кусочки материи организованы опреде-

ленными динамическими образами, и именно динамическая организация создает разумность... Мы реально способны искусственным образом воспроизвести конкретную форму той динамической организации, которая делает возможной разумность. Лежащая в основе этой организации структура называется «компьютер», а проект программирования компьютера называется «искусственный интеллект», и, когда он действует, компьютер порождает интеллект, поскольку выполняет правильную компьютерную программу с правильным вводом и выводом данных» [6, с. 51]. Из данной идеи не вполне ясно, откуда берутся ментальные состояния, свойственные человеческому интеллекту.

Д. Серл и в этом случае стоит на догматической позиции, он не согласен с примитивизацией человеческого интеллекта. Он считает, что интеллект человека во многом схож с искусственным интеллектом по системе организации. Но, в то же время, каким бы усовершенствованным не был искусственный интеллект, не может обладать ментальностью.

В подтверждение своей гипотезы Д. Серл проводит следующий мысленный эксперимент: некий Д заболевает и в результате болезни у него отмирают некоторые функции мозга. Доктора заменяют мертвые участки мозга на силиконовые чипы. Пациент выглядит в порядке – он видит, слышит, понимает речь, но человек ли он? Д. Серл считает, что нет: «В этом случае электронные чипы не дублиро-

вали каузальные способности мозга вызывать сознательные ментальные состояния, они всего лишь дублировали определенные функции мозга на входе и выходе. Лежащая же в основе всего этого сознательная ментальная жизнь оказалась упущенной» [24, с. 80].

По логике Д. Серла, искусственный интеллект, даже удачно спроектированный, не сможет быть аналогичным естественному, поскольку в данном случае исключается все ментальное: идеи, убеждения, чувства, эмоции, свойственные только человеческому существу. Поэтому пока науке не удастся объяснить природу ментальных состояний, искусственный интеллект вряд ли будет создан. Остается лишь констатировать, что борьба догматичной и дискурсивной точки зрения на природу искусственного интеллекта сохраняет остроту актуальности.

Борьба этих двух противоположных подходов к искусственному интеллекту актуальна в современных философских исследованиях. Это приводит к постепенному накоплению новых теоретических знаний в области искусственного интеллекта.

Мы полагаем, что даже если сильная версия искусственного интеллекта и потеряет свои позиции в будущем, сам факт ее существования уже привел к изменениям взглядов на природу искусственного интеллекта, породив множество уникальных теорий, объясняющих феномен интеллекта и сознания.

Новые компьютерные технологии уже изменили существую-

щий образ жизни, привели к перестройке социальной структуры общества и обусловили начало нового типа цивилизации – информационного общества. В значительной степени данные изменения проявили себя и в интеллектуальной сфере. На электронной основе стал формироваться новый тип интеллектуальной культуры, характеризующийся постепенной заменой во многих сферах человеческого труда компьютерными технологиями. В интеллектуализации общества все большую роль стали играть компьютеры, которые позволили расширить познавательные возможности человека.

Особую значимость в развитии искусственного интеллекта имеет такой аспект, в основе которого лежит предположение, что искусственный разум в недалеком будущем приведет к усилению контроля над жизнью людей.

Возникает интересный вопрос о том, сможет ли человечество контролировать и использовать созданный им искусственный интеллект. Ответственность и здравый смысл должны стать основными принципами нового типа мышления человечества. Однако в каком ключе должна развиваться «дружба» человеческого интеллекта с искусственным – вопрос крайне дискуссионный.

Все чаще среди исследователей искусственного интеллекта появляются опасения и предостережения, связанные с компьютеризацией, более того, некоторые исследователи полагают, что искусственный интеллект является троянским конем:

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«Так, японцы уже создали компьютер, который совершает 300 млрд. операций в сек.; на подходе компьютер со скоростью 1 трлн. операций в секунду. В то время как Г. Каспаров проиграл компьютеру «Deer Blue», который просчитывал варианты всего лишь со скоростью 200 млн. операций в сек. Все чаще говорят о естественном превосходстве искусственного машинного интеллекта над непоследовательным и ненадежным естественным, о моделировании человеческой личности, о том, что ЭВМ может даже выступать творцом, способным к созданию произведений искусства. Разумная техника вообще грозит в будущем вытеснить человека как менее эффективную и менее рентабельную «модель» [5, с. 62].

Наш соотечественник профессор А. А. Болонкин, который сейчас живет в США, считает, что благодаря развитию в области искусственного интеллекта уже через 20 лет будет возможно создание «электронного человека». Это будет сделано благодаря переписи всей хранящейся в мозгу человека информации в чипы, что приведет к его бессмертию. После замены естественного мозга человека на микрочип, по мнению А. А. Болонкина, должна последовать и замена человеческого тела: «И если бы наш мозг состоял из чипов, а не биологических молекул, то это и означало [бы], что мы получили бессмертие. И тогда наше биологическое тело стало бы нам тяжким бременем. Оно мерзнет, страдает от жары, нуждается в

одежде и уходе, легко повреждается. Куда удобней иметь стальные руки и ноги, обладающие огромной силой, нечувствительные к холоду и жаре, которым не нужна пища и кислород» [3, с. 6.]. На смену нашей цивилизации, имеющей биологическое основание, по мнению А.А. Болонкина, неизбежно придет электронная. Однако такого рода мыслимая возможность в настоящий момент крайне далека от конкретной практической реализации.

Подобные мысли о синтезе человеческого и машинного интеллекта не могут не пугать! Дискурс о будущем человечества в контексте развития искусственного интеллекта и компьютерных технологий в настоящий момент особо популярен в среде трансгуманистов и философов, занимающихся философской антропологией. Одним из ярых противников такого синтетического будущего человечества в настоящий момент выступает В. А. Кутырев. По его мнению, идея о замене человеческого мозга на искусственные чипы является фактом прямого объявления войны человеку: «Сейчас геноцид объявлен всему человечеству. Вопрос его ликвидации только во времени... Но то ли еще будет, по мере распространения компьютеризации и внедрения чипов! И найдутся «философы», которые все это будут оправдывать... мы не будем знать, когда нас не будет» [3, с. 7].

Чтобы не произошла подмена базовых ценностей нашего мира, заключающаяся в теоретическом обосновании самоот-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

рицания человека и замены его интеллекта искусственным разумом, дискурс идентичности оснований естественного и искусственного интеллекта должен расширяться. Человечество имеет право знать, что происходит с ним в принципиальном плане, а помочь обеспечить осмысление этого важного для него дискурса должна философия. Уже сейчас мы должны быть озабочены, в первую оче-

редь, не созданием бессмертного «электронного человека» с искусственным интеллектом, а сохранением жизни обычного человека в целом. Установка на постепенное устранение «биологического» человечества является крайне опасной и даже самоубийственной. Без сомнения, проблемы дальнейшего развития искусственного интеллекта будут в существенной мере определять судьбу рос-

Библиографический список

1. Васильев В. В. Кокакола и секрет китайской комнаты – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/23/1213594898/Vasilev_Kokakola.pdf. – Загл. с экрана. – Дата обращения – 30.10.2012 г.
2. Дубровский Д.И. Искусственный интеллект и проблема сознания [Текст] / Д. И. Дубровский // Философия искусственного интеллекта. Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции, г. Москва, МИЭМ, 17 – 19 января 2005 г. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 26–31.
3. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
4. Петрунин Ю. Ю. Искусственный интеллект // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 2. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.научн. фонд ; Научно-ред. совет : предс. В.С. Степина, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 159–160.
5. Самохвалова В. И. Предполагает ли машинное творчество возможность машинного вдохновения? – // Философия искусственного интеллекта. Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции, г. Москва, МИЭМ, 17-19 января 2005 г. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 62–65.
6. Серл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. – М.: ИдеяПресс, 2002. – 240 с.
7. Сирл Дж. Разум, мозг и программы // Глаз разума / Сост. и обработ. Д. Хофштадтером и Д. Деннетом. – Самара : Бахрах-М, 2003. – С. 314–331.
8. Суворов О. В. Интеллект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.научн. фонд ; научно-ред. совет : предс. В. С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 127–128.
9. Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум // Глаз разума / Сост. и обработ. Д. Хофштадтером и Д. Деннетом. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 47–59.

УДК 1.14

Вишев И.В.

Проблема идентичности человека в условиях техногенной цивилизации

В докладе рассматривается проблема пределов изменения идентичности человека в принципиально иную, например Е-существа. Основными направлениями такого рода преобразований, сохраняющими человеческую идентичность, являются такие, как евгеника в её исходном и современном смысле, клонирование, крионика, даже в случае победы над старением и смертью, тогда как трансгуманизм и движение «Россия 2045» представляют собой направления исследований, которые в условиях техногенной цивилизации и использования её возможностей, в конечном счёте, нарушают идентичность человека и приводят к возникновению иных видов идентичности. Эта проблема освещается в контексте иммортологии – науки о бессмертии, или концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения.

Ключевые слова: идентичность, идентичность человека, техногенная цивилизация, евгеника, модификация человека, трансгуманизм, движение «Россия 2045», иммортология, иммортогуманизм, клонирование, крионика, практическое бессмертие человека, восстановление человеческой жизни.

Вишев Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор Южно-Уральского государственного университета

Понятие идентичность (от позднелат. *identicus* — тождественный, одинаковый), в самом общем виде означает тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь, с самим собой. Особую значимость оно приобрело в связи с выделением проблемы идентичности человека, сохранения его себестождественности, его самости. В ней рассматриваются такие составляющие, как психологическая, соматическая (телесная), аксиологическая и другие. Кратко можно заметить, что первая из перечисленных составляющих идентичности человека, по существу своему, заключается в том, что человеческая личность интуитивно воспринимает свои ощущения, переживания, желания, устремления, цели, убеждения, предпочтения, воспоминания и т.п. как принадлежащие собственно ей самой. Идентичность гарантируется в пространственно-временном континууме относительным постоянством психологического отношения к разного рода проявлениям самого себя.

Что касается соматической составляющей идентичности человека, то в любом случае он, какие бы перемены не происходили с его психикой в тот или иной момент, находится в своем физическом теле, остаётся живым существом. Данное обстоятельство является своего рода критерием его идентичности, определяющим в каждый момент времени привязанность к своему организму как единому целому, тем самым являясь

"самим собой". В каждом отдельном случае исключительно важную роль в идентификации играет память человека, укореняющая и цементирующая его самость.

Далее, по моему мнению, нет необходимости рассматривать в настоящей статье иные составляющие идентичности человека в их традиционном смысле, поскольку её главный интерес и внимание должны быть сосредоточены на решении поставленной проблемы именно в эпоху техногенной цивилизации, которая, с одной стороны, обычно характеризуется очень мрачными оценками, часто неправомерными, но с другой, — открывает неизвестные ранее перспективы прогресса, в том числе возможности модификации человека, как биосоциодуховного существа с целью его совершенствования.

Сложилось два главных направления в этой области исследований, жестко противостоящих друг другу, — сторонников и противников такого рода преобразований. Это прежде всего связано с реальностью роботизации, киборгизации, крионики, клонирования млекопитающих, а значит и реальной возможностью клонирования человека, зомбирования, ревизии нравственных устоев личности и целого ряда других средств нарушения человеческой идентичности. Возникает центральный вопрос — допустимо это или нет?

Изначально необходимо обратить внимание на многоплановость данной проблемы, ее

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

разноуровненность решения и учесть это обстоятельство в процессе исследования. Если человек всегда был индивидуумом, т.е. принадлежащим к человеческому роду, индивидуальностью – совокупностью неповторимых особенностей физического и психического характера, то личность, «Я», в качестве субъекта труда, познания и общения он стал только со временем, на уже довольно высокой стадии исторического развития, своей социализации. Определяющим сущностным свойством *Homo sapiens*, формирующимся на этой стадии его эволюции, стало самосознание, т.е. осознание самого себя.

Иными словами и полнее, самосознание в развитой личности является неотъемлемой стороной сознания человека, суть которой заключается в познании самого себя и самооценке как мыслящего, чувствующего и деятельностного субъекта, осознание физической самоидентичности, т.е. границ своего тела, осознание себя как субъекта действий, своих психических свойств, социально-личностной самооценке своих нравственных качеств, прав, обязанностей и ответственности. Поэтому исторически, первоначально человек стал и в филогенезе и онтогенезе отделять свою телесность от телесности других вещей и других людей, затем — свое особое место в социуме, и, наконец, свое эго.

С тех пор, как был сформулирован основной философский, точнее — общемировоз-

зренческий, вопрос о том, каково отношение сознания к материи, какое начало — материальное или духовное — является определяющим, а какое производным, т.е. первичным или вторичным, в том числе в его наиболее примитивной форме о взаимоотношении души и тела, сложилось два главных его решения — в пользу телесного или духовного. Иначе говоря, одни считали сознание людей, их мышление, их идеи вторичными, производными по отношению к объективному бытию мира, продуктом, результатом эволюции природы, общества и самого человека, другие, наоборот, — первичное, определяющее начало усматривали в мировом духе, мировом разуме, который творит сознание, дух отдельной личности и весь материальный мир.

Так, в конечном счете, сложились, в наиболее развитых своих формах, два главных направления в философии — материалистическое и идеалистическое, материализм и идеализм. При этом нельзя не напомнить, что с последним тесно смыкается религиозное мировоззрение, объективно-идеалистическое по своему существу. В этом смысле объективно-идеалистическое мировоззрение нередко считают утонченной рафинированной религией.

Несколько особняком стоит субъективно идеалистическое направление, которое исходит из первичности человеческого сознания. Согласно ему, сознание человека не отражает закономерности и свойства реаль-

ного мира, а предписывает их ему. Нередко конечным выводом такого мировоззрения становится признание непознаваемости реального мира, его свойств и закономерности, т.е. агностицизм.

Существование столь различных взглядов и подходов к решению тех или иных проблем, естественно, прямо и непосредственно сказывается и на решении проблемы идентичности человека. Так, религиозно-идеалистическое мировоззрение исходит из того, что человек создан по образу и подобию божью, и потому какое бы то ни было изменение его идентичности означает нарушение божественного творения, божественного замысла, так сказать, божественного стандарта, что, с теологической точки зрения, категорически недопустимо. Поэтому, религия и церковь практически без каких-либо исключений, решительно осуждают, например, клонирование человека как вызов творцу и промыслителю мира, хотя известно их же утверждение о «неисповедимости путей Господних», а значит, казалось бы, и возможности изменений божественных планов. Однако подобные соображения ими почему-то в расчет не принимаются.

Исторически же, в действительности, подобного рода верования как раз претерпевали изменения. Так, согласно мифологии как идейному истоку религии, не исключая и библейской, боги сотворили человека «по своему образу и подобию» потому и для того, чтобы перепо-

ручить людям некоторые свои функции (например «возделывать и хранить сад Едемский» и т.п.). Однако при этом, как повествуют различные эпосы, в частности шумеро-вавилонский, боги, в то же время, целенаправленно лишили людей свойства бессмертия, дабы божьи «твари», как часто называют людей, не восстали, в случае недовольства, против своих творцов [1, с. 33 и др.]. Представления о бессмертии души и посмертной участи людей появились значительно позже, причём теологические верования о происхождении души, её природе и загробной жизни оказались существенно различными, часто исключаящими друг друга [2, с. 94–106; и др.]. Такого рода разночтения и логические противоречия свидетельствуют об отсутствии однозначной божественной истины и божественного откровения. Следовательно, не может и не должно быть однозначного теологического решения и проблемы идентичности человека, любое суждение на этот счет является идеологически ангажированным и надуманным, которые ограничиваются или вообще исключаются другими суждениями того же рода.

Что касается научного понимания решения проблемы идентичности человека и отношения к ней, то они претерпели свою собственную историю, в которой четко различаются различные подходы и точки зрения, но уже совсем по иным причинам и обстоятельствам.

Одно из наиболее известных

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

и влиятельных мест среди них, несомненно, занимает евгеника (от греч. *eugenes* — хорошего рода, благородный). Основоположителем этого учения, под которым понималась возможность и пути улучшения наследственного здоровья человека, методы влияния на наследственные качества будущих поколений с целью их совершенствования, стал английский ученый, антрополог и психолог Фрэнсис Гальтон (1822–1911), двоюродный брат Чарльза Дарвина (1809–1882). Последнее обстоятельство, понятно, подчеркивает естественнонаучный подход к проблеме человека, в частности, применении к нему приемов селекции с целью улучшения наследственных свойств человека. По замыслу приверженцев евгеники она была призвана бороться с явлениями вырождения в человеческом генофонде.

Однако, к сожалению, с самого начала евгеника оказалась обремененной разного рода расистскими представлениями. Так, тот же Гальтон, например, полагал, что евгеника будто бы подтверждает право англосаксонской расы на мировое господство, и намеревался превратить ее в часть национального сознания, наподобие новой религии. Негативное отношение к евгенике крайне усугубилось вследствие того, что многие идеи евгеники попытались использовать германские нацисты, применяя такие методы, как расовая гигиена, эксперименты над людьми и уничтожение «нежелательных» социальных групп и т.п. Неудиви-

тельно, что после окончания Второй мировой войны евгеника попала в один ряд с фашистскими преступлениями, была неправомерно отождествлена с идеологией фашизма.

Идеи евгеники, но не в подобной, уродливой форме, получили распространение и в России. Так, профессор-медик Василий Маркович Флоринский (1834–1899) опубликовал книгу «Усовершенствование и вырождение человеческого рода». Во введении своей книги он такими словами поясняет её содержание: «Прежде всего речь пойдёт об изменчивости и совершенствовании человеческого типа вообще. Затем о наследственности и её значении. Далее — об условиях, содействующих улучшению человеческого рода: о вырождении и условиях, содействующих ему» [3]. Говоря о наследовании частных признаков, Флоринский подчёркивал, что «потомству могут быть переданы от родителей все анатомические, физиологические и даже отчасти психические качества». Весьма показательно, что в отличие от Гальтона, он кладёт в основу своей гигиены бракосочетания «прививку» населению здорового выработанного вкуса. Естественно, что подобного рода идеи и подходы, не могли не затронуть проблемы идентичности человека.

В СССР значительный интерес к евгенической проблематике проявился в 20-е годы минувшего столетия. Именно в 1920 году состоялось учредительное собрание Русского евгенического общества. Его

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

председателем был избран профессор Н.К. Кольцов (1872–1940), основоположник отечественной экспериментальной биологии, основатель московских школ по экспериментальной зоологии, цитологии, генетике. Главой Петроградского евгенического общества стал Ю.А. Филипченко (1882–1930), профессор ЛГУ, автор трудов по наследственности человека, генетическим основам селекции, проблемам эволюции, пионер применения вариационной статистики в биологии. В то время издавались два журнала — «Русский евгенический журнал» и «Известия бюро по евгенике». В них публиковались материалы антропо- и медико-генетического плана и посвящённые теоретической евгенике. Этим евгеническим движением была отвергнута «негативная евгеника», в частности, оно выступило против законов о стерилизации, однако каждый по-своему развивал идеи об улучшении человеческого рода методами «позитивной генетики».

В то же время Н.К. Кольцов считал возможным рассматривать евгенику как религию. Он полагал: «Идеалы социализма тесно связаны с нашей земной жизнью: мечта об устройстве совершенного порядка в отношениях между людьми такая же религиозная идея, из-за которой люди идут на смерть. Евгеника поставила себе высокий идеал, который также достоин того, чтобы дать смысл жизни и подвинуть человека на жертвы и самоограничения: создать путем сознательной работы мно-

гих поколений высший тип человека, могучего царя природы и творца жизни». И далее: «Евгеника — религия будущего, и она ждёт своих пророков» [3]. Подобный взгляд, разумеется, был ошибочным, однако в условиях становления атеистического общества он оказался особо пагубным для евгеники.

К числу основоположников генетики в Советском Союзе принадлежал А.С. Серебровский (1892–1948), организатор и первый заведующий кафедрой генетики МГУ. Им была сформулирована и экспериментально подтверждена идея о делимости гена, предложена схема его линейного старения и метод определения размеров гена, а также генетические методы борьбы с вредными насекомыми. Он рекомендовал активные действия по отделению любви от деторождения и призывал создать банк сперматозоидов, полученных от высокоодарённых и неотягощённых наследственными болезнями лиц, широко применять искусственное осеменение у человека, иными словами, организовать его селекцию. Серебровский считал пагубным накопление «генетического груза» в популяции человека и возможным снижение его уровня. Многие годы Серебровского обвиняли в том, что он пытался решить социальные проблемы биологическим путём, тогда как в то время приоритет отдавался социальным факторам преобразования и общества, и человека. Ему пришлось пересмотреть свои взгляды на решение этих вопросов.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

К той же когорте выдающихся генетиков относился Г. Мёллер (1890–1967), американский ученый, один из основоположников радиационной генетики, с 1933 по 1937 годы работавший в Советском Союзе. Он экспериментально доказал возможность возникновения искусственных мутаций под действием рентгеновских лучей, участвовал в разработке хромосомной теории наследственности, стал Нобелевским лауреатом по физиологии и медицине в 1946 году. Г. Мёллер обратился с письмом к И.В. Сталину, в котором социалистические идеи своеобразно сочетались с программой искусственного осеменения женщин. Это, по мысли автора письма, могло бы улучшить генофонд человеческой популяции и направить в желаемую сторону биологическую эволюцию человека. Главным недостатком подобных евгенических концепций, как принято считать, является невозможность научного обоснования критериев, по которым можно было бы определять выдающихся «производителей» в человеческом обществе.

Перечень такого рода имен можно было бы без труда продолжить, причем, как правило, генетики положительно относились к евгенике. Так или иначе, деятельность любого из них была осложнена не только этим, но и целым рядом других внешних и внутренних обстоятельств. Дело в том, что взаимоотношения между дарвинистами и генетиками с самого начала об-

рели, в определенном смысле, антагонистический характер, хотя, по существу дела, это было необоснованно и неоправданно. Положение вещей сложилось таким образом, что замечательное открытие монахом Георгом Менделем основополагающих законов генетики в 1865 году (Законы Менделя) практически не было ни замечено, ни понято, хотя он и направил сообщение о своём открытии ряду ведущих ученых того времени. Это во многом произошло вследствие шумного ажиотажа, вызванного за шесть лет до этого публикацией труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», в котором излагалась теория эволюции. Законы Менделя были переоткрыты только треть века спустя – в 1900 году.

С тех пор сложились как бы два разных, исключаящих друг друга, а подчас и враждебных, подхода к пониманию эволюции — с позиций дарвинизма и генетики. Следует также отметить, что последняя, кроме всего прочего, оказалась обремененной и целым рядом ошибочных философских идей вроде индетерминизма (согласно ее представлениям, например, многие мутации считались беспричинными, т.к. радиация не сразу была открыта и не могла учитываться). Поскольку в СССР приоритет явно отдавался дарвинизму и мичуринскому учению, как последовательно материалистическим, особенно когда это направление возглавил

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Т.Д. Лысенко (1898-1976), то, естественно, под сильнейшим огнем критики оказалась и евгеника, тем более, что именно в это время она была поднята на щит в фашистской Германии. Но сама евгеника в этом, разумеется, не была виновна. Поэтому к концу минувшего века, когда развитие генетики и репродуктивных технологий вышло на более высокие рубежи, снова был поднят вопрос о значении евгеники, её этическом и моральном статусе в современную эпоху, т.е. в условиях достижений техногенной цивилизации, а значит и проблема идентичности человека.

В это время, 50-е — 60-е годы XX века, да и позже тоже, доминировал негативный подход к ее решению. Он как бы усугублялся господствовавшим тогда в советской философии традиционно материалистическим, а значит пессимистическим, взглядом на решение такой проблемы, как смерть и бессмертие человека. Представление о неизбежности смерти человека, будто бы обусловленной непреложными законами природы, определяло отношение к его идентичности как к чему-то стабильному, неизменному, неприкосновенному.

Наглядной иллюстрацией этому могут служить работы И.Д. Панцхавы (1906-1986) [4 и др.]. С этой точки зрения реальное личное бессмертие в принципе исключалось, если о бессмертии и можно было говорить, то лишь в аллегорическом смысле — в делах, потомках и их памяти. Но особенно значи-

тельный вклад в разработку, по существу, того же подхода внес И. Т. Фролов (1929-1999) [5 и др.]. Его несомненной заслугой является, в частности, включение данной темы в учебник «Введение в философию» [6, с. 247–258], однако, к сожалению, не предусматривавшее рассмотрение альтернативных, именно последовательно оптимистических, взглядов и подходов. Отличительная черта позиции Фролова по данному вопросу, как представляется, состоит в том, что он, с одной стороны, вроде бы теперь признает принципиальную возможность и ювенации (омоложения), и даже бессмертия человека, но относит ее реализацию в неопределенное далеко, когда люди будут и умнее, и нравственнее нас. Естественно, представление о прогрессе, которое я безусловно разделяю, предполагает его проявление и в сфере знаний, и в сфере нравственности, и не только в них. Но вряд ли это может послужить основанием и оправданием передачи всех усилий и ответственности в решении данной проблемы своим далёким потомкам, устраняясь от свершения того, что мы можем сделать уже сегодня, опираясь на достигнутый уровень научных знаний, нравственности и т.п.

Между тем именно против подобного соображения Фролов категорически возражает. В этом пафос его позиции. Так, говоря о неоевгенических проектах, он пишет: «Ориентируясь на чисто генетические факторы, подобные проекты открывают

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

широкое поле для всякого рода сциентистского манипулирования, покушаются на суверенность и неповторимое своеобразие личности, ставя под сомнение основные ценности человеческого существования» [7, с. 37]. Принципиально отрицательное отношение Фролова к неоевгенике совершенно очевидно. Но суть ее и призвание можно и нужно понимать шире — как совершенствование человеческой природы самыми различными методами. В таком случае более разумным и конструктивным представляется не отрицание неоевгеники вследствие ее односторонности, поскольку, как известно, отбросить — это еще не значит преодолеть, а мировоззренческая и методологическая помощь неоевгеникам в осознании недопустимости подобной односторонности и сциентистской манипуляции, в выработке более широкого и ответственного взгляда на проблему. Кроме того, например, освобождение человека от тех или иных недугов, телесных и психических недостатков, радикальное продление его жизни и восстановление ее в случае утраты, отнюдь не приходится рассматривать как покушение на суверенитет человека и его уникальность, не ставит под сомнение основные человеческие ценности вроде того же здоровья и большей долговечности индивидуального бытия, а скорее как раз наоборот.

Но Фролов как раз принципиально с этим не согласен. «И я готов, — продолжает он, —

еще и еще раз повторить, что в современных условиях, когда мир полон глубочайших социальных противоречий, когда реальна угроза тоталитаризма и диктатуры, а значит, бесконтрольной манипуляции наследственностью человека, евгенические проекты могут сыграть, как это уже было в прошлом, весьма реакционную роль». И далее Фролов уточняет: «Их реализация означала бы, по моему глубокому убеждению, генетическую катастрофу для человечества, гораздо более опасную, чем та, которую рисует неоевгеника и от которой она обещает нас спасти» [7, с. 37]. Разумеется, человек вправе иметь такие убеждения, впрочем, как и другие тоже. Более того, подобное предостережение, несомненно, оправданно, ибо такая опасность реально существует. Все это было бы вполне приемлемо, если бы не тот вывод, который делается из подобных посылок.

Действительно, положение вещей в современном мире, особенно в самые последние годы убедительно показывает, что тоталитарные и диктаторские режимы могут использоваться в реакционных целях достижения неоевгеники, в том числе и генетики, чреватые глобальной катастрофой, если ученые демократических стран, проводя интенсивные исследования в этой области под жестким контролем со стороны своих коллег и общественности, не найдут нужных противоядий и не помогут людям осуществить их заветные чаяния на основе научных знаний и принципов высокой

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

нравственности. Найти же их можно только в поиске.

Понятно, что Фролов не может и не хочет ограничиться голым отрицанием, проигнорировав возможности современной науки. Поэтому он пишет: «Отвергая сегодня неоевгенику, нельзя при этом не видеть тех реальных перспектив, которые открываются в связи с интенсивным развитием наук о человеке, и особенно генетики и медицинской генетики». И продолжая эту мысль, Фролов высказывает далее примечательное суждение. «Вполне допустимо, — считает он, — что в отдалённом будущем (надеюсь, весьма отдалённом) станет возможно изменить в желаемом направлении биологическую природу человека» [7, с. 137]. Слова, заключённые в скобках, представляются своего рода «проговоркой» фрейдистского характера, которые выдают, так сказать, «тайный умысел», дезавуирующий его вполне приемлемое допущение, о чем свидетельствуют и другие высказывания Фролова (о консерватизме и упадке общества стареющих людей, забывая при этом о возможностях ювенации, и т.п.). В самом деле, крайне трудно себе представить, как человек может ратовать за то, чтобы отложить на неопределённое далеко «желаемые» изменения, в которые сам он вкладывает, несомненно, положительный смысл.

Уже лишь приведенные высказывания Фролова определяют суть его понимания смысла жизни, смерти и бессмертия человека будто бы в духе науч-

ного и реального гуманизма. Но этот гуманизм был и остается смертническим. Постоянно делаемые Фроловым акценты на «праве смерти», «культуре умирая» и т.п., на деле утверждают старость и смерть, обрекают на них людей на неопределённо долгое время. Все это отнюдь не способствует созданию должной творческой обстановки. В ней крайне затруднительно осуществлять конструктивный и контролируемый научный поиск. Такая позиция все более сближается с позицией религии и церкви по этим вопросам. «Клонирование человека, — утверждает, например, патриарх Московский и всея Руси Алексей II, — аморальный, безумный акт, ведущий к разрушению человеческой личности, бросающий вызов своему Создателю» [8]. Здесь тоже речь идет о человеческой личности, которой будто бы наносится существенный урон, именно ее идентичности. Однако на самом деле все обстоит с точностью наоборот — клонирование человека призвано сохранить и укрепить человеческую личность, а в случае разрушения содействовать ее восстановлению, последовательно решая на этом пути важнейшие и труднейшие задачи. Сочетание, своего рода союз, с одной стороны, религии и церкви, а с другой, — сомневающейся и смертнической философии, оборачивается сегодня чрезвычайной опасностью — всё той же апологией старения и смерти.

Свидетельством тому может

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

служить принятая 8 марта 2005 года Генеральной Ассамблеей ООН под очевидно первостепенным влиянием религии и ученых-скептиков, Декларация, как раз запрещающая клонирование человека [9]. Среди стран, поддержавших ее, значится, как это ни печально, и Россия, в которой уже тогда действовал мораторий на такого рода исследования и продленный с 10 марта 2010 года, по существу дела, на неопределенный срок. Если же, помимо этого, будут приняты запретительные «национальные законы», как этого требует Декларация, тогда ситуация может стать еще более драматичной и трагичной.

Принятие таких законов нельзя допустить, ибо в таком случае нам придется ехать за молодостью и бессмертием в другие страны (например, в Англию, Францию, Китай, Японию), которые среди многих прочих не поддержали эту Декларацию и продолжают активные исследования в области клонирования человека, расшифровки его генома, регенерации стволовых клеток, нанотехнологии и на других современных научных направлениях, непосредственно связанных с решением проблем человека. Установка откладывания на потом затруднила своевременное и адекватное восприятие этих и других открытий. А между тем решается поистине гамлетовский вопрос — быть или не быть, — более того и точнее — жить или не жить. Такого рода вопросы не могут откладываться на неопре-

деленное далеко и потому борьба ради жизни и во имя жизни неустанно продолжается уже сегодня.

Наглядным и убедительным примером этому может служить поставленная на повестку дня итальянским профессором Серджо Канаверо задача пересадки головы Валерия Спиридонова, тело которого поражено тяжелой и неизлечимой болезнью, грозящей близкой смертью, на здоровое донорское тело. Но и в этом отношении открываются более радужные перспективы. Канаверо не без основания считает, что «скоро нам уже не нужен будет донор, потому что успехи биологов в клонировании дадут нам собственные новые тела, которые унаследует наш старый мозг. Нет сомнений, что это произойдет в нашем веке, и мы будем свидетелями. И тогда возникнет вопрос: Что обществу делать с этой технологией бессмертия?» [10]. Но такие вопросы решать несомненно будет и интереснее и легче.

В связи с вниманием к подобному рода проблематике неожиданно выяснилось, что китайский ученый, трансплантолог и нейрохирург Жэнь Сяопин из Харбинского медицинского университета вместе со своими коллегами осуществил пересадку голов более тысячи мышей. Естественно, Канаверо не замедлил установить с ним творческое сотрудничество, приехав в Китай, и теперь они разрабатывают общие проекты в данной области исследований.

При этом нельзя не вспом-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

нить о том, что эксперименты по пересадке головы животным проводились и раньше. Так, основоположник мировой трансплантологии Владимир Демихов еще в середине 50-х годов прошлого столетия приживил собаке вторую голову. Остается только сожалеть, что этот опыт не получил в СССР дальнейшего развития. В 1979 году в США Ричард Уайт пересадил голову обезьяне, хотя и с очень ограниченным эффектом. Приходится и в данном случае сожалеть, что этот опыт не получил признания и дальнейшего развития.

Показательной причины, по которым Жэнь Сяопин, проработавший многие годы в США, в 2012 году вернулся в Китай. «Во-первых, я понимал, — заметил он, — что в США сложно будет получить разрешение на исследования по пересадке головы от комиссии по медицинской этике» [11]. И добавил: «Я прекрасно помню, какая волна общественной критики обрушилась на нас после операции по трансплантации руки, а затем и лица. А голова — это особый случай. Значит, неизбежно возникнут проблемы с финансированием». В Китае же ученому предложили грант в 1,6 миллиона долларов, да и получить приматов для пересадки головы там легче. Провести такой эксперимент он планирует в ближайшее время. Недаром сегодня говорят: «Китай становится настоящей Меккой для ученых» [11]. И действительно, на долю этой страны приходится 18 процентов от всех мировых инвестиций в науку и технологии,

тогда как всего пять лет тому назад она составляла только 10 процентов. Так что и в данном отношении Китай стал одним из мировых лидеров. Вызывает искреннее сожаление и огорчение, что в настоящее время в китайской экономике наметился определённый спад, что может негативно сказаться на исследованиях данной проблемы и инвестициях в науку.

Новые открытия и методы решения рассматриваемой проблемы происходят с удивительным постоянством и систематичностью. К ним принадлежит и эксперимент, проводимый сейчас в США. «Американской исследовательнице Элизабет Пэрриш, — сообщает интернет, — ввели в вену генетический материал, который должен проникнуть внутрь ядра каждой клетки и запустить изменения, останавливающие старение и омолаживающие организм» [12]. Этот эксперимент, на который добровольно согласилась Пэрриш, связан с большим риском, поскольку на человеке он еще не проводился, но другие исследования, вселяющие определённую уверенность, уже были осуществлены. Однако победа над старением — «убийцей №1» — обещает очень многое. Отважный и самоотверженный экспериментатор убежденно считает: «Если один шаг может изменить мир и этот шаг будет стоить жизни, он должен быть сделан» [12]. Это ещё один яркий пример научного подвига исследователя.

Во второй части этого сообщения речь идет о новых, и притом явно положительных, ощу-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щениях экспериментатора, хотя возможность риска, естественно, еще далеко не устранена. На вопрос: «Когда эта терапия может стать общедоступной?» — Элизабет Пэрриш дала такой ответ: «Необходимы два условия: государство, где мы сможем работать официально, инвесторы» [13]. И добавила: «Если же говорить о глобальных прогнозах, то лет через 15, думаю, правительства стран могли бы пойти на то, чтобы сделать такую терапию бесплатной для граждан. Ведь она предотвращает многие возрастные заболевания и позволяет сэкономить огромные деньги» [13]. Разумеется, реальные обстоятельства и ход эксперимента могут внести свои коррективы и повлиять на конкретные сроки достижения цели как с точки зрения их сокращения, так и увеличения. Однако конечные итоги, так или иначе, должны быть достигнуты.

Подобного рода исследования, по существу дела, имеют евгенический характер, ибо направлены именно на совершенствование человеческой природы. Однако в связи с этим с особой остротой как раз встает вопрос об идентичности человека. Считается, ее нарушение либо недопустимо, либо крайне опасно, а потому покушаться на нее, если и можно, то при абсолютных гарантиях, но каковы они и когда могут быть получены? При таком подходе к проблеме остается отказаться от улучшения человеческой природы и ожидать для этого неопределённого будущего.

На первой точке зрения, по

существу дела, настаивает религия и церковь, поскольку они исходят из того, что бог не мог сотворить человека сколько-нибудь несовершенным и потому нет необходимости изменять что-либо в его природе. Тем самым освящается обреченность человека на реально существующее несовершенство своей природы, которая очевидна, — болезни, старение и смерть. Тех же позиций на деле придерживаются и консервативно мыслящие ученые, которые нередко сами оказываются под серьезным влиянием той же религии и церкви. Эти ученые в унисон с ними выступают против клонирования человека и других средств модификации человека, консервируя недостатки его природы, возникшие в ходе стихийной эволюции.

Подлинно творческой постановкой проблемы, на мой взгляд, является суждение К.Э. Циолковского (1857–1935), который считал, что «высшие животные (человек) очень несовершенны. Например, невелика продолжительность жизни, мал и плохо устроен мозг и т.д.» [14, с. 292], да и вообще, как он подчеркивал, «у людей нет ни одного порядочного или безукоризненного органа» [14, с. 296]. И действительно, если человек совершенен, то нет и никаких проблем, но если это не так, а это не так, то надо искать пути и средства для совершенствования и отдельных органов, в том числе мозга, и устранение возможности их заболевания, увеличение продолжительности жизни человека, а, в конеч-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ном счете, достижение его практического бессмертия, способности жить неограниченно долго.

Между тем, с религиозной точки зрения, проводимые исследования и преследуемые ими цели недопустимы, ибо, во-первых, любые недуги, даже самые тяжкие, являются божественным наказанием за грехи и посланным человеку испытанием, следовательно, человек должен смиренно их переносить, а не бороться с ними, устранять их, во-вторых, в той или иной мере происходит изменение, подчас качественное, природы человека, будто бы установленный сверхъестественными силами, т.е. происходит принципиальная ревизия этих установлений, что опять-таки недопустимо с позиции религии и церкви. Однако, как известно, такого рода факторы, серьезно тормозящие развитие, неизменно и неуклонно преодолеваются, устраняются, но затрачивая на это, из-за таких тормозов, немало сверхнеобходимых средств и времени, в которых и без того всегда ощущается острый дефицит.

Существует и еще одно довольно распространенное представление на этот счет, особенно когда речь идет о достижении реального личного бессмертия, согласно которому человек в таком случае будто бы сам станет богом. Оно неверно потому, что, во-первых, образ бога — это, по сути дела, всего лишь плод больной человеческой фантазии, затянувшаяся детская болезнь человечества

вследствие непреодоленного до сих пор несовершенства, прежде всего социальных условий бытия людей; во-вторых, речь идет не о превращении человека в сверхъестественное существо, а именно совершенствование его самого, в частности об освобождении людей от таких природных ограничений как старение и смерть.

В этой связи нельзя не вспомнить глубокое высказывание русского религиозного философа Н. Ф. Фёдорова (1829–1903), религиозность которого впрочем, не была принята официальной религией и церковью, больше уповавшего на возможности прогресса науки и техники для решения такого рода проблем. «Смерть, — считал он, — есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть» [15, т. 1, с. 289]. Так что даже религиозный философ не усматривал в достижении человеком своего бессмертия превращение его в бога. Иными словами, человек даже победивший старение и смерть остается человеком, т.е. его сущностная идентичность сохраняется.

Но есть еще одно направление преобразования человека, которое, нередко, но и неправомерно, вызывает непонимание и негативное к себе отношение. В нем и проблема идентичности решается иначе. Оно называется трансгуманизм. Это понятие было введено в научный обиход в 1957 году сэром Джулианом Хаксли, внуком Томаса

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Гексли, страстного поборника дарвинизма. Дж. Хаксли был известным биологом, писателем, популяризатором науки, основателем Британской гуманистической ассоциации, одним из основателей ЮНЕСКО. Со временем возникло международное трансгуманистическое движение (Наташа Вита-Море, Макс Море, Ганс Моравек, Андерс Сандберг и др.), а несколько лет тому назад и российское трансгуманистическое движение (РТД). Принципиально важную роль в организации последнего сыграли Валерия Викторовна Прайд (Удалова) и Данила Андреевич Медведев.

В Манифесте Российского Трансгуманистического Движения говорится: «Трансгуманизм — это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность — с помощью науки и современных технологий — безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас "естественными" пределы человеческих возможностей. Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, осознавая, что в ближайшие десятилетия новейшие технологии кардинально изменят человека и человеческое общество, заявляем, что нашей целью являются:

Развитие и распространение идей трансгуманизма и иммортализма с целью наиболее разумного и демократичного использования новейших достижений технического прогресса.

Содействие развитию новых

и традиционных наук и технологий в той их части, которая непосредственно касается трансгуманистических и имморталистических аспектов бытия человечества, а также безопасности использования этих технологий.

Консолидация усилий всех прогрессивно мыслящих людей для создания предпосылок наиболее благоприятного и неконфликтного развития человечества в новых условиях.

Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, считаем, что скорость изменений в мире и потенциальная опасность неуправляемого развития свертехнологий таковы, что каждый должен дать себе отчет: или мы будем бездействовать — и человечество погибнет, или мы вместе построим прекрасное будущее. В том числе и для себя» [16]. Таким образом, сформировалось новое философское мировоззрение.

Трудно не согласиться с трансгуманистами, которые считают, что человек (*homo sapiens*) не останется неизменным видом, а продолжит эволюционировать, совершенствоваться. Действительно, вряд ли правомерно считать, что социальная форма движения материи является принципиально последней, особенно принимая во внимание масштабы космоса. Однако, с их точки зрения, эволюция человека будет происходить не вследствие действия исключительно биологических закономерностей, а благодаря развитию научного знания в эпоху техногенной цивилизации. Для это-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

го они вводят такие понятия, как «трансчеловек» или «постчеловек», а также «трансгуманизм». Но не все считают эти понятия достаточно удачными и адекватными. Возникает проблема: когда и вследствие чего человек становится постчеловеком, а гуманизм — трансгуманизмом.

Действительно, человек с изменением даже очень существенных свойств вроде обретения способности сохранять параметры молодости и неограниченно долгой жизни, замены искусственными средствами тех или иных органов, не определяющих родовую сущность человека как разумного и живого существа, строго говоря, остается именно самим собой — человеком. Сохранят свое значение и основные гуманистические ценности. Однако для этого этапа развития, как представляется, более адекватным понятием является иммортогуманизм, или бессмертнический гуманизм, т.е. гуманизм людей, победивших смерть [17]. Естественно, в этих условиях идентичность человека принципиально сохраняется.

Если же в итоге изменений возникает существо или, как его сегодня часто называют, Е-существо, вместо биологических клеток у которого действуют разного рода чипы, мозг, представляющий собой биологическую систему будто бы принципиально преходящую, заменяется искусственным интеллектом, которое оказывается бесполом, искусственно размножается и т.п., то, разумеет-

ся, это уже будет не трансчеловек, или постчеловек, а просто не-человек. В данной ситуации требуется принципиально иное понятие, хотя бы то же — Е-существо. Однако к нему перестанут быть применимы и гуманистические ценности, а значит, и трансгуманизм, ибо, опять-таки, понадобятся иные более адекватные понятия. В этом случае идентичность человека полностью утрачивается и заменяется принципиально иной идентичностью — идентичностью Е-существа. Любые параллели при этом с человеком и человечностью, на мой взгляд, только усложняют и запутывают проблему.

Аналогичную направленность преобразования человеческой идентичности имеет стратегическое общественное движение и интернет-сообщество «Россия 2045». Оно было создано в феврале 2011 года инициативной группой российских ученых во главе с его основателем Дмитрием Ицковым, президентом холдинга New Media Stars (до марта 2012), президентом конгресса "Глобальное будущее 2045". Это движение, как особо подчеркивается, имеет трансгуманистическую направленность и выступает, согласно интернету, «за развитие человека, в том числе за счет ускорения технического прогресса и интеграции современных технологий, за сопротивление дальнейшему росту «общества потребления» и эксплуатации природной среды» [18]. Его штаб-квартира находится в Москве.

В интернете так же разьясня-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ется: «Число 2045 в названии движения означает год наступления технологической сингулярности. Представители движения считают, что не позднее этого года искусственное тело не только значительно превзойдет по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. Основанием для такого прогноза являются множественные модели процессов развития человечества и биосферы Земли, указывающие на гиперболическую скорость этого развития» [18; 19, с. 56–64]. В конечном счете, рассматриваемое движение, так же, как и трансгуманизм приходит, по существу, к замене человеческой идентичности на принципиально иную. Неудивительно, что и в данном случае остается в силе принцип: *pro et contra*.

Жизнь самоценна, и это утверждение должно перестать быть лишь звонкой деклараци-

ей. Наука, в том числе философия, не должна тормозить решение, а тем более отказываться решать триединую задачу укрепления здоровья человека, обеспечения оптимальных характеристик его телесной и духовной жизнедеятельности и достижения практического бессмертия в достойных социальных условиях [20; и др.]. В противном случае она перестанет выполнять свое высокое предназначение и тем самым спровоцирует появление разного рода мошенников вроде Г.Г. Грабового. Сегодня создаются необходимые и вполне реальные начальные предпосылки для перехода от смертнической парадигмы к бессмертнической, от смертнической модели прогресса к его бессмертнической модели, от смертнического гуманизма к бессмертническому, или иммортогуманизму. Эти возможности в условиях современной техногенной цивилизации должны быть максималь-

Библиографический список

1. Редер Д. Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. – М.: Наука, 1965.
2. Вишев И.В. Проблема личного бессмертия. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990.
3. <http://niib.sfedu.ru/uchebnaya-literatura/interesnyie-stati/evgenika-soblazn-ostayotsya>
4. Панцхава И.Д. Смертность и бессмертие человека // Философские науки. – 1963. – № 6.
5. Фролов И. Т. О жизни, смерти и бессмертии. Этюды нового (реального) гуманизма // Вопросы философии. – 1983. – № 1, 2; его же: Перспективы человека. – М.: Политиздат, 1983; его же: О смысле жизни, о смерти и бессмертии человека (Научный, реальный гуманизм и нравственно-философские искания в истории русской культуры). – М.: Знание, 1985; его же: О человеке и гуманизме. – М.: Политиздат, 1989.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

6. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч.2 /Фролов И.Т., Араб-Оглы Э. А., Арефьева Г.С. и др. – М.: Политиздат, 1989.
7. Фролов И.Т. Начало пути (Краткие заметки о неоевгенике) // Человек. – 1997. – № 1.
8. <http://www.pravoslavie.ru>
9. http://www.un.org/russian/document/declarat/decl_clon.htm
10. <http://www.kp.ru/daily/26366.7/3247293/>
11. <http://www.kp.ru/daily/26396/3273829/>
12. <http://www.kp.md/daily/26452/3322285/>
13. <http://www.kp.ru/daily/26451/3322348/>
14. Циолковский К.Э. Животное космоса // К.Э. Циолковский. Собр. соч. Т.IV. – М.: Наука, 1964.
15. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х томах. — М.: Прогресс, Традиция, 1995–1999.
16. <http://transhumanism-russia.ru/>
17. Вишев И.В. Иммортотгуманизм – веление времени // <http://transhumanism-russia.ru/content/view/328/116/>
18. https://ru.wikipedia.org/wiki/Россия_2045
19. Вишев И.В. Иммортотгуманизм – последовательно оптимистическая форма современного гуманизма // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2014. – № 2 (26). – Саранск: Издательство Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
20. Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. – М.: М3 Пресс, 2002; его же: Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. – М.: Академический Проект, 2005.

УДК 1.14

Малинова О.Ю.

Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности

В докладе рассматриваются факторы, обусловившие особую политическую «актуальность» прошлого в современных обществах. Отмечаются методологические проблемы, связанные с их изучением. Особое внимание уделяется проблеме понятийного аппарата. Автор делает вывод, что прогресс в осмыслении общего и особенного в практиках политического использования прошлого возможен, во-первых, при условии постепенной специализации данного проблемного поля, во-вторых, за счет более осмысленного использования понятий, в-третьих, на пути систематических сравнительных исследований.

Ключевые слова: политика идентичности, политическое использование прошлого, исследования памяти, коллективная память.

Малинова Ольга Юрьевна,
д.филос. н., проф. Национально-
го исследовательского универси-
тета «Высшая школа экономики»,
Департамент политической науки,
г.н.с. ИНИОН РАН, omalino-
va@mail.ru, 117997 Москва, Нахи-
мовский пр-т, 51/21 ИНИОН РАН,
отдел политической науки

Исследование проводится в
рамках Программы фундамен-
тальных исследований Президиу-
ма РАН «Историческая память и
российская идентичность»

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ. То, что иногда называют «публичной историей» в отличие от «формальной» или «профессиональной» – репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов – оказывает существенное влияние на формирование представлений о нас и мобилизацию групповой солидарности [Малинова, 2015]. Прошлое служит «строительным материалом» для конструирования разных типов социальных идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций. Большинство исследователей национализма согласятся с утверждением Д.Белла: «Чтобы сформировать... чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором нации «отводится центральная и позитивная роль» [Bell, 2003, p. 69]. Не случайно в рамках утвердившегося канона именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

Хотя стремление рассматривать прошлое как важный ресурс, который необходимо держать под контролем, может считаться константой современной политики, нельзя не признать, что в XX веке – и особенно во второй его половине – прак-

тики обращения с этим ресурсом претерпели заметную эволюцию. Главные причины изменений нужно искать в самой истории прошедшего столетия, трагические события которой – невиданного прежде масштаба войны, революции, перевороты, перекраивание государственных границ, массовые убийства и этнические чистки, – затронули миллионы простых людей. Такая степень вовлеченности ведет к размыванию грани между историей и массовой индивидуальной памятью участников событий и их потомков [Winter, 2008, p. 6-7]. Новейшая история становится значимой частью личного опыта для многих людей. Можно сказать, что «пришествие масс» в политику в результате расширения избирательных прав и «историзация» массового сознания происходили одновременно. «Историзации» сознания способствовали многие «новшества» XX века. С распространением массового образования систематизированное знание о прошлом стало неотъемлемой частью социализации индивидов. Развитие информационных технологий – фотографии, кинематографа, телевидения – «визуализирует» историю, помогая зрителям ощущать себя виртуальными участниками событий [Heisler, 2008, p. 19; Kattago, 2009, p.381]. Не менее значительны и последствия новейших электронных технологий сбора и воспроизводства данных. По словам американского политолога Ж.-В.Мюллера, обусловленный ими фундаментальный переворот в «мнемони-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ческих технологиях) «по своему значению возможно равен изобретению печатного станка и угасанию устной памяти... после эпохи Возрождения» [Müller, 2004, p. 12]. Трагические и героические события XX века стимулировали развитие социальной «инфраструктуры» памяти – музеев, мемориалов, выставок, книг, документальных фильмов, ритуалов и др., – которые побуждают индивидов к «вспоминанию» коллективного прошлого и участию в его коммеморации. Все это меняет отношение к истории. Не удивительно, что в XX веке вопросы, связанные с интерпретацией ключевых исторических событий, оказались в числе «фундаментальных проблем», которые легко становятся предметами публичных дебатов (в том числе и потому, что, по определению Д.Арта, «не требуется особой подготовки, чтобы сформировать собственное мнение по этим проблемам» [Art, 2006, p. 3]). Благодаря этому прошлое оказывается не только одним из риторических ресурсов легитимации власти, но и частью самой политики.

В конце XX в. вопросы, связанные с публичной интерпретацией прошлого и урегулированием его последствий – наказанием виновных, реабилитацией жертв, восстановлением справедливости, – заняли значимое место в политических повестках многих государств мира. С проблемой переоценки прошлого столкнулись не только страны, вынужденные менять оценки собственной истории после краха коммунистических

режимов. Поистине тектонические изменения режимов памяти, наблюдаемые в последние десятилетия во многих регионах мира, связаны с очень разными политическими и социальными процессами.

Современный «бум памяти» – одно из очевидных следствий третьей волны демократических транзитов. Как верно заметил Э.Лангербахер, «память не может не выдвигаться на передний план в любой стране, страдавшей от диктаторского режима или социальной травмы, которой затем удалось восстановить мир и демократическую систему» [Langenbacher, 2010, p. 16]. Для Аргентины, Чили, Уругвая, Сальвадора, Испании, Греции, Южной Африки, Камбоджи и др. проблема «трудного прошлого» стала одним из принципиальных моментов трансформации авторитарных режимов; причем решалась она по-разному. Опыт посткоммунистических стран Восточной Европы в какой-то степени может интерпретироваться как часть этого тренда: демократизация политического режима делает возможной публичную артикуляцию версий коллективного прошлого, которые прежде подавлялись и замалчивались; при этом «возрожденная память» нередко оказывается удобным ресурсом для решения актуальных политических задач [Mink, 2008]. Кроме того, в процессе трансформации жестких авторитарных режимов встает вопрос о восстановлении нарушенных прав и наказании виновных (transitional justice). Здесь

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

стоит отметить, что современные практики обращения с прошлым в политических контекстах следуют международным правилам, сложившимся после второй мировой войны. Действия союзников, направленные на наказание виновных в военных преступлениях и дискредитацию германского нацизма и японского милитаризма, создали прецедент обращения с прошлым, на который продолжают ориентироваться спустя десятилетия*.

Вместе с тем, история оказывается предметом политических споров не только в странах, переживающих смену режимов. Актуализацию прошлого в посткоммунистических и постсоветских странах с не меньшим основанием можно связать с некоторыми региональными процессами. В частности, с европейской интеграцией, которая на протяжении последних десятилетий является весьма значимым фактором, определяющим национальные режимы памяти в Европе [Müller, 2004; Judt, 2004; Торбаков, 2012 и др.]. С канонизацией памяти о холокосте, сыгравшей решающую роль в изменении фокуса с «истории победителей» на «историю жертв» [Irwin-Zarecka, 1994; Judt, 2004; Kattago, 2009 и др.]. Или с динамикой «проработки» памяти о травматическом опыте второй мировой войны, которая отчасти отражает поколенческие сдвиги, а отчасти является следствием внут-

риполитических и региональных процессов, о которых шла речь выше [Rousso, 1991; Mink, 2008; Kattago, 2009 и др.]. Наконец, во многих посткоммунистических странах свою лепту в политизацию прошлого вносят свежие травмы недавних этнополитических конфликтов [Zakošek, 2007].

Превращению истории в предмет политики в немалой степени способствовало изменение подходов к политической адаптации этнокультурных, расовых, религиозных и гендерных различий, обобщенно называемое мультикультурализмом. Последний также стимулирует разработку новых исторических нарративов, отражающих игнорированный прежде опыт подчиненных групп и ставит под сомнение моральные основания доминировавших ранее концепций [Heisler, 2008, p. 17-19]. При этом зачастую речь идет не только о символическом признании, но и о материальной компенсации групповых травм, причиненных в прошлом.

Наконец, некоторые исследователи связывают современную «историзацию» политики со структурными изменениями интеллектуального контекста, в котором воображаются современные общества – принципиально новым отношением к прошлому, обусловленному исчезновением традиционных обществ, «основанных на памяти» [Noga, 1996]; распадом «больших нарративов», опиравшихся на идеологии-мировоз-

* О применении международного опыта transitional justice в контексте современных переходных режимов см. [Ash, 2010; Маколи 2011 и др.].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

зрения, которые определяли политическую картину мира в XIX в. и на протяжении значительной части XX в. [Mink, 2008; Копосов, 2011]*.

Очевидно, что в каждом конкретном случае складывается особая комбинация факторов, способствующих политической актуализации прошлого. Однако необходимо учитывать и кумулятивные эффекты «историизации» политики в качестве глобальной тенденции: во-первых, опыт политической работы с прошлым поддается переносу и иногда начинает восприниматься как норма, к которой апеллируют участники дискуссий в других странах**; во-вторых, конфликты «памятей» нередко имеют международный характер, в-третьих, все описанные выше факторы так или иначе влияют на изменение ментальных «систем координат», в которых укоренены современные политические практики.

Повсеместность практик политического использования прошлого делает актуальными сравнительные исследования, нацеленные на выявление разных типов «политики памяти»,

факторов, определяющих их успех или неудачу, стратегий, реализуемых различными акторами, понимание «пределов возможного» в данной области и т.п. И действительно, в последние десятилетия оформилось целое междисциплинарное направление *memory studies*, в рамках которого практикам использования прошлого в политических целях уделяется немало внимания. Однако несмотря на быстрое умножения числа работ пока не приходится говорить о существенном прогрессе в изучении эмпирических закономерностей: в *memory studies* преобладают исследования, посвященные конкретным случаям; сравнительные и эмпирические обобщающие работы редки. Правда, нет недостатка в спекулятивных «Теориях», построенных на произвольных рядах примеров, однако они легко опровергаются другими «теориями» того же рода.

Вместе с тем обобщение обширного эмпирического материала затруднено особенно сложившегося понятийного аппарата. С одной стороны, он не отличается единообразием: описывая свой предмет,

* Правда, некоторые авторы считают возможным говорить о развитии нового «большого нарратива» – нарратива глобализации, который, впрочем, пока мало затронул практику историописания – если не считать интереса к мировой истории [Strath, 2006, p. 33-34].

** В качестве примеров можно привести нюрнбергский процесс, создавший прецедент наказания виновных в военных преступлениях; опыт «пакта Монклоа» в Испании и «проработки прошлого» в ФРГ (начиная с 1960-х гг.), который нередко рассматривается в качестве успешных моделей преодоления «трудного прошлого», способных служить ориентирами для других стран; наконец, институционализацию памяти о холокосте в Европе в 1960-1980-х гг., оказавшую существенное влияние на культурную адаптацию фигуры

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

исследователи используют разные понятия («коллективная память», «историческая память», «историческая политика», «политика прошлого», «политика памяти», «политическое использование истории», «режимы памяти», «культуры памяти», «игры памяти» и др.), причем могут вкладывать разное содержание в одни и те же термины. С другой стороны, наиболее часто используемые понятия – «коллективная память», «историческая память», «историческая политика» – имеют очевидные методологические изъяны.

Понятие «коллективная память» введено в научный оборот в 1920-х гг. французским социологом М.Хальбваксом для изучения влияния социальных структур на индивидуальное сознание. Развивая идеи Э.Дюркгейма, Хальбвакс доказывал, что «есть коллективная память и социальные рамки памяти; и именно в той мере, в какой индивидуальное сознание помещается в эти рамки и участвует в этой памяти, оно способно к акту воспоминания» [Halbwachs, 1992, p. 38]. Концепция коллективной памяти рассматривает представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи. Очевидно, что это понятие охватывает чрезвычайно широкий круг явлений: от воспоминаний участников событий и устной истории до традиций, мифов, дискурсов, ритуалов коммеморации и в некотором

смысле – даже языка и культуры. Поэтому авторы, использующие данное понятие, обычно выделяют внутри «коллективной памяти» различные составляющие. На наш взгляд, очень полезную таксономию различных форматов памяти разработала Алейда Ассман: она предлагает считать «в узком смысле «коллективным»... формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей “Мы”-идентичностью» [Ассман, 2014, с. 33]. Такая интерпретация понятия существенно уточняет его содержание, позволяя отличать «долговременные» и «унифицированные» конструкции, «закрепляемые политическими институциями» [там же, с. 35] от других форматов памяти.

Еще одним недостатком «коллективной памяти» является то, что она конкурирует с другими понятиями, описывающими те же явления в иных теоретических ракурсах – такими как «историческое сознание», «миф», «политическая культура» и др. В меньшей степени эта конкуренция проявляется по отношению к «истории»: следуя традиции, заложенной еще М.Хальбваксом [Хальбвакс, 2005], большинство исследователей не смешивают эти понятия. Предполагается, что «история» – это научная и теоретическая реконструкция прошлого, основанная на критическом отборе и нацеленная на получение объективного знания, тогда как «коллективная память» – это разделяемое культурное знание о прошлом, которое по

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

определению не может быть «систематическим» и «объективным»). Разумеется, историк не только описывает, но и интерпретирует, причем делает это из определенной социальной позиции, связанной с изменчивым настоящим, в силу чего профессиональная историография тоже оказывается подвержена «веяниям времени». Тем не менее «история» и «коллективная память» – это разные форматы представления прошлого в настоящем. Однако их нередко смешивают – например, в словосочетаниях «историческая политика» и «историческая память».

По-видимому, описанный в этом докладе тренд «актуализации» прошлого не только обусловлен разными факторами, но и выражается в разных, по-

рой противоположных друг другу символических стратегиях. На наш взгляд, прогресс в осмыслении общего и особенного в практиках политического использования прошлого возможен, во-первых, при условии постепенной специализации данного проблемного поля и встраивания его в теоретические подходы, разрабатываемые отдельными социальными науками (что не отменяет коммуникации поверх дисциплинарных границ, но делает ее более осмысленной), во-вторых, за счет более осмысленного использования понятий, в-третьих, на пути систематических сравнительных исследований, позволяющих обнаруживать общее в том, что кажется уникальным.

Библиографический список

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б.Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
4. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 91-125.
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8-27. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.
6. Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
7. Bell D.S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. P.63-81.
8. Halbwachs M. On Collective Memory / Ed., transl. and with an introd. by L.A.Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

9. Heisler M.O. The political currency of the past: History, memory, and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617, № 1. P. 14-24.

10. Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994.

11. Judt T. The past is another country: myth and memory in post-war Europe // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past* / Ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 157-183.

12. Kattago S. Agreeing to disagree on the legacies of recent history. Memory, pluralism and Europe after 1989 // *European Journal of Social Theory*. 2009. Vol. 12, № 3. P. 375-395.

13. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations* / Ed. by E.Langenbacher, Y.Shain. Washington: George Town University Press, 2010 P. 13-49.

14. Mink G. Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // *Czech Sociological Review*. 2008. Vol. 44. No. 3. P. 469-490.

15. Müller J.-W. Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory // *Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past* / Ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1-35.

16. Nora P. General Introduction: Between Memory and History // *Realms of Memory. Rethinking the French Past*. Vol. 1. Conflicts and Divisions / Under the Direction of P.Nora; Transl. by A.Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1-23.

17. Rousso H. *The Vichy Syndrome. History and Memory in France since 1944* / Transl. by Arthur Goldhammer. Cambridge (Mas.); London: Harvard University Press, 1991.

18. Winter J. Historical Remembrance in the Twenty-First Century // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. № 617. P. 6-13.

19. Zakošek N. The Heavy Burden of History: Political Uses of the Past in the Yugoslav Successor States // *Politička misao*. 2007. Vol. XLIV, № 5, P. 29-43.

Влияние внешних факторов на национальную идентичность России и Германии в условиях глобализации

Глобализация превращает все страны в единое, взаимосвязанное экономическое, политическое и культурное пространство, возникающее на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций. Она способствует объединению большей части стран вокруг общечеловеческих ценностей. Однако, не строгое соблюдение национальными государствами основных из них, с точки зрения стран-лидеров глобализации, может использоваться ими в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела или обвинений в адрес политического руководства. Глобализация наряду с очевидными финансово-экономическими выгодами странам – участницам, может также оказывать и негативное воздействие на национальные государства. Прежде всего, оно проявляется в ограничении возможностей политического руководства стран в управлении основными процессами происходящими в обществе и передаче этих функций негосударственным субъектам. К ним можно отнести ТНК, международные финансово-экономические и торговые организации, которые определяют и жестко контролируют жизненно важные параметры развития мирового сообщества. В статье рассматривается влияние внешних факторов, вызванных процессами глобализации на национальную идентичность России и Германии, показаны методы используемые западными СМИ в информационной войне против России и ее руководства, целью которой является создание негативного имиджа страны, условием изменения которого, по их мнению, является смена политического руководства и независимого внешнеполитического курса Российской Федерации.

Ключевые слова: глобализация, информационная революция, национальная идентичность, информационная война, национальное государство, суверенитет, мультикультурализм, европейская интеграция, нелегальная миграция, переселенцы.

Батурин Леонид Михайлович,
доцент Южно-Уральского государственного университета

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Процессы глобализации сегодня оказывают серьезное воздействие на положение отдельных стран и на международную безопасность в целом, поскольку они вступают в противоречие с национальной идентичностью и могут являться причиной многих проблем. Наряду с глобализацией в экономике и других сферах, она приводит к распространению универсальных ценностей, которые не всегда соответствуют морально-нравственным нормам тех или иных государств и может приводить к резкому неприятию зачастую навязываемых ценностей.

Например, в рамках декларируемых демократии, свобод и прав человека на первое место нередко выходит насаждение однополых браков, пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации в качестве основных критериев соответствия демократии, хотя изначально она, если обратиться к истокам ее возникновения, несла совершенно иную смысловую нагрузку. Если человеческие пороки возводить в ранг высших демократических ценностей, то можно к таковым причислить и право человека на совершение тяжких преступлений, ведь это также можно представить как уважение его свободы и права выбора.

Глобализация дает огромные преимущества развитым государствам из-за разрыва в уровнях социально-экономического развития с остальными странами, однако проводимая в инте-

ресах одного или небольшой группы государств, она не может не представлять угрозу для других стран.

Глобализация способствует разобщению общества за счет насаждения чуждых ему ценностей, для чего активно используются все каналы воздействия: кино, интернет, печатные СМИ, информационные войны, в которых активно формируется образ врага в лице представителей того или иного государства, искажается история, навязывается неуважение к собственной истории и народу.

Глобализация приводит к утрате суверенитета государства в важных сферах его жизнедеятельности, к ослаблению его способности противостоять современным вызовам, к эрозии национальной идентичности, которая складывалась в течение столетий и была основой для сохранения и укрепления государства и его народа. Суверенитет государства ограничивается многочисленными международными обязательствами.

Категория « национальная идентичность » возникла достаточно давно и является предметом исследования различных отраслей науки, таких как филология, социология, культурология, история, не обошла вниманием эту проблему и политическая наука, которые много внимания уделяли процессам формирования идентичности, факторам влияющим на ее развитие и совершенствование, роли в жизни различных стран. В современных условиях, главным

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

явлением в которых можно назвать глобализацию, внимание к проблеме влияния национальной идентичности на жизнь каждого общества не только не ослабло, но и существенно усилилось.

Глобализация заставила думать о сохранении национальной идентичности не только ученых, но самые широкие слои населения, которые все активнее сталкиваются с утратой многих элементов их национальной самобытности и пытаются воспрепятствовать этим процессам.

Национальная идентичность способствует сплочению общества, ее ослабление приводит к политической напряженности к изменениям в расстановке политических сил, представляет опасность для либерализма и демократии, в рамках которых невозможно решить многие конфликты, возникающие на национальной и иной культурной основе, к разочарованию в политике мультикультурализма.

Ранее национальная идентичность во многом зависела от естественных, большей частью внутренних причин, особенно политическая, однако с активным развитием информационно-коммуникативной революции, которая является одной из важнейших составляющих глобализации, резко усилились возможности активного влияния извне на идентичность, то есть резко выросло значение внешнего фактора, частью которого и является информационная война против России.

В современной России ста-

новление национально-политической идентичности проходило в несколько этапов:

Первый этап приходится на 1980 – 90 годы, для которых было характерно тотальное отрицание советского прошлого и положительных этапов в развитии общества, неуважение к собственной истории, которая является важным элементом национальной идентичности.

Второй этап в развитии идентичности начинается в 2000 гг. и опирается уже на уважительное отношение к истории страны и к достижениям советского периода, к ее символам, традициям, праздникам, ключевым элементам восстановления идентичности являлся патриотизм, именно в рамках этого этапа резко активизируются нападки Запада на Российскую идентичность, для чего была развязана беспрецедентная информационная война.

Сплоченность государства и общества является одной из составляющих силу и мощь государства, его важнейшим политическим ресурсом, а размытие национально-политической идентичности приводит к ослаблению потенциала страны, к усилению транснациональных позиций.

Национальное государство является субъектом и объектом идентичности, носителем общенациональных ценностей, исходя из этого, национальная идентичность играет большую роль в развитии государства, его модернизации, вместе с этим в условиях глобализации риск

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ее эрозии увеличивается, что признается многими исследователями [1].

Серьезную опасность для размывания национальной идеен-тичности представляет и снижение влияния государства на многие сферы его жизнедеятельности и передача части его функций наднациональным органам. Конечно такое положение не приведет к скорому исчезновению национальных государств, но оно серьезно ограничивает самостоятельность государства, ограничивает число инструментов позволяющих отстаивать национальные интересы и сохранять национальную идентичность.

В национальной идентичности важными составляющими являются культура, религия, история страны, важнейшие ее события, являющиеся предметом национальной гордости нации, факторами ее сплочения. Именно по этим ключевым компонентам идентичности, с целью ее разрушения и, в конечном итоге, ослабления государства, подрыва его безопасности наносится основной удар противниками сохранения и укрепления национальной идентичности России. Особая роль в искажении великого прошлого страны дискредитации ее сегодняшнего положения в мире отводится так называемым оппозиционерам, которые, поощряемые западными странами под руководством США, соревнуются между собой в распространении откровенной лжи про страну, гражданами которой они являются.

Увеличилось количество «оппозиционеров» стремящихся начать или продлить политическую карьеру, поправить материальное благополучие за счет грантов и прямой финансовой поддержки западных спонсоров, обеспечить себе вид на жительство на Западе за счет откровенного и циничного предательства своей страны.

Российские «оппозиционеры», хотя к ним более применим термин предатели, продолжают настаивать и убеждать общество в том, что как только страна признает западные «ценности» в качестве собственных национальных интересов, то сразу же ее постигнет любовь и уважение Запада, а ним последует экономическое процветание и всеобщее благополучие.

Это заблуждение, активно навязываемое западными политиками и их СМИ, активно, но в более жестокой форме, было использовано на Украине для государственного переворота.

Нельзя не отметить то, что за подобное намеренное очернение своих стран и призывы к смещению лидера в западных странах выражение симпатий по отношению к России, наличие иной, чем официальная точка зрения являются поводом для шельмования и преследований.

Достаточно вспомнить пример с немецким журналистом, который в «свободной и демократической» стране имел свое, отличное от канцлера Германии мнение о президенте Турции, против которого А.Меркель предложила возбу-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

дуть уголовное дело, а немецкий исследователь Тило Саррацин за книгу «Германия: Самоликвидация» был уволен со своего поста в Совете директоров Немецкого федерального банка [2].

В США, главном оплоте «свободы и демократии», граждане, а среди них немало видных представителей культуры, выражающие положительное отношение к России и ее президенту, подвергаются травле в американских СМИ.

История, традиции, религия и культура страны являются, кроме прочего, и элементами «мягкой силы», с тем чтобы существенно подорвать и ослабить ее потенциал, а одновременно с этим ограничить возможности государств для ее использования, инициаторы борьбы с ростом влияния России на мировой арене, резко активизировали информационную войну против России, масштабы, методы и способы ведения которой не идут ни в какое сравнение с аналогичными действиями в годы холодной войны.

Возросшая агрессивность, оголтелая русофобия, которая стала фундаментом объединения и сплоченности всех антироссийских сил, усилившиеся попытки воссоздать и наделять новыми отвратительными «качествами» образ врага в лице России, попытки сделать Россию ответственной за все зло происходящее в мире, широкая координация антироссийских выступлений, откровенная ложь составленная по рецептам Й.Геббельса («черная

пропаганда»), отсутствие, и откровенное нежелание поиска, каких либо доказательств - все это свидетельствует о том, что холодная война не только не закончилась, а плавно перешла в новую фазу, которая очень сильно напоминает пропагандистскую, идеологическую подготовку общественного мнения о неизбежности войны с «обителем зла».

Особенностью современной информационной войны объявленной нашей стране также является и то, если в период «первой холодной войны» в ней самое активное участие принимали откровенно бульварные издания, «желтая пресса», а солидные, уважаемые печатные СМИ, телевизионные компании и радиостанции пытались сохранять свою репутацию, подчеркнуть независимость в оценках, сохранить свой авторитет, уважение к себе, то в современной информационной войне почти все из этих, некогда независимых СМИ, полностью утратили свою самостоятельность, исключили появление на своих страницах и в эфирах иных точек зрения, которые содержали бы, даже в небольших объемах, объективную информацию о России.

«Доказательства» подбираются из непроверенных и откровенно лживых материалов выкладываемых в сетях совершенно «уникальными» по своим знаниям и профессионализму «специалистами» - блогерами, а затем со ссылками на эти «данные» и друг на друга эта «объективная информация» ти-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ражируется.

Кроме этого, все справедливые, обоснованные опасения России о развязанной информационной войне и нападках на ее внешнюю политику, традиционно отвергаются со ссылкой на российскую подозрительность, на приверженность различным «теориям заговора», что политика США, Запада и блока НАТО носит исключительно мирный, оборонительный характер. Как здесь не вспомнить про обещание США не допускать расширения блока НАТО на Восток или про размещение системы ПРО в ряде восточноевропейских стран : повод для этого – иранская ядерная программа уже исчез с повестки дня, но размещение ПРО продолжается полным ходом.

Главный удар по национальной идентичности России наносится, прежде всего, по истории, которая по мнению западных экспертов и их сторонников в России, изобиловала только «преступлениями против собственного народа, актами агрессии, подавления и оккупации» других народов в советский период. Автором такой политики был, конечно же В.И.Ленин, которого представляют главным злодеем человечества перенося эти оценки, вырванные из исторического контекста, на современную Россию и ее руководителей, несмотря на противоречивость в оценках этой исторической личности, она сохраняет определенное значение для части российского общества и все, регулярно возникающие дискуссии

о судьбе Мавзолея В.И.Ленина, вызывают раскол в обществе [3].

Логика здесь проста: агрессивное государство, создателем которого являлся В.И.Ленин, не претерпело абсолютно никаких изменений, его политика была и остается жестокой и агрессивной, представляющей угрозу всему человечеству, поэтому российский народ должен испытывать чувство вины и стыда как за все действия осуществляемые в рамках СССР, так и за всю политику современной России, поскольку она является правопреемницей и, в силу этого, наследницей всего зла, которое и олицетворяет современная Россия. Тем самым в национальной идентичности происходит подмена представлений о роли русской нации в истории: из великой она предстает дикой, невежественной и агрессивной. Далее следует «логичный» вывод: нация с таким прошлым и настоящим не может быть достойна уважения и в полной мере, полноценно, на равноправной основе принимать участие в решении различных проблем мирового развития, а уж тем более проводить самостоятельную внешнюю политику.

Не случайно жесткие атаки на президента России В.В. Путина, его демонизация, граничащие с откровенным хамством со стороны политиков ряда стран начались после его речи в Мюнхене на международной конференции по безопасности 10 февраля 2007, в которой он заявил о самостоятельности во внешней политике, которую

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Россия будет проводить с учетом национальных интересов, а не пожеланий и рекомендаций Запада. Именно после мюнхенского выступления В.В.Путина в западных СМИ и официальных заявлениях высших должностных лиц и в «трудах» оппозиционеров началась антипутинская и антироссийская истерия[4].

Подобных высказываний руководство России себе не позволяет, используя дипломатический термин «наши западные партнеры», хотя, как можно считать партнерским заявление президента США о том, что наша страна представляет более серьезную угрозу, чем международный терроризм в лице ИГИЛ и лихорадки Эбола.

Продолжая прежние обвинения в адрес СССР и его руководителей, современное поколение русофобов мало что добавили к риторике холодной войны, поменяв лишь название страны и имена руководителей: «репрессивный курс Путина по отношению к оппозиционным группам...несоблюдение правовых норм, нарушение демократических принципов.»[5].

При этом, в сознание россиян, усилиями западных СМИ, наряду с «оппозиционными и независимыми» изданиями и радиостанциями, подконтрольными Западу, усиленно вдалбливается настойчивая мысль о том что во всех современных трудностях России виноваты сами российские граждане, что негативный имидж страны, активно формируемый западными странами под руководством США, сохраняется только по одной простой

причине : пребывание на посту главы государства В.В.Путина и проведение независимой внешней политики, без выполнения рекомендаций Запада.

Эти попытки свидетельствуют о том, что политическая идентичность россиян, сплотившихся в условиях антироссийских атак и поддерживающих внешнеполитический курс страны, а так же ее позицию по ряду важнейших проблем международных отношений, вызывает ненависть сторонников однополярного мира при тотальном доминировании США.

Поэтому, с целью вытеснения России из активной мировой политики, ослабления финансово-экономического положения страны, формирования условий для проведения одного из вариантов «цветной революции», смены политического руководства и изменение внешней политики, основной упор в информационной войне против России делается на ослабление национальной идентичности в основных ее проявлениях, подрыв доверия к руководителям страны и, в конечном итоге, к превращению России в страну-изгой, к разобщенности общества.

Для удара по национальной идентичности широко используются все средства, наступление идет по многим направлениям с целью представить Россию и россиян в негативном свете: с помощью тенденциозных рейтингов предсказывается крах российской экономики, проводится мощная кампания по дискредитации российского спорта, основанная на единичных

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

случаях применения допинга, активно используются обвинения российских бизнесменов в торговле оружием и наркотиками, участились обращения в иностранные суды с целью принятия решений об аресте российского имущества за рубежом.

К сожалению, стоит признать, что за годы реформирования страны попытки извратить основные элементы национальной идентичности, не были безуспешными, так например части общества, особенно молодежи, удалось привить западные «ценности», главными из которых стали потребительство, преклонение перед финансовым благополучием, властью денег, преклонение перед западным образом жизни. На этой почве выросли бездуховность, искаженное представление об отечественной истории, полное забвение или негативное отношение к ее героическим страницам, некритичное отношение, если не сказать полное доверие, к информации публикуемой в социальных сетях, отсутствие собственного мнения по важным вопросам внутреннего и внешнего развития.

Попытки ослабления национальной идентичности, не связанной с информационной войной, а зависящие от внешних факторов, являющихся следствием глобализации и евроинтеграции, отмечаются и в Германии. Эрозия национальной идентичности приводит к изменениям в различных сферах политики, нередко используется политическими партиями и движениями в целях завоевания го-

лосов избирателей, для критики политики, проводимой правящими партиями и выражения недовольства процессами евроинтеграции и деятельностью европейских институтов, усиления евроскептицизма, в основе которого нередко лежит беспокойство многих немцев в первую очередь, за судьбу национальной идентичности.

Активное распространение мультикультурализма как в Европе, так и в Германии, временем приводит к гражданскому сопротивлению, к росту радикализма, усилению позиций правых партий и движений, например Пегида и АФД в Германии, Национальный фронт во Франции, Сириза в Греции.

Влияние внешнего фактора на национальную идентичность Германии резко возросло с увеличением нелегальной миграции в европейские страны, когда в угоду мультикультурализму и верности европейским ценностям нарушается привычный образ жизни, игнорируются мнение и требования населения.

Примером могут служить референдум в Нидерландах об ассоциации Украины с ЕС и события в немецком Кельне.

В Германии и в России глобализация привела к вытеснению маленьких магазинов и лавок, в которых посетители и владельцы были лично знакомы, им на смену пришли гипермаркеты, в которых люди старшего поколения чувствуют себя не очень уютно, исчезло тепло простого человеческого общения, на смену которому пришло виртуальное. Кроме этого, часть

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

немецкого населения испытывают ностальгию по немецкой марке, одним из многовековых символов национальной идентичности, которая ассоциируется у большинства членов общества с успехами в экономическом развитии[6].

Немецкая национально-политическая идентичность столкнулась в своем становлении и развитии с немалыми трудностями, среди которых был сложный послевоенный период, когда в рамках денационализации и денацификации пришлось освобождать общество от идеологии национал-социализма. Период разделения немецкого государства на две части тоже был сопряжен с серьезными испытаниями идентичности на прочность и с попытками создания новой идентичности в ГДР и сохранения ее в Западной Германии.

Наконец, период 1980-90-х годов, для которого характерны как серьезные угрозы национальной идентичности, так и ее возрождение в условиях воздействия политики мультикультурализма, развития евроинтеграции и обострение проблемы миграции. В этих условиях немецкая идентичность исходила из наличия в обществе следующих элементов:- титульной нации, действующей в условиях глобализации и членства в Европейском Союзе, а также значительного количества иммигрантов и переселенцев из России, стран Восточной Европы и СНГ. Для них свойственны недовольство политикой мультикультурализма, евроинтеграцией, несовершенством

миграционной политики и наплывом нелегальных мигрантов.

Серьезные проблемы испытывают переселенцы, которые не ощущают себя немцами, причем и немецкое общество не признает их в этом качестве, все выходцы из России и стран СНГ, традиционно воспринимаются как «русские немцы», у которых существуют трудности адаптации в немецкое общество, для которой необходимо серьезно изменить психологию и менталитет, а также овладеть немецким языком.

«Русские немцы» в Германии, несмотря на наличие большого числа программ адаптации переселенцев, как и представители других стран переселившиеся в силу разных причин, живут замкнуто, представители среднего и старшего поколений плохо знают немецкий язык, контакты с коренным населением сведены к минимуму, практически не встречаются смешанные браки с представителями коренного населения, браки заключаются между выходцами из России или стран Восточной Европы, близкими по менталитету. В силу слабого знания языка переселенцы практически не посещают театры, кино, общаясь только с бывшими соотечественниками[7].

Несмотря на трудности, национальная идентичность Германии все же обладает достаточным запасом прочности для противостояния новым угрозам, для предотвращения эрозии идентичности в Германии разработаны ряд программ, позволяющих смягчать воздействие

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

внешних факторов и угроз, которые вносят достойный вклад в укрепление идентичности.

Таким образом, процессы глобализации могут оказывать противоречивое воздействие на судьбу национальных государств, приводят к сокращению его возможностей влиять на многие аспекты жизнедеятельности, демонстрируют уязвимость такого важного элемента сплоченности страны, как национальная идентичность. Угрозы ее существованию могут пред-

ставлять как объективные факторы, формирование которых происходит в недрах самого общества, так и субъективные, влияние которых нарастает с развитием процессов глобализации, а также с участием внешних сил, имеющих цель изменение национальной идентичности и подрыва единства общества за счет навязывания сомнительных ценностей. Однако, если то или иное общество обладает четко сформулированной и поддерживаемой

Библиографический список

1. Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики// МЭиМО. 2011. – № 4, – С. 3–15.
2. Вайнштейн Г. Евроскептицизм: новый вектор европейской политики// МЭиМО. 2015. – № 8, – С. 40-48.
3. Гаджиев К. Об этногенных факторах фрагментации идентичности России// МЭиМО. 2013. – № 4, – С. 47–58.
4. Семенов Н. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // МЭиМО. 2015. – № 11, – С. 91–102.
5. Саррацин Т. Германия : Самоликвидация. – М.: Аст, 2016. – 560 с.
6. Lewytzkyi B. Sowjetische Entspannungspolitik heute. – Stuttgart, 1976, – S. 33, 71.
7. Royen C. Die sowjetische koexistenzpolitik gegenueber Westeuropa: Voraussetzungen, Ziele, Dielemmata. – Baden-Baden, 1978. – S. 51.
8. Dirneker R. Sowjetische Weltpolitik unter Breschnew. – Berlin, 1981. – S. 10, 52.
9. Richthofen B. Cheim R. Weltherrschaft: Die Entwicklung Russland zur Grossmacht. Ziel und Weg Sowjets – kommunismus/ - Oldendorf, 1981. – S. 13, 20.
10. Стригин Е. Путин. Внедрение в Кремль. – М.: Алгоритм, 2011. – 368 с.
11. Бушин В. Пятнадцать лет Путина. Куда бредет Россия. – М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.
12. Бунавский В. Тайная империя Путина. Будет ли « дворцовый переворот»? – М.: Алгоритм, 2014. – 224 с.
13. Кунгуров А. В.В. Путин. Роль в истории. – М.: Алгоритм, 2015. – 228 с.
14. Зенькович Н. И пришел Путин... Источник близкий к Кремлю. – М.: Яуза-Пресс, 2015. – 576 с.
15. Майстер Ш . Германия и Россия : размеживавшиеся партнеры// МЭиМО. – 2013, -№7. – С. 22, 28.
16. Саррацин Т. Европе не нужен евро. М. – Аст.- 2015, С. 34.
17. Саррацин Т. Германия : Самоликвидация. М. - Аст, - 2016, С.322.

УДК 370 (09)

Лезьер В.А.

Познание французского образа жизни как способ формирования российской идентичности

Что такое Россия, каково ее прошлое и что суждено ей в будущем? Что значит «русский» и что такое «русскость»? Эти вопросы, возникающие уже на исходе первой половины XIX в., стали еще острее к началу XXI столетия. Познание себя, своей культуры часто более перспективно в диалоге с другой культурой. Для России таким «собеседником» стала Франция, и представления русских путешественников о французах явились важными культурными источниками. Изменилось ли представление о Франции и французах в начале 21 века, то есть, два века спустя?

В этом докладе мы рассмотрим разные впечатления, как путешественников, так и эмигрантов, - кто остался во Франции и обрел в ней вторую родину, - дополнив наш экскурс статистическими данными. Разговор о Франции видится автору интересным еще и потому, что через ее открытие, мы познанием самих себя, и изучение французского образа жизни становится способом формирования российской идентичности.

Авторов всех записок, посвященных Франции, роднит стремление к ретроспективному осмыслению увиденного. Причем, эта особенность свойственна не только мемуарам, но и переписке и дневникам участников заграничных походов. Пребывание русских во Франции заставило многих из них задуматься над проблемами своего отечества, они пытались определить свою позицию, в частности, по вопросам прав и свобод личности.

В данном докладе приводятся впечатления автора, которые сформировались за время проживания во Франции, уже в роли резидента. Повесть о том, какими представляются французы, когда вы живете с ними в одном доме, в одной деревне, став равным с ними членом коммуны? Познание собственной культуры здесь происходит посредством открытия, в деталях, французского образа жизни, этики и эстетики, француз-

Ключевые слова: национальная идентичность, ментальность, повседневная культура, диалог, стереотипы, компаративный подход

Лезьер Виктория Александровна,
доктор философских наук, профессор

Введение
Тема образа Европы, изучение представлений народов друг о друге – это часть более широкого поля исследований проблемы «другой» в собственной культуре. Исследование «другой» – это современное направление в социальных науках, которое приобретает особую важность при изучении принципов культурного процесса. Французский культуролог Ж. Фарши полагает, что «суть культурной идентичности сводится к двум ключевым понятиям – гармонии и открытости, которые способствуют взаимопроникновению и обогащению европейских культур» [1 с. 3]. В науке эта проблема приобрела особую актуальность в последние десятилетия, что связано с важностью развития историко-антропологических подходов в культурологическом исследовании. По М. Бахтину, каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Диалог двух культур всегда является плодотворным для обеих сторон: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем у нее ответа, на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с. 335].

Возможно ли понять «другого» и принять «чужого»? Процесс сравнения своих и чужих культурных ценностей осложняется взаимной неперевожимостью «языков» различных культур, по-

этому для успешного ведения диалога возникает необходимость выработки механизма интерпретации. Плодотворным методом изучения образа «чужого» представляется связанный с историко-антропологическим подходом анализ взаимных «отражений», «метод зеркала», открывающий возможность познания в оппозициях «я» – «другой» и той, и другой стороны.

Актуальность разговора о восприятии Франции в призмe отечественного взгляда обусловлена тем, что представления русских о французах и Франции, и наоборот, представления французов о русских и России – один из заметных аспектов темы «Россия и Европа», составляющая образа Европы в культурно-исторических реалиях. Общеизвестна и неоднократно исследовалась учеными и описывалась в художественной литературе роль французской культуры в России. Героям Пушкина, Толстого, Тургенева, принадлежавшим к высшему обществу, говорить, писать и даже, вероятно, думать по-французски было легче, чем по-русски; французскую моду знали и часто ей подражали; из Франции выписывали воспитателей для детей. Париж и Франция являлись непременными этапами путешествия в Европу просвещенного дворянства, знакомого с произведениями французских писателей, в частности, с «литературой о путешествиях французских авторов».

Именно поэтому мы обратимся к тому образу Франции и к тому отношению к французам, которое сложилось в об-

ществе образованных людей 19 века. Так, впечатления русских военных путешественников сыграли свою роль в ярко выраженном увлечении образованных людей России Францией и французской культурой. С другой стороны, чтобы представить тему в динамике, обратимся к пониманию Франции, французской культуры и ее традиций в представлениях русских людей сегодня, в начале XXI века.

Образ Франции и французов в представлениях русских путешественников 19 века

Наполеоновские войны, особенно война 1812 г. и последовавший за ней заграничный поход русской армии, в значительной степени изменили восприятие народами образа друг друга. Так, знакомство многих лучших представителей русского общества с жизнью Европы оказало заметное влияние на внутриполитическое развитие страны, а героическая кампания 1812 г. резко повысила интерес к России как ее союзников, например, Великобритании, так и недавних противников, в частности Франции [3, с. 26].

Н.И. Тургенев на одной из первых страницах работы «Россия и русские» пишет: «Именно в это время я первый раз приехал во Францию и под влиянием впечатлений, полученных мною в Германии, наблюдал с некоторым ужасом грозную власть, распоряжавшуюся тогда судьбами французской нации и, казалось, в равной мере, державшую в своих руках судьбы всей Европы» [4, с. 261].

В первой половине XIX в. между Россией и Францией

происходил интенсивный культурный обмен в политических и философских идеях, литературе, искусстве. Кроме того, именно XIX век был для России, как, впрочем, и для многих других стран, временем поисков национальной идентичности. Не будет преувеличением сказать, что в XIX в. России все размышления образованных людей о прошлом и будущем отечества, о характере и путях его развития были неизменно связаны с осмыслением роли французов. При этом, французский язык, французское чтение, французская мода казались им более близкими и важными. Но даже для тех, кто страстно был привержен всему французскому, Франция оставалась прекрасной, волшебной границей.

В отличие России и от других стран, где национализм выражал, прежде всего, чувство преданности собственной стране и государству, во Франции первой половины XIX века он являлся формой проявления особой гордости ее граждан («передовыми учреждениями»), которые являлись результатом революции конца XVIII в. и реформ периода Консульства и Империи; сопровождался верой в особую историческую миссию Франции, призванной облагодетельствовать человечество. Именно такая Франция являлась психологической реальностью в общественном сознании России, ибо значительная часть образованных русских людей не только стремилась к глубокому знанию французского языка, культуры, литературы, но и видела во Франции пример общества и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

государства, чье устройство приближено к идеалу.

В путевых очерках российских писателей, журналистов и путешественников, побывавших в Европе, мы можем найти самые разнообразные сведения о стране и ее народе: об экономической и политической жизни, о быте и культуре, о психологии нации. Авторы умело передавали живость и колорит европейской жизни, использовали прием сравнений, сопоставляли жизнь за океаном с жизнью в России. Следует заметить и субъективность в политических убеждениях авторов, которая отнюдь не способствовала созданию реальной картины увиденного: все перечисленные представители российской интеллигенции были категоричны в суждениях по самым разным вопросам и довольно решительно оценивали достоинства и недостатки европейских народов.

Авторов всех записок, посвященных Франции, роднит стремление к ретроспективному осмыслению увиденного. Причем, эта особенность свойственна не только мемуарам, но и переписке и дневникам участников заграничных походов [5, с. 66]. Пребывание русских во Франции заставило многих из них задуматься над проблемами своего отечества, они пытались определить свою позицию, в частности, по вопросам прав и свобод личности.

Осмысление французской действительности сопровождалось сравнениями с другими – более знакомыми – реалиями. Так, сравнения с русскими (как правило, это Москва и Санкт-

Петербург) или немецкими городами чаще не в пользу французских городов. Но при этом высказывания о французах во многом повторяют устойчивые представления предшественников, а именно: они легкомысленны (о ветренности французов писал еще Н.М. Карамзин), словоохотливы (болтливы), нетерпеливы, склонны к хвастовству, пренебрегают благообразием, ибо вера их пребывает в упадке. В числе позитива – упоминания о хорошем состоянии дорог и четкой работе почтовой службы. Кроме того, путешественники 20-х годов почти едины во мнении относительно тщательности французов; многие отмечают их тонкий вкус и любовь к чистоте и опрятности – разумеется, не всех, есть исключения [6, с. 107].

Гуляя по Парижу 1814–1818 гг., русские отмечали наличие множества культурных и просветительских учреждений; путешественники следующего десятилетия располагали временем для более подробного ознакомления с этими учреждениями, их описанию посвящена не одна страница записок [6, с. 107–108]. Кое-кто из мемуаристов сознательно пытался изменить поверхностные представления современников о Париже и его обитателях. А. Глаголев, например, предостерегал: «Но, принимая на себя роль наблюдателей, не будем делать заключений по одному глазомеру» [6, с. 112].

В 1823 г. совершает свое путешествие во Францию А.Г. Глаголев, который позже публикует впечатления в «Записках русского путешественника» в 1837 году

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

[7, с. 1, 21, 25, 169]. Он пишет, что «Франция – страна, недавно могущественная и страшная, ныне мерявшаяся, но все еще обладающая средствами господствовать над Европой [7, с. 1]. В отношении нравов и нравственности французов мы остаемся в таком же заблуждении, в каком французы относительно нашей образованности. Они с детским простодушием повторяют сказку, что Россия еще досель погружена в глубокое невежество; мы от доброго сердца верим, что французы столько же вежливы и любезны, как бывали прежде; короче сказать: мы думаем взаимно думами прошедшего столетия, не размышляя, что оно отдельно от нас целым рядом эпох, поглотивших династии и изменивших весь образ Европы» [7, с. 20–21].

А. Глаголев знакомит российских читателей с уровнем просвещения в Париже, отмечает что «Париж волшебный город. Всех он к себе привлекает; его бранят и ненавидят и в тоже время хотят взглянуть на него, взглянувши насмотреться, узнать его ближе и им насладиться. Париж имеет все средства удовлетворять всем склонностям, прихотям, причудам и вкусам. В одно и тоже время он доставляет и рассеянность празднующему, и отдых трудолюбивому, и знания любознательному. Париж есть город познания добра и зла» [7, с. 29–30]. Путешественник дает описание ученых обществ: «Королевский институт, состоящий из отделений: математического, языка и литературы, истории и литературы древних и изящных художеств, астро-

номическое для изучения долгот, королевское, медицинское, общество поощрения художеств, общество любителей древностей и многие другие», учебных заведений, библиотек, церквей, дворцов.

Относительно быта французов Глаголев пишет о том, что частные дома в Париже имеют самую невыгодную наружность: «обыкновенно закоптелые и высоты неровной – большую часть от 5 до 9 и даже 10 этажей, иногда длинные, иногда в 3 или 4 окна» [7, с. 128–129]. Дворы обыкновенно малые, квадратные, похожи больше на колодцы, наполненные спертым, зараженным от неподвижности воздухом. Улицы во всех старых частях города так узки, что «в некоторых из них нет возможности разъехаться двум каретам, а иногда одна длинная извозчичья телега при повороте загрохачивает вдруг несколько улиц. Эта теснота и постоянная тень, бросаемая домами, из которых многие иногда не освещаются солнцем, дает некоторым улицам вид каналов и труб, строенных для провода грязной воды или нечистот» [7, с. 128–129].

Весьма часто путешественники упоминают о гласности французского суда. Н.И. Греч в целом с одобрением пишет о «предусмотрительности французских уголовных законов», полагая, что «общее благо государства составляет, в некотором отношении, частным благом каждого гражданина или большей их части, а правосудие, и в самых мелких сношениях общества, не есть ли святейшее достояние, на которое

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

всякий гражданин имеет право?» [8, с. 81, 82].

Стереотип, согласно которому знания французов о России и русских ничтожны, подтверждается наблюдениями А. Глаголева: «...я не могу равнодушно слушать, когда ученые швейцарцы и французы говорят важным и решительным тоном: «Ведь язык русский и татарский один и тот же?» ... – мало того, что так думают и говорят, но и утвердительно пишут в своих книгах» [8, с. 81, 82]. Но можно предположить, что этот стереотип утвердился вследствие противоположных наблюдений, от противного: «Вопрос: что полезнее для благоденствия государственного: образование ли всей массы народа или преимущественно высших и средних сословий, есть вопрос весьма важный, политический. Французские политики держатся первого начала, полагая, что удобнее управлять чернью образованною, нежели помраченною невежеством» [7, с. 270].

Очевидно, что кто-то из путешественников оценил прогрессивные результаты такой политики, удивляясь высокому уровню общего образования и даже познаний о России некоторых французов. Тот же Глаголев рассказывает о беседе со случайной французской спутницей: «Лионская дама продолжала со мною занимательный и, можно сказать, ученый разговор о дамах Московских. Она расспрашивала меня об их воспитании, образованности, вкусе и занятиях. Странным показалось мне слышать от дамы суждения о латинском языке...;

суждения, показывающие ее ум и, так сказать, классическую образованность. Она, как приметно, читала историю Вольтера о Петре Великом, хорошо знает историю своего отечества и здраво судила о существующих во Франции партиях» [7, с. 22].

Стереотип о парижском многолюдстве подтверждается наблюдениями о подобной же ситуации в Лионе. Кюхельбекер недоумевал, «как описать неслетное множество пестреющего народа» на улицах Марселя [8, с. 72]. Путешественники 20-х годов, как и их предшественники, писали о необустроенности и тесноте маленьких улиц Парижа и других городов, и о красоте парижских бульваров. Н.И. Греч и В.К. Кюхельбекер дополняют эти описания новыми штрихами: они удивлены наличием объявлений о запрете мусорить; первый увидел подобную надпись у памятника Людовику XVIII в Кале, а второй – около церкви в Экс-ан-Провансе. Возможно, подобные объявления были вызваны к жизни как насущной необходимостью – напомнить горожанам об их правах, так и дотошностью муниципальных властей, стремящихся зафиксировать в объявлениях даже самые очевидные правила городской жизни. Налицо идентичность реакции двух таких разных мемуаристов: оба цитируют эти надписи на языке оригинала, В.К. Кюхельбекер завершает фразу тремя восклицательными знаками, а Н.И. Греч сопровождает перевод замечанием, что «эти слова не требуют пояснения» [9, с. 60]. С другой стороны, современни-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ку, наблюдающему незнакомую реальность, часто проще объяснить ее уже устоявшимися понятиями – стереотипами. Кроме того, нужно учитывать и возможную идеологическую предзаданность мемуаров. Н.И. Греч, делаясь своими впечатлениями о кофейнях, писал, что их очень много, они открыты и «наполнены людьми с утра до глубокой ночи», в них можно «читать газеты, пить кофе, шоколад, есть мороженое» и «получать обед и ужин» [8, с. 63–64].

Выражаясь современным языком, Греч делает вывод об эмансипированности общественной жизни парижан, с которых «множество трактиров и кофейных домов снимают ... затруднительную обязанность иметь особое домашнее хозяйство. Младенцев отдают кормилицам в деревню... муж и жена завтракают и обедают всегда в каком-нибудь трактире» [8, с. 63–64]. Заканчивая фразу замечанием (оно же общепринятый стереотип) об этих людях, которые «вечера проводят в спектакле и в вечной рассеянности, убивают день за днем», [8, с. 63–64] автор все же не забыл упомянуть о разности обычаев разных народов: «У нас, в России, только разве приезжие могут ходить в трактиры, но во Франции не сопрягают с этим никакой дурной мысли» [8, с. 63–64].

Итак, русские современники, как и их предшественники несколькими годами ранее, пытались осмыслить увиденное в чужой стране в культурно-исторической перспективе, сравнивая французские реа-

лии с происходящим в России и других стран и «корректируя» по мере новых открытий и впечатлений свои прежние знания о Франции.

В начале XIX в. в общественном умонастроении России многое приобретало национальную окраску. Образованная элита вдруг почувствовала потребность усилить и подчеркнуть свою «русскость». Это намерение шло вразрез со сложившимся во второй половине XVIII в. положением вещей, когда влияние французской культуры в среде российского дворянства постоянно росло и крепло. С.Н. Глинка, один из питомцев Сухопутного шляхетского корпуса, свидетельствовал, что кадеты воспитывались «совершенно на французский лад... Полюбив страстно французский язык, я затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» [10, с. 66]. Глинка проникся «французским духом» в казенном, государственном учебном заведении; что же говорить о частных пансионах, которые в таком обилии открывались и в столицах, и в крупных губернских городах совершенно на французский манер.

В целом, если для человека екатерининского времени Франция ассоциировалась с едким вольнодумством Вольтера, то для современников начала XIX в. – с революцией, республикой и первым консулом как выразителем республиканских свобод...

Впечатления и Франции и французах в начале XXI века

Изменилось ли представление о Франции и французах в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

начале 21 века, то есть, два века спустя? В этой статье мы рассмотрим разные впечатления, как путешественников, так и эмигрантов, – кто остался во Франции и обрел в ней вторую родину, – дополнив наш экскурс статистическими данными.

Как говорится, одно дело видеть страну в короткий период путешествия, туристического визита, совсем другое – жить в этой стране, познать ее особенности изнутри. Вот так открывается и Франция для тех, кто выбирает ее для своего постоянного места жительства. Сначала она манит нас интригующими сценами из французских романов, сцен кинематографа, снятых в Сан-Тропе, Марселе или Париже, потом вы открываете ее культуру, ее ценности сами, в ежедневном тесном контакте, и самое главное – ее людей, – неторопливых, экономных, не всегда искренних, но умеющих держать свое слово.

Наш разговор о Франции нам интересен еще и потому, что через ее открытие, мы познаем самих себя, и изучение французского образа жизни становится способом формирования российской идентичности.

В одном докладе сказать о многом невозможно, мы затронем лишь отдельные стороны этой темы. Я поделюсь теми впечатлениями, которые у меня сформировались за время проживания во Франции, уже в роли резидента.

В первую очередь, попробую рассказать о том, какими представляются французы, когда вы живете с ними «бок о бок», в одном доме, в одной деревне,

став равным с ними членом коммуны? Замечу: жить в чужой стране по «своему уставу» нельзя, более того, вы сможете преуспеть лишь в том случае, когда вы пытливы познаете, в деталях, французский образ жизни, привычки, традиции. Это очень важно: чтобы стать частью нового общества, обязательно полюбить новую жизнь, новую страну, новое окружение. Полюбить и принять, без чего вхождение в пространство новой страны будет для вас невозможным. Интересно то, что, узнавая чужую культуру, мы приобретаем новые грани и для собственной культуры. Мы сравниваем себя и «их», находим преимущества и недостатки «их» поведения и «их» привычек, но в любом случае, изменяемся и развиваемся сами. Вспоминаю мои первые впечатления о французах. Это было видение их изысканной отзывчивости. Например, если вы идете с тяжелой сумкой, нагруженные покупками, вам обязательно везде предложат помощь. В Париже, в Лионе, в Гренобле, – я везде встречала людей, мужчин или женщин, кто подхватывал мои дорожные сумки, нагруженные книгами или сувенирами, и помогал их донести до вагона поезда в метро. Если я останавливалась в задумчивости, порой не зная, в какую сторону идти, чтобы найти местный музей, станцию метро, улицу или что-то другое, обязательно прохожие останавливались, замечая мою растерянность, и помогали разрешить затруднительную ситуацию. Вспоминаю, как одна пожилая французенка в Лионе, поздним

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

вечером, долго шла вместе со мною, кардинально изменив свой собственный маршрут движения, пока не проводила меня вплоть до дома, который я до этого безуспешно искала. Эту отзывчивость можно распространить и на другие стороны жизни. Такое явление, как переезд, покупка крупногабаритных вещей, как правило, так же не является только вашей проблемой. Вам помогут все, кто рядом. Соседи предложат помощь, приедут друзья, даже те, кто проезжает мимо, останавливается и задает вопросы, нужна ли помощь.

Вторая черта, отличающая французов, это их вежливость, приветливость, улыбочивость. Вам никто не нагрубит, вы не станете жертвой хамства, или агрессии. Можно без преувеличения сказать о том, что французы сформировали настоящий культ вежливости. Действительно, в первые месяцы жизни во Франции особенно непривычно наблюдать, как все тебе улыбаются. Вы идете рано утром в булочную с маленькой прованской деревушке, те редкие прохожие, что встречаются на пути, непременно здороваются и улыбаются. Совсем как в наших русских деревнях, правда, в отдаленные времена коммун...

Встречаясь глазами в метро, на улице больших городов, здесь так же не принято отводить взгляд, здесь нужно улыбнуться, иначе ваше поведение будет расценено как грубость. И даже когда вы пересекаетесь с кем-нибудь на лесной тропе или в горах во время воскресного путешествия, нужно поздоро-

ваться и улыбнуться. И будьте уверены, что вам улыбнутся в ответ. Я не буду здесь проводить соответствий с русскими реалиями сегодня. Они очевидны. Так же, как и другая черта французов – желание быть приятными в любой ситуации. Например, если вас нечаянно задела локтем или полкой плаща, в толпе, когда вы оказались в метро, в поезде, в магазине, в автобусе, вы должны немедленно извиниться. «Пардон» – это наиболее часто произносимое слово во Франции. Вопросы политеса приравниваются к вопросам нормы поведения и морали.

Но у этой подчеркнутой вежливости есть и другая сторона. Улыбка может означать просто норму поведения. Службы часто работают медленно, кампании офисов, страховых компаний, могут вам улыбаться, и не выполнять своих прямых обязанностей. Если вам не перезвонили в течение ближайших 3-х дней, то, скорее всего, этого вообще не произойдет. Не отвечать вообще, если нечего сказать – это так же вполне по-французски.

Русские не совсем понимают привычку французов строго исполнять необходимый ритуал приветствия друг друга, когда они обмениваются рукопожатиями буквально со всеми (с членами семьи, с детьми, с незнакомцами) – дома, по пути на работу, придя на работу, уходя с работы домой, и т.д. В контроле, где трудится человек десять-двенадцать, первые полчаса люди радостно напоминают друг другу, что они не виделись со вчерашнего дня. При этом французы считают проявлени-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ем крайней невоспитанности пожать кому-то руку дважды за день, словно в первый раз ты этого человека попросту не заметил. Так же в некоторых регионах, например, на юге Франции, принято прикладываться двукратно щекой к щеке своего знакомого (друга, коллеги) в жесте «дружеского поцелуя», когда вы заходите в чей-то дом или просто встречаете кого-то на улице. Тот же жест означает прощание и пожелание дружеского участия. Эти знаки вежливости очень важны, они неотъемлемы от французского этикета и являются пониманием цивилизованности. Здесь французы консервативны, они уверены, что без строго установленных рамок и норм поведения верх над цивилизованностью обретет варварство.

Следующая черта французов в том, что при всей своей, иногда чрезмерной, общительности, они свою частную жизнь очень ценят, ревниво оберегая права на время раздумий, на ежевечерние семейные дискуссии, на возможность посидеть в одиночестве за столиком кафе. Французы уважают жизненное пространство других, уважая, прежде всего, свое собственное жизненное пространство. Здесь каждый знает, что после 22 часов нужно тихо разговаривать, тихо передвигаться в своих квартирах, по возможности не принимать душ, чтобы не беспокоить соседей. Шум, лай собак, подозрительные звуки, громкие голоса поздним вечером – все это может стать причиной для звонка соседей в полицию.

Подкупающая честность и

доверие – вот что, мне импонирует в поведении французов. Здесь проще жить, поскольку квота доверия дорого стоит! В библиотеке, в офисе, вы можете оставить сумку с документами или ценными вещами, если вам нужно выйти на обед, никто к вашим вещам не притронется! Французы почти всегда работают честно и ответственно. Они очень трудолюбивы и дисциплинированы. Очень редко настоящий француз нарушает данное слово. Здесь трудно добиться рабочего места, всегда посредством значительного конкурсного отбора, поэтому, если вы получаете работу, то все силы уходят на то, чтобы доказать свой профессионализм и незаменимость. Здесь принято поднимать профессионализм до высшей планки, отдаваться работе с той же страстью, что и любви. Французы много работают, но не афишируют этого. В офисах при заключении сделок нет необходимости вчитываться с лупой в мельчайший шрифт постскриптумов к договорам. Здесь можно оставить чек в задаток, заручившись обещанием не обналичивать его до окончательной сделки, то есть здесь возможно договариваться и доверять.

Нельзя с уверенностью сказать, что все французы похожи, они отличаются в зависимости от региона, где живут, от культурного и языкового контекста (северяне, южане, эльзасцы, нормандцы и т.д.), но можно точно сказать, что все французы равны перед законом, в равной степени воспитаны в сознании того, что их страна – колыбель культуры и прогресса для всего

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

мира. Надо признать, что это справедливое мнение, так как народ Франции не раз коренным образом менял ход мировой истории. Европейская цивилизация многим обязана этой стране, к примеру, язык дипломатии до сих пор – французский, несмотря на повальную экспансию английского.

Импонирует не только самоуважение французов, но и почитание ими главных ценностей республики: «Свобода, братство, солидарность», которые они ставят порой выше чувства самосохранения (братство, например, трактуется как принцип безусловной взаимопомощи: если у меня есть работа и зарплата, я поделюсь своими доходами с теми, кто этого не имеет...). У французов частое явление – бесплатные услуги, которые они получают в коммунах, благодаря деятельности ассоциаций. Вы сможете бесплатно получить консультацию юриста, психолога, семейного педагога, пойти на курсы иностранных языков, организованные ассоциациями или мэриями коммун. Летом, в июле и августе, практически во всех городах мэриями организованы бесплатные для жителей концерты классической и популярной музыки, гастроли театральных трупп. Романтика летней природы соединяется с красотой искусства, которое «вкушается» французами ночной прохладой, в соборном единении душ. В центре французских городов каждую ночь на смонтированной эстраде разворачивается мистерия звуков, вокальных и инструментальных

голосов, света и красок, которые дополняются изысканными ароматами французской кухни, что подают местные ресторанчики. Этот вкус французов к искусству подкупает, а их знание классической музыки, литературы, в том числе и русской – удивляет и воодушевляет.

Справедливо сказать, что, ценности, которые ставятся французами превыше всего – это ум, талант и образование. Отработанная веками система обучения и выращивания талантов позволяет каждому французу не только получить высшее образование, но и максимально реализовать свой творческий потенциал. В лицее, помимо уровня общего образования – фундаментального или специализированного, ваш ребенок сможет глубоко освоить искусство театра, танец, спортивное направление. По истории искусства сдается экзамен, равный по сложности экзамену по математике или французскому языку. Наверное, это внимание к эстетическому воспитанию и является условием того, что, можно назвать – подлинная образованность. Французы знают хорошо не только собственную историю, но и историю мировую, они проявляют отзывчивость к политическим событиям и неплохо осведомлены о событиях русской истории. Они читают романы Толстого и Достоевского, знают прозу Чехова и Бунина, а имя Пушкина ставят в один ряд с великим Гюго. Теперь меня уже не удивляет, что на пенсии французы начинают заниматься писательством, рисованием или классической музыкой.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Один бывший военный инженер занялся на пенсии русской историей и литературой, и написал исследования о Сергее Радонежском и о Николае Чернышевском. Довольно часто дамы после 60 лет начинают брать уроки музыки, поэтому в частной практике преподавания среди учеников взрослых даже больше, чем детей... Воспринимая высокое искусство неотъемлемой частью своей повседневной жизни, французы воспринимают жизнь легко и умеют «profiter» (наслаждаться) каждым приятным моментом.

Импонирует и такое их качество, как дипломатичность, стремление во всем идти на компромисс (любимое выражение французов: «Это не важно», «Не стоит беспокоиться»), сглаживать нарождающиеся противоречия, быть податливыми и гибкими во взаимоотношениях и в быту, что предотвращает большинство социальных и бытовых конфликтов.

Соблюдение ритма жизни – это важная составляющая повседневной культуры французов. Они начинают свой день очень рано. Уже в около 7 утра открываются булочные, но в обеденный перерыв, с 12.00 до 13.30 города затихают. В это время никто не будет звонить по телефону знакомым, все бюро и иные службы закрываются. В воскресенье города вообще замирают в ожидании понедельника. Очень интересно и то, что религиозные праздники, наряду с историческими датами и Новым Годом, во Франции тоже являются государственными выходными днями, причем

отмечаются они куда более пышно. Например, Рождество (25 декабря) празднуют с тем же размахом и настроением, что и Новый Год в России.

Итак, во Франции жизнь течет плавно и размеренно. Для того чтобы выяснить какой-то вопрос, вы должны, для начала, позвонить, а лучше, сходить, в нужную организацию, чтобы назначить время и место вашего визита. Затем вам присылают письмо с подтверждением встречи. И только потом вы можете задать интересующий вас вопрос, явившись на запланированное таким образом мероприятие. Кстати, как нигде, во Франции принято вести все дела посредством обычной бумажной почты.

Есть довольно много мифов о французах. Например, миф о том, что французы есть романтики. Однако, это далеко не так, им не свойственны широкие жесты и поступки, выходящие за рамки привычного образа жизни. Французы тратят деньги экономно, на самое необходимое, и для них норма – приобретение вещей на распродажах. Французские мужчины серьезно относятся к отношениям, однако в большинстве своем любят переключать на хрупкие женские плечи все важные решения. Помимо этого, французский мужчина ждет, что женщина будет зарабатывать с ним на равных, наполняя общий бюджет. Французы при неблагоприятных обстоятельствах способны на мстительность и мелочность. Так, в случае развода, французы не только займутся разделом имущества, но и сделают всё возможное, чтобы до-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ставить бывшим партнерам по браку как можно больше проблем и неудобств.

Итак, как мы увидели, французы разные. У них, как у любого другого народа, есть и свои достоинства, и свои недостатки.

К этим субъективным впечатлениям, чтобы создать более полную картину, добавим информацию статистического содержания. К ней относится проведенный опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, который был проведен в 2009 году (статистическая погрешность не превышает 3,6%).

Цель опроса: выяснить, каково отношение русских к французскому народу, что сближает народы, в чем сходство их ментальности, а в чем отличие?

Основные выводы опроса в следующем.

1. Большинство россиян хорошо относятся к французам и считают, что эта благожелательность взаимна. Так, 63% участников опроса заявили, что лично им французы симпатичны, – и только 9% говорят об антипатии к ним. При этом 50% опрошенных людей считают, что французы симпатизируют россиянам, тогда как только 10% полагают, что те испытывают к россиянам антипатию. Кроме того, 54% респондентов думают, что и к России в целом французы относятся хорошо.

2. Вопрос о сходстве нашего и французского народов оказался для респондентов заметно более сложным, чем вопрос о различиях, – на первый дали ответ 32% опрошенных (остальные либо затруднились ответить, ли-

бо заявили, что общего нет), на второй – 51%. Участники опроса чаще всего упоминали такие общие черты национальных характеров, как открытость, радушие, общительность, гостеприимность (7% ответов от всех опрошенных), веселость и оптимистичность (2%), трудолюбие, ответственность (1%), дружелюбие и миролюбие (1% ответов).

Среди общих качеств упоминались и безалаберность, непредсказуемость и т.д. (1% ответов). Несколько реже говорилось о близости культуры, традиций, менталитета французов и русских («корни культуры одни и те же»; «культурными ценностями»; «менталитетом»; «отношение к жизни» – 5% ответов).

Некоторые респонденты акцентировали внимание на исторических связях, точках соприкосновения, аналогиях в исторических судьбах Франции и России («воевали вместе в мировых войнах»; «исторически много раз сталкивались», «много русских уехало во Францию»; «общая история, начиная с королей и монархов, общих браков»; «у них была революция – и у нас» – 4% ответов). Кроме того, по мнению ряда респондентов, и французы, и русские одинаково пристально следят за своим внешним видом и за модой (2% ответов), любят выпить и вкусно поесть, отличаются любовью к прекрасному и тягой к прекрасному (по 1% ответов).

3. Называя отличия французов от русских, респонденты вели речь о культуре, традициях, менталитете (13% ответов), образе жизни, манерах и стиле поведения (5%). Некоторые ре-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

спонденты указывали на различия в национальных характерах – и, как правило, подчеркивали положительные качества французов: вежливость, воспитанность, утонченность (5%), жизнерадостность, темпераментность (3%), доброжелательность и открытость (2%), образованность (1%), свободолюбие и умение отстаивать свои права (1%). Реже сравнения оказывались не в пользу французов: иногда говорилось, что они отличаются от русских жадностью, тщеславием (по 1%) и прочим. Помимо этого, часть респондентов полагают, что французы больше следят за модой (3%), более любвеобильны (1%) и, в отличие от русских, умеют красиво жить (1%).

Вообще, 23% опрошенных считают, что между французами и русскими больше общего, чем различий, но противоположное мнение – что между нашими народами больше различий – встречается вдвое чаще (45%).

Вместе с тем, есть основания считать, что французы представляются россиянам одним из самых культурно близких народов в Западной Европе. По крайней мере, когда респондентов попросили сказать, кто, по их мнению, ближе к русским по образу жизни, культуре, ценностям – англичане, немцы, испанцы, итальянцы или французы, – французы заняли второе место,

уступив только немцам (их отметили 13% и 18% опрошенных соответственно). Кроме того, на вопрос, в какую из пяти названных им западноевропейских стран респонденты хотели бы поехать (допускался только один ответ), участники опроса чаще других называли именно Францию (24%).

Итак, этот короткий очерк показал, что образ Франции и впечатления о французах с одной стороны, соответствовали сложившимся в российской стране стереотипам образа Европы, включаясь в анализ социальной и духовной жизни страны. С другой стороны, путевые очерки российских путешественников, или впечатления эмигрантов, напротив, содержали немало интересных наблюдений и выводов. Авторы умело передавали живость и колорит французской жизни, использовали прием сравнений, сопоставляли жизнь во Франции с жизнью в России. Эти впечатления имели большое значение для формирования собственно отечественной культуры, российской идентичности, давая достойные образцы для подражания, либо раскрывая смешные и нелепые стороны «чужой» культуры для их преодоления в процессе культурного самосовершенствования. В таком тесном диалоге и взаимовлиянии народов и рож-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Библиографический список

1. Яценко Е. Восток и Запад: взаимодействие культур // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 1. – М., 1999.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
3. Образ России. Русская культура в мировом контексте. – М., 1998.
4. Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы 1800–1825 гг. – М., 1989.
5. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристка. – М., 1980.
6. Губина М.В. Образ Франции в представлениях русских современников. По материалам их путевых записок (1814–1827) // Россия и Франция XVIII–XX в. Вып. 5. – М. – 2003.
7. Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 гг. 4.IV, – СПб., 1837.
8. Греч Н.И. Путевые письма Николая Греча. 1817 и 1835 гг. // – Соч. – Ч. IV: Путевые письма. – СПб., 1838.
9. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979.
10. Глинка С.Н. Записки. – СПб. 1895.

УДК 94(470)

Сибиряков И.В.

Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности

В докладе проанализированы некоторые проблемы формирования особой модели советской локальной идентичности. Ее наиболее важные составляющие проанализированы на примере города Севастополь. С использованием широкого круга самых разнообразных исторических источников показана трансформация этой модели на разных этапах существования советского государства. Особое внимание в докладе уделено выявлению роли наиболее известных памятников архитектуры и музеев Севастополя в формировании такой модели.

Ключевые слова: дискурс, идентичность, культурная память, Севастополь

Сибиряков Игорь Вячеславович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-01-00219

Советский социально-политический проект был построен на основе особых идентификационных моделей. «Специфика формирования новой идентичности в 1920-е гг. связана была с Гражданской войной, явившейся не только идейно-нравственным столкновением различных социальных групп и слоев, но и духовно-нравственной; агитационно-пропагандистской борьбой за умы, сознание и психологию общества. Для советской власти, в первую очередь, стояла задача формирования макросоциальной идентичности, которая давала бы определенные образцы и стереотипы поведения, ценностные ориентиры и т.д.» [11]. Среднестатистический советский человек особенно на первом этапе существования СССР должен был отождествлять себя в первую очередь с такими глобальными конструкциями, как «Советский Союз» или «коммунистическая партия», «Коминтерн» или «рабочий класс», «мировая революция» или «мировая война». Разрыв или существенное ослабление традиционных социальных связей внутри семьи, родного города или деревни, этнической или религиозной общности должен был способствовать формированию совершенно новой культуры, новой модели поведения, нового человека.

Одной из наиболее важных особенностей такого человека была готовность к радикальному изменению образа и места жизни. Необходимость становления именно столь динамич-

ной модели развития социума впервые наиболее ярко проявилась при переходе от традиционного общества к обществу индустриальному. Советский эксперимент усилил проявившиеся на этой стадии процессы, придав многим из них глобальный характер. Советскому государству, особенно на первых этапах его существования, были необходимы люди способные по первому призыву власти уехать далеко от своей исторической малой родины, радикально изменить свой образ жизни и систему ценностей. Государство прилагало большие усилия для формирования и воспитания таких людей.

С другой стороны, в сложившейся ситуации локальная идентичность могла стать важным элементом стратегии выживания тех социальных групп, которые в условиях глобализации экономических и политических процессов, происходящих в стране, искали способы минимизировать их разрушающие последствия. Эти группы населения были ориентированы на региональное культурно-историческое и социальное пространство, воспринимая его как наиболее естественную и комфортную для них среду проживания.

Однако, как справедливо заметила Е.В. Черненко, на определенных этапах общественного развития и властные структуры государства «становятся заинтересованными в возникновении региональной идентичности, которая становясь социальной реальностью,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

позволяет: достичь социально-политической целостности регионального сообщества, решать мобилизационные задачи общества и государства, сохранять преемственность общественного (регионального) развития» [10].

Не случайно в 30–50-е гг. XX в. процессы формирования локальной советской идентичности приобрели особенно интенсивный характер, и часть из них достаточно ярко проявилась в истории города Севастополь. С одной стороны, Севастополь был типичным советским городом, который за свою «советскую» историю пережил три волны радикального обновления состава населения.

Первая была связана с трагическими событиями гражданской войны и превратила Севастополь в одну из самых известных точек «исхода» участников белого движения из России.

Вторая с не менее трагическими событиями Великой Отечественной войны, которые привели к огромным человеческим жертвам среди защитников города в 1941–1942 гг., оккупации города и его героическому освобождению в 1944 г.

Третья с процессами восстановления разрушенного города, которые продолжались несколько послевоенных десятилетий и привлекли в город представителей самых разных социальных групп населения из разных регионов страны.

Но, с другой стороны, Севастополь, безусловно, имел и свою специфику развития, которая во многом определялась

его статусом российского морского порта, крупнейшей базы черноморского военно-морского флота и «закрытого» советского города, чья жизнь и деятельность, долгие годы была напрямую связана с интересами безопасности страны.

В результате Севастополь занял особое место не только в военной истории Советского Союза, но и в культурной памяти советского социума, став для нескольких поколений жителей, защитников и освободителей этого города, важной точкой локальной и социальной идентификации. От этой точки выстраивались многие ментальные, психологические и культурные конструкции, способные обеспечить сохранение и воспроизведение той особой системы ценностей, что формировала советскую локальную идентичность для севастопольцев, и продолжает оказывать влияние на многие процессы, происходящие сегодня в этом городе.

Становление особой советской модели «севастопольской» идентичности шло очень болезненно и противоречиво. Первоначально оно было связано с преодолением тяжелых последствий гражданской войны, восстановлением разрушенного хозяйства и формированием нового советского образа Севастополя. Естественно, что основу этого образа должны были составить события, связанные с революциями, красным движением и формированием нового советского флота. При этом значительная часть населения

города, которая, так или иначе, была связана со «старым» дореволюционным и довоенным Севастополем город уже покинула и не смогла в него вернуться. Для многих «новых» севастопольцев точками идентификации стали новые названия улиц и площадей города, новые памятники, новые литературные и музыкальные произведения, посвященные Севастополю.

Процесс формирования новых культурно-исторических практик шел в Севастополе и в хронологическом, и в территориальном аспектах очень неравномерно. Он затрагивал в первую очередь культурное пространство центра города, которое было в основном сформировано еще в дореволюционный период. Оно было местом проживания, и службы наиболее обеспеченной части населения, что вызывало социальное напряжение в отдаленных от центра районах.

Уже 14 декабря 1920 г. приказом Севастопольского ревкома местному драматическому театру, основанному еще в 1911 г., было присвоено имя российского революционера, советского государственного деятеля А.В. Луначарского.

3 января 1921г. решением Севастопольского революционного комитета улица Екатерининская, названная в честь российской императрицы Екатерины II, была переименована в улицу Ленина.

14 ноября 1923 г. останки П.П. Шмидта и его товарищей по севастопольскому вооруженному восстанию 1905 г. были пере-

захоронены в Севастополе на городском кладбище Коммунаров. Памятник на их могиле был сделан из камня, ранее стоявшего на могиле командира броненосца «Князь Потемкин-Таврический», капитана 1-го ранга Е. Н. Голикова, погибшего в 1905 г.

В 1932 г. на площади Нахимова был установлен памятник В.И.Ленину, созданный по проекту скульптора В.В.Козлова «на средства трудящихся города» [3, с. 41].

Но вот, что показательно, при всех масштабных разрушениях эпохи гражданской войны и «перегибах» нового культурного строительства, в Севастополе сохранилась часть названий, памятников и культурных практик, напрямую связанных с дореволюционной историей города и, в первую очередь, с Крымской войной 1853–1856 гг.

Нетронутым остался знаменитый «Памятник затопленным кораблям», созданный по проекту скульптора академика А.Г. Адамсона, архитектора В. А. Фельдмана и военного инженера Ф.О. Энберга еще в начале XX в. Переименования не затронули знаменитый «Малахов Курган», «Графскую пристань» и ряд других «знаковых» для Севастополя мест. До 25 июня 1942 г. продолжала работать панорама «Оборона Севастополя», созданная основоположником русского панорамного искусства, профессором класса батальной живописи Петербургской Академии художеств Ф.А. Рубо, и открытая 14 мая 1905 г. Показательно, что панорама

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«Оборона Севастополя 1854-1855 гг.» сумела сохранить свое особое место в культурной жизни города и страны в 20-30-е гг. XX в. В 1924 г. панораму посетили – 51396 человек, в 1932 г. – 182347, в 1935г. – 236507, в 1937 г. – 263307 и в 1938г. – 293940 человек [1, Л. 18].

Ученые давно обратили внимание на то, что геокультурные, геополитические образы и символы региона («тесным образом связаны с культурно-историческими традициями конкретной территории») [9]. В связи с этим особое значение в развитии локальной идентичности имеет обращение к исторической памяти. «В ней заложены представления о победах после поражений, величие после унижений. Именно эти глубинные исторические аспекты сакрального начинают работать на формирование идентичности» [8].

История Крымской войны была локализована в исторической памяти жителей уже советского Севастополя, как история героической обороны города, сопричастность с которой, хотя и носила условно географический характер, тем не менее, придавала городу особый статус. Героизм первых защитников Севастополя создавал особое социо-культурное локальное пространство, которое не было разрушено даже в ходе «культурной революции» 30-х годов.

Понятие «наследники» героев первой обороны Севастополя оказалось очень востребовано в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на огромные потери, которые понесли жите-

ли и защитники Севастополя в 1941–1942 гг., они воспринимали вторую оборону Севастополя, как естественное продолжение героической традиции XIX в., превращавшей Севастополь в уникальный город Советского Союза, ставший городом-героем двух военных компаний, при этом обе компании с формальной точки зрения, закончились поражением защитников города.

Эта уникальность стала важнейшим фактором формирования второй севастопольской модели локальной идентичности, реализованной в годы войны. Однако ее носители к 1944 г. к моменту освобождения города остались в очевидном меньшинстве. Те, кто действительно мог назвать себя «Севастопольцем» даже с формально-географической точки зрения к моменту освобождения города осталось совсем не много. За два года фашистской оккупации почти 45 тысяч жителей Севастополя были вывезены в Германию, 25 тысяч погибли. «После первой обороны в городе оставалось 14 строений, а после его освобождения в мае 1944г. уцелело несколько полуразрушенных зданий и три тысячи жителей» [6, с. 15].

Л.С. Соболев после освобождения Севастополя писал: «Город на скалах – он сам стоял в двух оборонах, как скала, город у моря – он сам несет в себе душу моря, бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца – он сам сияет в веках ослепительным блеском военной доблести. И вот, что

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

осталось нынче от него: скалы, море, да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней» [7].

Не случайно уже вскоре после освобождения Севастополя возникла идея не просто восстановления, а строительства совершенно нового города, который должен был символизировать величие и могущество страны, победившей фашизм, особую роль в этой победе И.В. Сталина. Один из основателей Союза архитекторов СССР Г.Б. Бархин разработал проект такого «восстановления» Севастополя, но он встретил серьезное сопротивление, в первую очередь среди жителей Севастополя. Главный архитектор Севастополя Ю.А. Траутман «не только поставил под сомнение московское видение Севастополя, но так же, сумел взять под контроль процесс проектирования, обозначив экономическую и моральную выгоду от соблюдения местных традиций и сохранения истории» [4, с. 139]. Историческая составляющая стала фундаментом того, что журналисты часто называли «духом Севастополя».

Как точно заметил К. Куоллс: «Война породила нестабильность в обществе, разрушила многие признаки самобытного характера. Поэтому проектировщики сосредоточились на создании «местных» форм, нежели чего-то по своему существу «общенационального». Если новые жители будут эмоционально привязаны к своему родному городу, они захотят усерднее трудиться, что бы уви-

деть его обновленным. Руководители Севастополя, особенно Траутман, использовали данный принцип как преимущество» [4, с. 140].

Максимальная локализация героического прошлого региона или даже страны в масштабах одного города требовала сохранения или создания таких символов, которые с одной стороны, должны были иметь ярко выраженные узнаваемые локальные особенности, а, с другой, легко и естественно восприниматься представителями других регионов, как универсальные.

Восстановление Севастополя привлекло в город огромное число молодых людей, для которых этот город не был так называемой «малой родиной». Житель Севастополя А.Н. Лубянов вспоминал: «здесь происходит какая-то историческая ассимиляция. ... После войны отсюда выселили татар, греков, болгар и сюда пошли люди с севера, с Урала. Мой отец приехал сюда с Дальнего Востока, мать приехала с Иваново. Здесь они нашли друг друга, и получилась семья. Севастополь для них стал каким-то своим домом. ... Люди, которые приезжают сюда, я это заметил, становятся другими. Город заставляет как-то по-другому относиться к жизни ... люди, которые приезжают в город в первую очередь хотят увидеть корабли ... «дайте посмотреть корабли». Город был основан как база черноморского флота, как военно-морская крепость. Здесь все ... все сводится к флоту и военному делу.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В другом городе это не чувствуется. Это не чувствуется в Москве, это не чувствуется в Новороссийске, это не чувствуется в Ялте, в других городах. Они другие. И только здесь это чувствуется совсем иначе, потому что здесь было две обороны, потому что здесь были: гражданская война, куча событий ... когда было трудно страна его всегда бросала, но всегда возвращалась к нему...» [5].

Новые жители Севастополя не просто восстановили его улицы, площади, предприятия, они стали новой очень важной частью его жителей и создали новую модель «внутреннего» и «внешнего» восприятия этого города. Эта модель вновь удивительным образом объединила дореволюционную, военную и поствоенную историю города, закрепив в сознании «новых» севастопольцев и «гостей» города его особый статус, как города – крепости, города – революционного порта, города – защитника, города строителей коммунизма.

Своеобразными символами такого образа Севастополя стали: целая серия послевоенных «переименований» улиц и площадей города, подробно описанная в статье К.Куоллса [4], а также восстановление панорамы «Оборона Севастополя», которая была торжественно открыта в 1954г.; мемориальная доска и два якоря, установленные в 1955 г. на подпорной стене набережной Приморского бульвара в память о трагических событиях 1905г.; новый памятник адмиралу П.С. Нахимо-

ву, открытый в 1959 г.

Новую «советскую» составляющую героической истории Севастополя в первую очередь символизировала диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944г.», открытая 4 ноября 1959г. С момента открытия диорамы началось негласное «соревнование» между коллективами двух самых известных севастопольских музеев. Согласно отчету Севастопольского экскурсионного бюро в 1959г. диораму посетили 439 экскурсионных групп, а панораму 6618 [2, Л. 3]. Примечательно, что в год открытия диорамы, панораму посетило 614909 человек, а диораму – 52555 человек. Но в следующем году ситуация изменилась. Количество посетивших панораму в 1960г. уменьшилось до 593717 человек, а количество посетивших диораму увеличилось до 449137 человек. И все-таки именно панорама «Оборона Севастополя» была и остается самым популярным среди туристов и жителей города музеем Севастополя.

Другие советские памятники послевоенного Севастополя (Памятник героям-комсомольцам – скульптор С.А.Чиж и архитектор В.И.Фомин; обелиск городу-герою Севастополю на мысе Хрустальном и т.д.) дополнили культурно-историческую среду Севастополя, но архитектурными символами города, на наш взгляд, так и не стали.

После того, как Севастополь вновь стал «закрытым» советским городом, модель его восприятия кардинально уже не менялась. Новые миграционные

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

волны эпохи «позднего» Советского Союза Севастополь почти не коснулись, что позволило создать в городе совершенно уникальную социальную и культурную атмосферу. Она была хорошо воссоздана в одной из самых знаменитых советских оперетт «Севастопольский вальс», а так же в целом ряде других музыкальных произведений советских авторов [8, с.27–29].

Житель Севастополя А.Н. Лубянов вспоминал: «Севастопольцы всегда были рады гостям. Для нас понятия «мигранты» как для Западной Европы не существовало. Человек, который приехал к нам всегда воспринимался как человек, приехавший с открытой душой. Может быть поэтому, мы, в большинстве своем воспринимали этих людей как родственников, как близких друзей. Я помню, что так было всегда. Особенно это было заметно до того, как в наш город приехали иностранцы...» [5].

Не случайно, многие жители послевоенного Севастополя воспринимали историю возрождения Севастополя, как «чудо», а его дальнейшее развитие, как один из наиболее успешных вариантов становления социалистического (а некоторые считали и коммунистического) города.

Таким образом, история советского Севастополя, на наш взгляд, дает пример формирования и развития нескольких моделей локальной советской идентичности, которые с одной стороны, имеют много типичных для советской эпохи черт, а, с

другой, являются уникальными.

К числу наиболее типичных черт «севастопольской» модели идентичности, на наш взгляд, можно отнести, во-первых, ее достаточно строгую географическую локализацию, которая обеспечивает разделение даже таких понятий, как «Севастополь» и «Крым». Во-вторых, незначительную социальную стратификацию жителей советского Севастополя, для многих из которых решающим фактором идентификации являлось отношение к флоту. В-третьих, слабая роль национально-этнической составляющей в «севастопольской» идентификационной модели.

Уникальность советской севастопольской модели идентичности во многом связана с особым статусом Севастополя, как базы советского черноморского флота, с героической обороной Севастополя в 1941–1942 гг. и не менее героическим его освобождением в 1944г., удивительной историей его возрождения в послевоенные годы. Базовыми для этой модели, по нашему мнению, являются три компонента. Во-первых, восприятие населением Севастополя своего города, как флотского экипажа, со свойственными для данной социальной группе правилами поведения. Во-вторых, отсутствие у какой-либо группы населения Севастополя «монопольного» социального права на формирование и защиту позиции всех «севастопольцев». В-третьих, огромная роль исторической составляющей в сохранении собственной культуры

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ной традиции и в воспитании новых поколений жителей советского Севастополя.

Эта особая локальная идентичность получила закрепление не только в литературных, скульптурных, музыкальных образах Севастополя, созданных в советские годы, но и в целой системе

культурно-исторических практик советской эпохи. Такая идентичность не была разрушена даже в самый разгар социалистических экспериментов, став важным элементом своеобразной стратегии выживания городского социума в условиях форсированной модернизации советско-

Библиографический список

1. Государственный архив города Севастополь. Ф.Р-567. Оп.4. Д.1.
2. Государственный архив города Севастополь. Ф.Р-183. Оп.1. Д.141.
3. Доронина, Э.Н., Ляхович, А.А. По улицам Севастополя: путеводитель. – Симферополь, 1983. – 112с.
4. Куоллс, К. Создание и реконструкция памяти о городе-герое Севастополе // Новейшая история России. – 2011. – №1. – С.138-145.
5. Лубянов, А.Н. Интервью. [Электронный ресурс]. – URL: <http://oral-history.ru/ru/lubyanov-an.html> (дата обращения 8 мая 2016г.)
6. Ольшевский, В.Ф. Севастополь. Путеводитель. – Симферополь, 1981. – 104с.
7. «Правда» – 1944. – 7 июля.
8. Сибиряков, И.В. Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – №3 – С.25-33.
9. Федотова, Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации / Н.Н. Федотова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-uslovijah.html> (дата обращения 8 мая 2016г.)
10. Черненко, Е.В. Формирование социального и концептуального пространства региональной идентичности в исторической перспективе / Е.В. Черненко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/941> (дата обращения 8 мая 2016г.)
11. Шалаева, Н.В. Формирование идентичности в советском культурном пространстве 1920-х годов / Н.В. Шалаева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/906> (дата обращения 8 мая 2016г.)

МНОГОЛИКИЙ ДИСКУРС

УДК 1.14

Марта Долорес Дельгадо Визе

Дискурс об эпистемологической объективности и сознании в XXI столетии

В начале двадцатого века набирают силу философские течения, которые стремятся поставить под сомнение или подвергнуть отрицанию эпистемологические возможности объективности. Но в то же самое время возникает и ширится научное познание сознания, опровергающее подобный подход. Эти факты позволяют нам утверждать возможность объективного познания и интерсубъективной объективности, которая преодолевает релятивизм и скептицизм. Дискуссия, связанная с этой проблемой и является задачей настоящего дискурса.

Ключевые слова: Интуиция, эпистемологическая объективность, сознание, интерсубъективность

Марта Долорес Дельгадо Визе, доктор философии, преподаватель факультета естественных наук Национального Автономного Университета Мексики

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Montero, F. (1989). *En defensa de la objetividad*. Revista de Filosofía (Madrid). Vol. 2, pp.65-85.
2. Habermas, J. (2001), *Teoría de la acción comunicativa*. Vol. II. Crítica de la razón funcionalista. Madrid: Taurus.
3. Schopenhauer, A. (2002). *Verdad y belleza: un ensayo sobre ontología y estética*. México. D.F.: UNAM.
4. Díaz, J-L. (2011). *La conciencia viviente*. México: Fondo de Cultura Económica.
5. Mandoki, K. (2013). *El indispensable exceso de la estética*. Argentina: Siglo XXI,
6. Garrido, A., Ramírez, S., Vieira, F. (2013). *Fundamentos sociales del comportamiento humano*. Barcelona: Ed. UOC.
7. Girard, R. (1984). *Literatura, mimesis y antropología*. Trad. De Joaquín Jordá. Barcelona: Anagrama.
8. Dri, R. (2007). *Hegel y la lógica de la liberación: la dialéctica del sujeto-objeto*. Michoacán, México: Universidad Michoacana de San Nicolás de Hidalgo. Ed. Biblos
9. Delgado, M. (2015). *Reflexiones sobre la objetividad. Hacia un nuevo enfoque epistemológico*. México, D.f.: Miguel Ángel Porrúa.
10. Girard, R. (1984). *Literatura, mimesis y antropología*. Trad. De Joaquín Jordá. Barcelona: Anagrama, "los 'excesos violentos' por un lado, y la 'ley y el orden', por el otro, siempre se nutrieron recíprocamente"
11. Beriaín, J. (1996). *La integración en las sociedades modernas*. Barcelona: Anthropolos.
12. Myers, D. (2005). *Psicología*. 7ª Edición. México: Editorial Médica Panamericana.
13. Riechmann, J. (2006). *Biomimesis: Ensayos sobre imitación de la naturaleza, ecosocialismo y autotención*. Madrid: Catarata. Org.
14. Ferrater Mora, J., Terricabras, J. (1994). *Diccionario de filosofía*, volumen 4. España: Ariel. Pág. 3005.

УДК 1.14

Рохерио Рамирес Хиль
Ильда Анхела Фернандес Рохас

Хосефина Висенс: два мира Луиса Альфонса в Фальшивых годах

Новелла Хосефины Висенс *Фальшивые годы* приглашает к размышлению о скрытом насилии - продукте наследия поколения, способного растоптать человека, воспитанного в соответствии с жесткими традиционными нормами, где человеканенавистник отец и его жертва мать, плюс коорумпированное и насквозь пронизанное мачизмом общество стремятся стереть всякие следы личностной автономии. Луис Альфонсо, протагонист этой новеллы, признается в том, что ему ничто не принадлежит: ни его родители, ни общество не дали ничего, что принадлежала бы лично ему. И тем не менее в нем сохраняется луч надежды, во-первых, отстаивая свою идентичность, он не позволяет называть себя именем своего отца, и во-вторых, согласившись на свою смерть при жизни, он и на другом полюсе, стремится сохранить свою самобытность.

Ключевые слова. **Скрытое насилие, идентичность, личность, внутренний конфликт, Хосефина Висенс, мексиканская литература**

Доктор по изучению Латинской Америки Рохерио Рамирес Хиль – Профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

Маэстра филологии Ильда Анхела Фернандес Рохас - Директор Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

- 1.Chumacero, Rosalía. 1959. "Perfil y pensamiento de Josefina Vicens" en *El Zócalo*, 6 de noviembre.
 - 2.Espinoza Ávila, Laura. 2006. "El fenómeno de la violencia", en *Caminos hacia la equidad*. Año V. No. I. Agosto.
 - 3.Forward, Susan. 2005. *Cuando el amor es odio. Hombres que odian a las mujeres y mujeres que siguen amándolos*. Grijalbo, México.
 - 4.Lamas, Marta. 2008. "Desafíos y oportunidades de las universitarias mexicanas". en *Caminos hacia la equidad*. Año VII, No. I. Federación de Asociaciones Autónomas de Personal Académico de la Universidad Autónoma del Estado de México, Toluca, México.
 - 5.Robles, Martha. 1989. *Escritoras en la cultura nacional*. Tomo II, Diana, México.
- Vicens, Josefina. 2011. *El libro vacío. Los años falsos*. Fondo de Cultura Económica, México.

УДК 1.14

Хосе Антонио Чавес Рамирес

Постструктуралистское письмо и стиль Эмиля Чорана

Цель настоящего текста состоит в том, чтобы кратко обозначить различие между двумя формами выражения одной и той же эпохи. С одной стороны, постструктуралистские поиски предстают как попытки переделки языка, а с другой, они выражаются в элегантности стиля, нацеленного на освобождение реальности от иллюзий, дискурс, в котором выражается претензия на определенную ясность, стремление к незыблемой приверженности к внятности и очевидности.

Ключевые слова. Ясность, язык, отсутствие, родство, разочарование

Маэстро философии Хосе Антонио Чавес Рамирес – преподаватель-исследователь Архитектурного факультета автономного Университета Штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

- 1.Barthes, R. (2000),. *El grado cero de la escritura*, México, Siglo XXI.
- 2.Blanchot, M. (2005). *El Libro por venir*, Madrid, Trotta.
- 3.Cioran, E. (1989). *Desgarradura*, Barcelona, Montesinos.
- 4.Cioran, E. (2004). *Cuadernos 1957—1972*, Barcelona, Tusquets.
- 5.Deleuze, G. (1996). *Crítica y clínica*, Barcelona, Anagrama.
- 6.Saussure, F. (2005). *Curso de lingüística general*, Buenos Aires, Losada.
- 7.Savater, F. (1980). *Ensayo sobre Cioran*, Madrid, Taurus.

УДК 1.14

Хуан Монрой Гарсиа

Дискурс “Теологии освобождения” в Гватемале

Цель настоящего доклада – проанализировать дискурс теологии освобождения в Гватемале в шестидесятых – девяностых годах XX века, исходя из пасторских посланий и документов католической иерархии, а также работ священников и служителей различных конгрегаций, выступающих от имени данного идеологического течения. Католическая иерархия полностью осознавала экономическую, социальную и политическую ситуацию страны и ее пасторские послания влияли на анализ и критическое освещение различных проблем, таких как: земельные владения коренных жителей и постоянное нарушение прав человека.

Ключевые слова: Дискурс, теология освобождения, Гватемала, католическая иер

Хуан Манрой Гарсиа, профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Bibliografía

1. Boff, Leonardo, (1976), *Teología del cautiverio y Teología de la liberación*, Paulinas, Madrid.
2. Brett, Roddy, (2007), *Una guerra sin batallas: Del odio, la violencia y el miedo en el Ixcán y el Ixil, 1972-1983*, F&G Editores, Guatemala.
3. Conferencia General del Episcopado Latinoamericano, II, (1969), *La iglesia en la actual transformación de América Latina a la luz del Concilio*, Volumen I y II, CELAM, Bogotá.
4. Falla Sánchez, Ricardo, (1995), *Historia de un gran amor: Recuperación autobiográfica de la experiencia realizada en las Comunidades de Población en Resistencia*, Ixcán, Guatemala.
5. Monroy García, Juan, (2011), *La iglesia católica en Nicaragua, entre el poder y el compromiso con los pobres*, UAEM, Toluca, México.
6. Monroy García, Juan, (2013), *De la insurrección a la transición a la democracia en Centroamérica. Los casos de El Salvador, Guatemala y Nicaragua*, UAEM, Toluca, México.
7. Monsanto, Pablo, (2013), *Somos los jóvenes rebeldes, Guatemala insurgente*. F&G Editores, Guatemala.
8. Porras Castejón, Gustavo, (2011), *Las huellas de Guatemala*, F&G Editores, Guatemala.
9. Sandoval García, Carlos, (2011), *Anuario de Estudios Centroamericanos*, Universidad de Costa Rica, No. 37, San José.
10. Sanford, Victoria, (2009), *La Masacre de Panzós: Etnicidad, tierra y violencia en Guatemala*, F&G Editores, Guatemala.

Documentos

1. (CCEG), (1980), *Comunicado de la Conferencia Episcopal de Guatemala, Crisis profunda de humanismo*, 13 de junio, Guatemala.
2. (CPCCEG), (1995), *¡Urge la verdadera paz!*, *Carta Pastoral Colectiva de la Conferencia Episcopal de Guatemala, Sobre la reconciliación, la paz y la solidaridad*, 15 julio, Guatemala.
3. (CPCEG), (1988), *El clamor por la tierra*, *Carta Pastoral Colectiva del Episcopado Guatemalteco*, 29 febrero, Guatemala.
4. (CPCOG), (1992), *Carta Pastoral Colectiva de los Obispos de Guatemala, Quinientos años sembrando el Evangelio*, 15 agosto, Guatemala.
5. (CPEG), (1985), *Carta Pastoral para las elecciones 1985, "La verdad os hará libres"*, 14 septiembre, Guatemala.
6. (MEG) (1976), *Mensaje del Episcopado de Guatemala, "Unidos en la esperanza presencia de la Iglesia en la reconstrucción de Guatemala"*, 25 de julio, Guatemala.

УДК 1.14

Мария де Хесус Вильегас Морено

Значение церковно-приходских архивов как источников информации

Данный доклад – это попытка обобщения литературы, посвященной проблеме церковных архивов с целью подчеркнуть важность церковных архивов в накоплении документов, ибо посредством этой информации возникает возможность реконструкции истории городов, провинций, муниципий и деревень, в социальных, культурных, художественных, генеологических и демографических аспектах. Информация и культура оказывают помощь обществу, снабжая его некоторыми базовыми элементами, чтобы распоряжаться ресурсами необходимыми для его управления. Документация, хранимая в исторических приходских архивах, предоставляет нам возможность познания наших предшественников, а также произошедших с тех пор изменений, которые считаются релевантными с точки зрения современности.

Ключевые слова: Архив, церковно-приходской архив, источники информации, каноны

Мария де Хесус Вильегас Морено, ассистент Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Bernardo, J. (2007) *Recuperar la historia: recuperar la memoria; edición crítica de textos para el aprendizaje de la historia moderna*. Córdoba: Universidad de Córdoba.
2. Bribiesca, M. (2002) *texto de Paleografía y Diplomática*. México: UAEM.
3. Cárdenas, V. (1975) *Rudimentos de Genealogía*, Madrid: Hidalguía 54p.
4. Código de Derecho Canónico 1983 [en línea] <http://www.cafaalfonso.com.ar/descargas/codigo-de-derecho-canonico.pdf>.6 de mayo del 2012[]
5. Corral, C. y Urteaga J. (2000) *Diccionario de Derecho Canónico*. Madrid: Tecnos.
6. Damián, G. (2008) *Los Documentos Especiales En El Contexto De La Archivística*. México: ENBA.
7. Diego, N. (2000) *Los Archivos Españoles de la iglesia Católica*. España: Cuadernos de Historia Moderna.
8. Farías, I. (2008). *Archivos eclesiásticos y religiosos: límites y desafíos ante la sociedad de la información y el conocimiento*. [en línea] <http://www.mundoarchivístico.com/index.php?menu=articulos&acción=ver&id=84> [5 -sep.- 2012]
9. Ley Federal de Archivos. *Diario Oficial de la Federación*, México, 23 de enero del 2012
10. Medina, L. (1966) *Archivos y Bibliotecas Eclesiásticas Normas para su ordenamiento y conservación*. México: Ed. JUS, S.A.
11. Mirta, I (2010) *Archivos Eclesiásticos*. Panamá: Facultad de Humanidades Departamento de Bibliotecología, Archivología y Documentación Escuela de Archivología
12. Porras, B. (2005). *Congreso Internacional Centenario Archivo Arquidiocesano de Mérida 1905-2005* Mérida, 5 al 11 de noviembre de 2005. *Boletín del Archivo Arquidiocesano de Mérida*, enero-diciembre, 235-247
13. Ramírez, J.A. (2011). *Descripción archivística: diseño de instrumentos de descripción*. México: JARD CORPORATIVO, S.C.
14. Ramírez, M., Téllez M. & Valadez, M. (2004). *Sistemas archivísticos*. México: Suprema Corte de Justicia de la Nación: Poder Judicial del Estado de México, Tribunal de Justicia, Consejo de la Judicatura.
15. Sastre E. (1999) *Manual de Archivos: El sistema Archivístico Diocesano, Archivo de la Curia y Archivo Parroquial*. Madrid: Anabad
16. Vivas, A y Pérez, M (2011), *La información histórica en los archivos eclesiásticos: principales series documentales para la investigación* *Documentación de las Ciencias de la Información* vol. 34, 441-467 Mérida: Universidad Extremadura.

УДК 1.14

Хавьер де ла Фуэнте Роча

Дискурс об ухудшении медицинского обслуживания в XXI веке

Качество медицинского обслуживания в нашем столетии снизилось как на уровне охраны здоровья со стороны государства, так и со стороны частных медицинских заведений, включая службы, рассчитанные на поддержку состояния здоровья высших экономических страт. Если политический и экономический режим способствовал такой ситуации, то мы можем искать ее решение на альтернативных путях. Цель данного доклада – пригласить к размышлению и поиску таких альтернатив.

Ключевые слова: ухудшение медицинского обслуживания, здоровье, экономика, политика

Доктор философии Хавьер де ла Фуэнте Роча, профессор-исследователь медицинского факультета Национального Автономного университета Мексики

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. ABRANTES PÊGO, R.; ARJONILLA ALDAY, S. (2002). Health sector decentralization and divergences with the medical society in Mexico. *Rev Saúde Pública* Vol.36, Núm. 3, pp.324-9
2. BANCO MUNDIAL. (1993). Informe sobre el desarrollo mundial 1993. Invertir en salud. Indicadores del Desarrollo Social. Washington D. C. http://www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2010/08/31/000333037_20100831011011/Rendered/PDF/121830WDR0SPANISH0Box35456B01PUBLIC1.pdf
3. BYRNE, N., & ROZENTAL, M. (1994). Tendencias actuales de la educación médica y propuesta de orientación para la Educación Médica en América Latina. *Educ Med Salud*, 28(1), 53-93.
4. BRONFMAN, M., CASTRO, R., ZÚÑIGA, E., MIRANDA, C., & OVIEDO, J. (1997). Hacemos lo que podemos: los prestadores de servicios frente al problema de la utilización. *Salud pública de México*, Volúmen 39, número 6, págs.: 546-553.
5. DE LA FUENTE ROCHA, J. (2015) Fundamentos para una ciencia de la interpretación diagnóstica. Un enfoque hermenéutico diferente acerca de su entendimiento e implicancias. Argentina: Libros en red. <http://www.librosenred.com/libros/fundamentosparaunacienciadelainterpretaciondiagnosticaunenfoquehermeneuticodiferenteacerca desuentendimientoeimplicancias.html>
6. DE VOS, P.; MALAISE, G.; DE CEUKELAIRE, W.; PÉREZ, D. P.; LEFÈVRE, P. L.; VAN DER STUYFT, P. (2009). Participación y empoderamiento en la atención primaria en salud: desde Alma Ata hasta la era de la globalización. *Medicina Social*, Vol. 4, Núm. 2, pp. 127-134.
7. FERNÁNDEZ MARTÍN, J. Y COLS. MUNDIAL, E. I. D. B. (1995). Una agenda a debate: el informe del Banco Mundial "Invertir en Salud". *Rev. Esp. Salud Pública*, 69(5), 385-391.
8. GUARNER, D. V. (2001). UN TEMA EN LA ÉTICA MÉDICA ACTUAL LAS OPERACIONES INNECESARIAS EN EL EJERCICIO DE LA CIRUGÍA. <http://www.facmed.unam.mx/eventos/seam2k1/DRGUARNERsept28.PDF>

9. LAURELL, A. C. (1994). La salud: de derecho social a mercancía. Nuevas tendencias y alternativas en el sector salud, 9-31.
10. LEAPE, L. L. (1989). Unnecessary surgery. *Health Services Research*, 24(3), 351-407.
11. MARTIN, B., & SAINT MARTIN, F. P. (2011). Mobbing, los que denuncian irregularidades y la anulación de la disidencia/descontento como problemas médico-sociales/Mobbing, suppression of dissent/discontent, whistleblowing and Social Medicine. *Medicina Social*, 6(4), 268-275.
12. MARTÍNEZ MORENO F. (2013). Conferencias Mundiales de Promoción de la Salud: desde Ottawa hasta Helsinki. Promoción y Educación para la Salud. <http://blogs.murciasalud.es/edusalud/2013/07/29/conferencias-mundiales-de-promocion-de-la-salud-desde-ottawa-hasta-helsinki/> Recuperado el 30 de octubre de 2015
13. OMS (2008). Entrevista con el Dr Halfdan Mahler, Director General de la OMS de 1973 à 1988. La atención primaria de salud cierra un ciclo completo. *Boletín de la Organización Mundial de la Salud. Recopilación de artículos Volumen 86: 2008 Volumen 86, octubre 2008, 737-816* <http://www.who.int/bulletin/volumes/86/10/08-041008/es/> Recuperado el 30 de octubre de 2015
14. ORGANIZACIÓN MUNDIAL DE LA SALUD (1978) Atención Primaria a la Salud. Alma-Ata 1978. Serie: *Salud para todos* No 1. Ginebra.
15. ORGANIZACIÓN MUNDIAL DE LA SALUD. (2009). Determinantes sociales de la salud. Resolución WHA62/R14 de la Asamblea Mundial de la Salud. http://www.who.int/social_determinants/es/ Recuperado el 3 de noviembre de 2015
16. PÉREZ TAMAYO, R. (2000). Los Límites de la Medicina. *Med Univer*, Vol. 2, Número 7, pp. 170-175. http://www.revistadelauniversidad.unam.mx/ojs_rum/files/journals/1/articles/15193/public/15193-20591-1-PB.pdf Recuperado el 6 de noviembre de 2015
17. RACOVEANU, N. T., & STAEHR JOHANSEN, K. (1995). Tecnología para el mejoramiento continuo de la calidad de la atención sanitaria. *Foro Mundial de la Salud*, Volumen 16 http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/53791/1/WHF_1995_16_n2_p158-165_spa.pdf?ua=1
18. ROJAS DOSAL, J. A. (2004). Seminario: El Ejercicio Actual de la Medicina. Implicaciones éticas y económicas del alta hospitalaria por agotamientos de recursos. http://www.facmed.unam.mx/sms/seam2k1/2004/ponencia_nov_2k4.htm
19. SÁNCHEZ BAYLE, M. (2008). La privatización y los nuevos modelos de gestión en Sanidad. *Revista de Economía Crítica*, nº 6. Enero de 2008, pp. 103-118
20. SILBERMAN, M. (s.f.). Atención Primaria de la Salud. De Alma Ata a la Renovación de la APS. <http://www.facmed.unam.mx/deptos/salud/ourprofs/APS.pdf> Recuperado el 29 de octubre de 2015
21. TEJADA DE RIVERO, D. A. (2003). Alma-Ata: 25 años después. *Revista Perspectivas de Salud. La revista de la Organización Panamericana de la Salud. Volumen 8, Número 1.* http://www.fbioyf.unr.edu.ar/evirtual/pluginfile.php/111857/mod_resource/content/2/almaata25.pdf Recuperado el 6 de noviembre de 2015.

УДК 1.14

Хилда Нейссенс

Пауло Фрейре: дискурс о формировании сознательности угнетенных

В этом докладе я хочу поставить вопрос об осознании или сознательности, в творчестве Пауло Фрейре, которая является не только источником инновации, но и существенным свойством в самопреодолении латиноамериканского угнетенного человека. Фрейре развивает теорию обучения, модель преподавания, основанного на практике и направленное на обсуждение возможности социального изменения. Только путем обновления образовательного процесса, угнетенный человек может улучшить качество своей жизни, выбрать оптимальный вариант своего будущего. Посредством анализа работ Фрейре я пытаюсь извлечь самое главное из его идей – формирование сознательности, предполагающего диалог как инструмент преобразования реальности.

Ключевые слова: Пауло Фрейре, образование, сознательность, угнетенный

Хилда Нейссенс. профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. De Abreu Dallari Dalmo, "Pedagogía de la liberación", en Gadotti Moacir y Torres, Carlos Alberto (2001), *Paulo Freire, una biobibliografía*, México, Siglo XXI Editores.
2. Freire, Paulo (1992), *La educación como práctica de la libertad*, México, Siglo XXI Editores.
3. Freire, Paulo (2010), *¿Extensión o comunicación? La concientización en el medio rural*, México, Siglo XXI Editores.
4. Freire, Paulo (2008), *Pedagogía del oprimido*, México, Siglo XXI Editores.
5. Freire, Paulo (2011), *Pedagogía de la esperanza, un reencuentro con la pedagogía del oprimido*, México, Siglo XXI Editores.
6. Werthein, Jorge, "Educación y cambio", en Gadotti Moacir y Torres, Carlos Alberto (2001), *Paulo Freire, una biobibliografía*, México, Siglo XXI Editores.

УДК 1.14

Рохерио Рамирес Хиль

Мексиканское «корридо» и дискриминация

В Мексике «корридо» - это национальный музыкальный жанр. Согласно одним историкам, он родился вместе с войной за национальное освобождения, тогда как другие считают, что этот жанр появился чуть раньше последней четверти XIX века. Как бы там ни было, главное его отличие заключается в его эпическом характере: он рассказывает истории, иногда любовные, иногда трагические, а иногда батальные. Поэтому он всегда сопровождал военные периоды истории Мексики. Во время мексиканской революции он сыграл важную роль в передаче сообщений и новостей среди неграмотного населения. Но содержание этой «газеты для бедняков» несомненно побуждало к борьбе соратников и высмеивало врагов путем различных форм обличения.

Ключевые слова: музыка, мексиканское корридо, история Мексики, дискриминация.

Рохерио Рамирес Хиль – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Amossy, Ruth y Anne Herschberg Pierrot (2003), *Estereotipos y clichés*, Buenos Aires, Eudeba (Universidad de Buenos Aires), 124 pp. [Lelia Gándara, trad.]
2. Avitia Hernández, Antonio (1997), *Corrido histórico mexicano. Voy a cantarles la historia*, 5 tomos, México, Porrúa, [col. Sepan cuántos].
3. CD (Cámara de Diputados) (2007), "El surgimiento de una nación – El Legislativo, La guerra de Reforma y la intervención francesa 1858-1867", en http://www.e-mexico.gob.mx/wb2/eMex/eMex_Intervencion_francesa, consultada el 25 de junio.
4. Díaz, Lilia (2000), "El liberalismo militante", en Varios, *Historia general de México*, México, El Colegio de México-Centro de Estudios Históricos, pp. 583-631.
5. Fábregas Puig, Andrés (2007), "Los pueblos indios y el nacionalismo mexicano", [Colegio de Jalisco], en <http://www.cge.udg.mx/revistaudg/rug13/lospueblos.html>, consultada el 5 de julio.
6. Granados García, Aimer (2006), "El discurso patriótico de la celebración de la Independencia mexicana: 'literatura de gritos y sombreros' contra España", en Delia Salazar (coord.) *Xenofobia y xenofilia en la historia de México siglos XIX y XX*, México, SEGOB/Instituto Nacional de Migración/Centro de Estudios Migratorios/Instituto Nacional de Antropología e Historia/DGE, pp. 85-104.
7. Mendoza, Vicente (1976), *El corrido mexicano*, México, Fondo de Cultura Económica, 441 pp.
8. Ramos, Mario Arturo (2003), *Cien corridos. Alma de la canción mexicana*, México, SEP/Océano, 181 pp.
9. RAE (Real Academia Española) (2001), *Diccionario de la Lengua Española*, [23ª. ed.], Madrid, Espasa-Calpe.
10. Reed, John (1980), *México insurgente*, México, Cultura Popular, 6ª. reimp. 255 pp.
11. Salazar, Delia (coord.) *Xenofobia y xenofilia en la historia de México siglos XIX y XX*, México, SEGOB/Instituto Nacional de Migración/Centro de Estudios Migratorios/Instituto Nacional de Antropología e Historia/DGE.
12. Van Dijk, Teun A. (1999), "El análisis crítico del discurso", *Anthropos*, Barcelona, núm. 186, pp. 23-36.
13. Varios (2000), *Historia general de México*, México, El Colegio de México/Centro de Estudios Históricos, 1076 pp.
14. Zoraida Vázquez, Josefina (2000), "Los primeros tropiezos", en Varios, *Historia general de México*, México, El Colegio de México-Centro de Estudios Históricos, pp. 525-582.

УДК 1.14

Иван Пинеда

Речетатив как дискурс: напевная речь в иудейско-испанском языке марроканской диаспоры Венесуэлы

настоящее исследование является герменевтически-оценочным по своей направленности и ориентировано на понимание аглютинативного и аккультурационного характера языка евреев-сефардитов, использующих речетатив в речевом дискурсе в качестве стратегии, направленной на сохранение своих культурных традиций в качестве одного из антропологических маршрутов человечества. Речь идет о еврейском народе, который на протяжении более пятисот лет пытается сохранить свою культурную идентичность, опираясь на свое песенное наследие.

Ключевые слова: исследование напевной речи, анализ дискурса, песни сефардитов

Доктор антропологии Иван Пинеда, профессор-исследователь департамента Экспрессии и Развития Человека Педагогического Экспериментального университета Освободителя Венесуэлы

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Bibliografía

1. Carrea, A. (1954) *Canciones Rituales Hispano-Judías, Celebraciones familiares de tránsito y Ciclo Festivo anual*. Recogidas y Transcritas por Arcadio de Larrea Palacín, correspondiente de la Real Academia española. Fénix, Artes Gráficas. Ediciones del Consejo superior de Investigaciones científicas, Instituto de estudios africanos.
2. Malinowski B. (1973) "*Los Argonautas del Pacífico occidental I*". Planeta de Agostini, S.A. Barcelona, España.
3. Meersohn C. (2005) "Introducción a Teun Van Dijk: Análisis de Discurso" www.facso.uchile.cl/publicaciones/moebio/24/meersohn.htm, Universidad de Chile. (Consulta: 2015, Junio 29).
4. Monsonyi, E, (1989) *La Oralidad*, en Revista Oralidad, Publicación de la Oficina Regional de Cultura de la UNESCO, para América Latina y el Caribe, ORCALC, La Habana. Palacios, M. (2005) *La palabra cantada como herramienta evangelizadora en la América colonial*, Biblat, Revista Extramuros, 23-October.
5. Roffé, E. (2006), *Recuerdos Sefarditas*, Folklore Judeo Español, Álbum musical con 11 discos compactos. Edición digital.
6. Van Dijk, T. (2001) *Algunos principios de una teoría del contexto*. Revista latinoamericana de estudios del discurso, 1(1), 2001.

УДК 316.74:32

Хвесьюк Н.Г.

Информационное поле формирования и реализации политических отношений

Политические отношения являются скрепом политической системы. Эффективность ее функционирования зависит от качества информации, транслируемой по различным коммуникативным каналам. Состояние политических отношений во многом детерминировано коммуникативной природой политической и экономической власти, социокоммуникативным состоянием самого общества. Информационное поле, образующееся в результате работы этих каналов, характеризуется разветвленной системой коммуникаций и должно быть основано на диалоге. Асимметричность информации приводит к значительным перекосам информационного поля, увеличение количества негативной информации, провоцирует рост социальной и политической напряженности.

Ключевые слова: Власть, политические отношения, политическая система, информация, коммуникация, информационное поле, политическая система, коммуникативные каналы.

Хвесьюк Наталья Георгиевна, кандидат психологических наук, Южно-Уральский государственный университет

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Современные политические отношения складываются, изменяются, воспроизводятся, вновь трансформируются исходя из многомерности и многофакторности самой политической системы. Коммуникативные связи субъектов власти образуют властные «позиции». А. Антоновский в послесловии к работе Николаса Лумана «Власть» пишет: «Власть, истина, деньги, собственность, право, религия, искусство, любовь – суть коммуникативные коды, то есть принципы упорядочения (редукции) необъятного в своей комплексности социального и психического. Этот мир регулируется смыслом (последним обобщением кодов)» [5, С. 229-230].

История и различные социологические и политологические исследования доказывают, что особенность России состоит в том, что глава нашего государства имеет власти больше, чем руководитель любой другой страны, но в то же время он сам оказывается во власти своего окружения, в эпицентре борьбы и смены элит. Нужно отметить, что как завоевание авторитета, так и отчуждение в общественном мнении осуществляется с помощью формирования необходимых информационных потоков и коммуникаций. Низкое доверие общества к институтам власти формируется при отсутствии конструктивного диалога в системе власть – общество. Наиболее ярко это проявляется в революционных ситуациях (например, события последних лет на Украине) и в борьбе за

власть в мирное время (например, в преддверии парламентских или президентских выборов).

Власть и богатство – два глубоких и самых сильных, чаще всего скрытых мотива деятельности человека. Соответственно, борьба элит – результат политических «вожделений» и властных инстинктов. От этого и эгоцентризм власти. Неуверенность в том, что текущая победа – не навсегда, что «поверженный» окрепнет и начнет новую «битву» приводит к тому, что в бессознательном (пользуясь терминологией психоанализа) победителей нарастает тревога, в сознание вырывается инстинкт самосохранения, совесть, нравственность, культурность уступают место алчным мотивам наживы, дают свободу агрессии, как проявлению инстинкта власти. Каждый уровень иерархии властных отношений и сформированных на их основе политических отношений различных политических институтов и общественных страт формирует и идентифицирует собственные коды власти и медийные коды. Так, в качестве кодов выступают действительные и отраженные в СМИ модусы поведения (как реальной политической деятельности, так и смоделированной в документальных передачах и художественных фильмах, чаще всего носящие негативный характер: жажда власти, тщеславие, гордость, алчность, стяжательство, зависть и т.д. Эти коды трансформируются и создают архетип власти, который сохраняется в бессознательном для

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

того, чтобы в нужный момент корректировать сферу сознательного формирования нового архетипа. Так, Даниэл Ранкур-Лаферриер, опираясь на психоаналитический портрет И.Сталина, пишет: «Из двойственного отношения к отцу...и большой близости с матерью.... выводятся многие особенности формирования у Сталина защитных механизмов, будь то проекция собственных страхов и агрессивных желаний на других людей, своих детей, многообразных «врагов народа». [10, С.11-12] Получается, что Сталин умело поднял дух «русского бессознательного» в целях индустриализации страны (совершенно не считаясь с человеческими потерями), создал в послевоенные годы образ сильной державы: сильная Россия, сильный лидер. Он ответил на запрос русского менталитета, создал символ Вождя, божественный культ личности. Этот архетип и сегодня поддерживается информационными потоками, обеспечивающими политические отношения: современная Россия все так же должна быть сильной державой, Президент РФ – «сильной рукой», олицетворением порядка в стране.

Россия, бесспорно, уникальная страна, обладающая особенной статью, собственной парадигмой власти. Именно в России появился феномен «политическая семья» - как государственно-олигархический союз. Но наличие такого круга заинтересованных лиц приводит к искажению получаемой

главой страны информации, а следовательно, принимаемых им решений.

Отсутствие ориентации на новые формы развития политических отношений в системе государство – гражданское общество сказывается на эффективности данного вида отношений. Современная информационная эпоха функционирует в условиях противоречивого соотношения реальной и виртуальной информации. Согласно информационной парадигмы Дж. Стиглица [13], лауреата Нобелевской премии, истоки многих типов поведения взаимодействующих субъектов коренятся в разном использовании принципа «асимметричной информации», пронизывающего все современное информационное общество.

Информационная асимметрия – это ситуация, когда разные участники взаимоотношений (например, государство, политические институты, корпорации и т.д.) располагают разной информацией как в качественном, так и в количественном отношении. Отечественный ученый К. Вальтух [2] показал, что реальная информация превращается в виртуальную, и наоборот. В итоге, наряду с позитивными результатами, образуются негативные в форме надувания «мыльных пузырей», например, в экономике: когда объем выпускаемых компаниями акций в несколько раз превышает их реальную капитализацию. С этой точки зрения современные

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

субъекты политических отношений страдают из-за несовершенства и неадекватности информации. Именно ненадежность, недостоверность информации, в частности, о действиях правительственных органов, парламента, политических партий и объединений, региональных и муниципальных властей дестабилизируют политическую систему, не позволяя принять адекватного ситуации решения.

Такой перекокс приводит к отчуждению общества от власти, несмотря на то, что согласно Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти является ее многонациональный народ. Возникает парадокс: с одной стороны, народ – самый главный субъект политических отношений, с другой стороны, политические отношения формируются исходя из «системы координат», заложенной политическим лидером.

Один из законов, используемых в социальном психоанализе – закон «Архетипа Старого мудреца» гласит: народ бывает послушным своим властям до тех пор, пока их деятельность согласуется с запросами общественного бессознательного. Лидер популярен, пока его деятельность отвечает требованиям национального характера, историческим традициям и именно с этих позиций лидер формирует будущее страны, проводит в жизнь принцип социальной справедливости. Игнорирование данного архетипа приводит к периодам застоя, стагнации и социальной апатии (что мы и

наблюдаем в современной российской действительности).

Вот и получается, что политические отношения, когда общество является активным политическим субъектом, требует обязательной диалогической коммуникации политических институтов различного уровня с соответствующими стратами социума. И мало того, что это должен быть диалог, он должен основываться на позитивной информации, т.к. накопление негативной информации имеет свою «критическую массу» и приводит к значительному росту социальной напряженности, а следовательно, к абсентеизму. Организаторам информационного пространства политических отношений важно понимать последствия общественной реакции на транслируемые события, факты и комментарии. Вряд ли российское общество будет видеть перспективы формирования социального государства, если в СМИ ученые рассказывают о будущей техногенной катастрофе, депутаты и члены правительства о «благах» социальных проектов, призывающих «затянуть пояса» и далее, на экранах, бесконечное количество раз во всех тонкостях показывается одна катастрофа за другой, одно ЧП за другим. Информационные программы, социальная и политическая реклама формируют искаженный образ российского государства: нет эффективных заводов и фермерских хозяйств, нет эффективных предпринимателей, есть устрашающие цены для кошелька большинства

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

населения, нереализованные в должной мере федеральные и региональные программы и бездуховность.

Для устранения столь явной информационной асимметрии нужно формировать информационное поле политической системы таким образом, чтобы оно учитывало, что политические отношения строятся в определенной стране, на основании этнических, народных, ментальных особенностей. В информационной политике государства важно добиваться баланса национальных и общецивилизационных ценностей и норм. Учет глубинной психологии, национального характера при построении коммуникационных каналов позволит придать социокоммуникативный смысл информационной политике.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации указывает на «низкую эффективность информационного обеспечения государственной политики Российской Федерации вследствие дефицита кадров, отсутствия системы формирования и реализации государственной информационной политики» [4], которая должна быть направлена на «сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиции патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны» [4].

Все логично и правильно: цели определены, задачи поставлены, вопрос в воплощении. На одном из совещаний РАН, после обсуждения итогов реализации проекта «Электронная

Россия» был сделан вывод, что реализация проекта ограничена компьютеризацией ряда сельских территорий, организацией многофункциональных центров в муниципалитетах и созданием электронных форм ряда документов, тогда как заложенная гуманитарная составляющая (предполагающая прозрачность и достоверность информационных, отчетных материалов) осталась нереализованной.

Тишков В.А. в своей работе «Кризис понимания России» отмечает, что у нас «кризис понимания России – неспособность общества понять самое себя это в значительной степени обусловлено слабой обществоведческой экспертизой, на основе которой создается образ страны и выводами которой питается медийное сообщество». [14, С.13] Это понимание основано на отсутствии роли СМИ как позитивного субъекта информационного управления. «СМИ в настоящее время не несут абсолютно никакой ответственности за психическое и воспитательное влияние на граждан, формирование духовно-нравственной атмосферы общества» и в результате 40% населения не понимает что происходит в стране. [7, 203-261, 777-793]

Сложившееся в России информационное поле, обладая асимметричной информацией объясняет парадоксальность логики рассуждения общества. В подтверждение воспользуемся результатами социологических исследований, проведен-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ных автором в период 1998 – 2013 г.: 40,5% респондентов работают последнее время более напряженно, а 51% - также, как и раньше, однако в полную силу работает только 65,9% работников различных предприятий и учреждений и более того, 21% опрошенных уверены в том, что выполнение работы с большей отдачей не приведет к увеличению доходов, при этом 28,2% утверждают, что если работать с меньшей отдачей сил, то заработок несомненно уменьшится. И данная ситуация только усугубляется в условиях посткризисных факторов: международных санкций, роста цен и др.

Информационное поле воздействует всех участников политических и экономических отношений, формирует информационную власть, способную оказывать целенаправленное воздействие на сознание, психику, поведение социума посредством информации через эффективные коммуникационные каналы. Каким образом воздействовать и что значит «эффективно» – решается политической системой. Пример из личного опыта: известно, что недавние события в Украине транслировались и обсуждались на большом количестве телевизионных каналов мира, событийный ряд, представленный на экранах в разных странах один и тот же, более того видеоряд множества корреспондентов совпадает. Кардинально отличаются комментарии и сам анализ происходящего. Так, российские СМИ утверждали, что Украина не

права, мы – молодцы, поскольку украинцы – наши братья-славяне, Россия должна уберечь их от неправильных решений украинского правительства и вступления в Евросоюз; украинские журналисты говорят, что Украина – суверенное государство и опека России ей совершенно не нужна, наоборот, она должна перестать вмешиваться и тем более контролировать политическую, а главное – экономическую сферу деятельности Украины; телевидение европейских стран к этой же самой «картинке» дает иной анализ: Украинское правительство не смогло стабилизировать внутреннюю политическую ситуацию в стране, Россия на правах политического и экономического партнера, но фактически самовольно ввела войска на территорию Украины, чем усугубила и без того сложную и тяжелую ситуацию в стране. Необходимо вмешательство Евросоюза с миротворческой целью, чтобы Россия «не поработила» данное государство, поскольку раскол украинского социума основан на решении крымчан выйти из состава Украины и войти в состав Российской Федерации, и может привести к уничтожению страны. Необходимо сохранить целостность Украины, чему Европейские страны и будут способствовать. Какая из изложенных точек зрения на украинские события является чуть более объективной, чем все другие? Научная логика не позволяет объяснить почему информационное поле стало заложником политических интриг.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Попов В.Д. предложил закон реализации информационной власти, а значит, формирования информационного поля реализации политических отношений: «средства государственной информационной и массмедийной политики в той степени должны удовлетворять, защищать интересы государства, его власти – в какой степени государство, правящая элита реализуют и защищают интересы народа, гражданского общества, каждой личности». [9, С.12]

Неасимметричное информационное поле позволяет социуму сформировать систему критических оценок собственного бытия, выработать эффективные пути решения множества социальных и политических проблем. Асимметричное поле порождает «социальную протрацию» и усиливает социальную напряженность в обществе. Институт социологии РАН приводит ряд данных: в 1994 – 95 гг. 67% опрошенных называют ситуацию в стране проблемной, а 63% респондентов – кризисной; в 1997 – 98 гг. характеризуют как проблемную 43% населения, как кризисную – 51%; в период 1998 – 2005 гг. от 50% до 60% россиян отмечают неустойчивость политической и экономической ситуации в стране; в 2008 г. о кризисном положении говорили 44% опрошенных; тревожность возрастает с 70% в 2009 г. до 75% - в 2011 г. [3, С.269-270]. А в конце 2014 г. 88% жителей мегаполисов оценивали изменения в стране как однозначно отрицательные. [11]

Поэтому очень важно рассматривать информационное поле функционирования политических отношений как такую сферу отношений субъектов и объектов, где формируются и развиваются социально-политические связи общества, определяются критерии нравственности, духовности страны. Данный подход позволит выявлять и анализировать способы удовлетворения информационной потребности различных политических агентов и институтов; оценивать многообразие коммуникативных связей между государством и гражданским обществом, которые должны функционировать на принципе доверия; определять и использовать для развития страны совокупность ценностей, мотивов социального и политического поведения. В качестве основы информационного поля обязательно выступает уровень образованности, культуры, самосознания социума.

Что касается доверия – тут кроется серьезная проблема: доверие к политическим партиям – 17%, Государственной думе и Совету Федерации – 30%, профсоюзам – 24%, прессе – 30%. [12, С.139] Вывод напрашивается сам собой: большинству политических и социальных институтов гражданское общество не доверяет. Этот кризис доверия усугубляет состояние социально-политической стабильности российского общества.

И если анализировать поведение среднего и старшего поколений, то оно строится на причинно-следственных связях и

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

опыте, которыми не обладает в силу возраста младшее поколение населения страны. Развитие интернета и расширяющиеся социальные сети становятся главными источниками информации для молодого поколения. Полученные сведения, комментарии формируют мировоззрение молодежи, в котором объективные коммуникативные каналы и соответствующие коммуникативные, формирующие объективное информационное поле политической социализации, а значит грамотного участия в политических отношениях, скорее всего отсутствуют.

В этой связи абсолютно прав Панарин А.С., что все увеличивающееся в современном обществе количество информации приводит общественное сознание к «социальной аномии – ценностной дезориентации и потере идентичности.... Образованность может выступать как накопление описательной (дескриптивной) информации, которая обеспечивает известный уровень рафинированности, но не решает проблемы социальной действительности» [8, С. 20] и далее он отмечает «одной образованности (информированности) недостаточно для целенаправленного социального творчества и поддержания жизни. Требуется

соответствующий уровень мотивации, чтобы новую информацию перевести в дело, мобилизовать для решения насущных задач» [8, С.21].

Таким образом, важно знать, что информационное поле – это самоорганизующаяся и самоуправляемая система коммуникативных каналов субъект-субъектных отношений (в рассматриваемом контексте – политических отношений), сложившихся в рамках государственной или географической территории для обеспечения социума объективным знанием о событиях, явлениях и процессах.

Необходимо понимать, что путь решения проблем лежит в области подхода, сформулированного Арнольдом Минделлом: «для того, чтобы улучшить этот мир, необходимо разработать новый метод, который соединяет все предыдущее, успешно действует в реальном мире и соответствует духу времени. [6, С.11] Однако остается необъяснимым, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могучую государственность, почему анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ будто не хочет свободной жизни. [1, С.18].

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Библиографический список

1. Бердяев Н. Судьба России. – М.: Мысль, 1991 г.
2. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости. – Новосибирск: Наука, 1996
3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М.: Хронограф, 2011 г.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации// Российская газета. – 28 сентября 2000 г.
5. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001г.
6. Минделл А. Лидер как мастер противоборства. Часть 1. – М.: Институт психологии РАН, 1993 г.
7. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисципл. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисципл. проекта Б.Н. Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010.
8. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: изд-во МГУ, 1998.
9. Попов В.Д. Информациология и информационная политика. – М.: РАГС, 2003.
10. Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: психоаналитическое исследование. – М.: Весь Мир, 1996.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга первая/ Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. – М.: Весь Мир, 2015г.
12. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая/ Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. – М.: Весь Мир, 2015.
13. Стиглиц Дж. Информация и смена парадигмы в экономической науке // сб. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т.V в 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн.2 - М.: Мысль, 2004. С. 534-629
14. Тишков В.А. Кризис понимания России. – Воронеж: МОДЭК, 2006.

УДК 324

Трегубов Н.А.

Конкуренция на выборах и мотивы голосования: дискурс и практика

Цель работы – апробация методов сравнительного анализа мотивации голосования в условиях разных уровней электоральной конкуренции. Эмпирической основой исследования стали результаты двух социологических опросов, проведенных под руководством автора в период кампании по выборам губернатора Челябинской области 2014 г. Произведено сопоставление мотивации голосования в условиях реализации «потенциально конкурентного» и неконкурентного сценариев избирательной кампании по трем ключевым позициям: 1) «плотность» мотивации электорального выбора; 2) общая структура мотивации; 3) конкурентные преимущества основных участников электоральной борьбы. Установлено, что на выборах без фактической конкуренции происходит значительное уменьшение уровня артикуляции мотивов электорального выбора за счет радикального ослабления уровня «насыщенности» сферы политических антипатий избирателей. Также в условиях неконкурентной избирательной кампании зафиксировано серьезное упрощение общей структуры мотивации активных избирателей. Автор пришел к выводу, что на неконкурентных выборах происходит вырождение содержательной борьбы между участниками выборов в соревнование известного избирателям кандидата инкумбента, с одной стороны, и партийных ярлыков его неизвестных «соперников», с другой.

В заключение рассмотрены некоторые перспективы сравнительного анализа мотивации голосования на выборах с разными уровнями конкуренции.

Ключевые слова: выборы, голосование, мотивы голосования, уровень электоральной конкуренции, выборы без конкуренции

Трегубов Никита Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и исторического факультета, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск). Сфера научных интересов – теория и методология политической науки, электоральное поведение, политическая система современной России. E-mail: nikita_tr@inbox.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Есть ли различия в голосовании избирателей на выборах с высоким и низким уровнем конкуренции? Ответ на данный вопрос кажется очевидным. Вместе с тем, о природе трансформации установок электорального выбора при изменении уровня интенсивности электоральной борьбы известно сегодня явно недостаточно. В научной литературе можно встретить ряд упоминаний о том, что электоральный спрос структурируется электоральным предложением (Калинин 2006, Гельман 2007, Hayes 2010). Косвенно о влиянии электоральной конкуренции на голосование говорится в работах, посвященных изучению агитационной активности в период избирательной кампании (см., напр.: Holbrook 1996; Hillygus 2010; Jacobson 2015). При этом представленные в современной литературе суждения о воздействии уровня конкуренции на поведение избирателей носят преимущественно самый общий характер и опре-

деленно нуждаются в уточнении и конкретизации.

Цель настоящей работы – апробация методов сравнительного анализа мотивации голосования в условиях разных уровней электоральной конкуренции. Эмпирической основой исследования стали данные двух социологических опросов, проведенных под руководством автора в период кампании по выборам губернатора Челябинской области 2014 г.* Первый опрос был осуществлен с целью моделирования относительно конкурентного сценария избирательной кампании. Для этого респондентам в ходе опроса было предложено выбрать из гипотетического списка кандидатов в губернаторы, в который помимо инкумбента (действующего держателя должности) и претендентов-аутсайдеров были включены наиболее заметные представители всех основных группировок региональной политической элиты**. Целью второго опроса стало

* Уличные социологические опросы были проведены с 27 мая по 5 июня и с 25 августа по 6 сентября 2014 г. во всех районах города Челябинска. В опросах приняли участие 638 и 629 респондентов, отобранных согласно принципам формирования квотной выборки. Отбор респондентов на точках опроса производился по полу, возрасту и району проживания. Ошибка выборки составила +/- 4% (доверительный интервал 0,95). На стадии обработки первичных данных для повышения уровня их репрезентативности было произведено взвешивание случаев в выборке исходя из информации об уровне образования жителей Челябинска.

** В список кандидатов, предложенный респондентам в ходе первого опроса, были включены следующие персоналии: а) инкумбент – Дубровский Б.А., вр.и.о. губернатора Челябинской области; б) четыре претендента с высоким уровнем узнаваемости: Юревич М.В., экс-губернатор Челябинской области, депутат ГД РФ; Гартунг В.К., председатель регионального отделения партии «Справедливая Россия», депутат ГД РФ; Аристов А.М., предприниматель, совладелец ЧЭМК и холдинга «Ариант»; Косилов А.Н., предприниматель, первый заместитель губернатора Челябинской области в 2001-2010 гг.; в) два претендента с низким уровнем узнаваемости: Набиевский К.О. – депутат Законодательного собрания области (партия КПрФ); Ткаченко А.А. – депутат Законодательного собрания области (партия ЛДПР).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

изучение электорального поведения челябинцев в условиях фактической реализации неконкурентного сценария избирательной кампании. Соответственно, список кандидатов, в отношении которых выяснялась позиция респондентов, полностью совпал с итоговым списком в избирательных бюллетенях*.

Уточнение уровня электоральной конкуренции на выборах губернатора Челябинской области произведено с использованием индекса эффективного числа партий Х. Молинера (Molinar 1991)**. Считается, что по сравнению с классическим индексом М. Лааско и Р. Таагерера (Laasko and Taagerera 1979) индекс Х. Молинера более последовательно учитывает эффект доминирующей политической альтернативы и дает наилучшие эмпирические результаты для партийных систем с доминирующими партиями и партиями-гегемонами (Туровский 2012). Эмпирической базой для вычисления значений этого индекса стали ответы респондентов на вопрос о

том, за кого из кандидатов в губернаторы они бы проголосовали в случае, если бы выборы состоялись «в ближайшее воскресенье»***.

Применительно к данным первого предвыборного опроса (7 кандидатов, 5 кандидатов с узнаваемостью более 75%) значение индекса Х. Молинера составило 1,19, применительно к данным второго опроса (4 кандидата, 1 кандидат с узнаваемостью более 75%) – 1,01. Полученные значения индекса позволяют говорить о том, что даже при моделировании относительно конкурентного сценария избирательной кампании реальное распределение электоральной поддержки на выборах главы Челябинской области оказалось сильно смещено в пользу доминирующей политической альтернативы. Таким образом, в целом в рамках настоящей работы может быть проанализирована разница в мотивации голосования на «потенциально конкурентных» и фактически неконкурентных выборах. Это обстоятельство

* Непосредственными участниками избирательной кампании стали: а) инкубент – Дубровский Б.А.; б) три претендента с низким уровнем узнаваемости: Брижанин В.В. – юрист (партия «Города России»); Нагиевский К.О. – депутат Законодательного собрания области (партия КПРФ); Пашин В.А. – координатор Челябинского регионального отделения ЛДПР

** Индекс эффективного числа партий Х. Молинера рассчитывается по известной формуле (см. Laasko and Taagerera 1979, Molinar 1991).

*** Преобразование электорального рейтинга кандидатов в прогноз результатов выборов осуществлено по методике Ю.Г. Скоцеляса (Малкин и Сучков 2006). Прогноз результатов выборов по данным первого опроса: Дубровский – 63,4%, Юревич – 16,3%, Гартунг – 7,3%, Аристов – 6,4%, Косилов – 0,7%, Нагиевский – 3,1%, Ткаченко – 1,4%, недействительные бюллетени – 1,4%. Прогноз результатов выборов по данным второго опроса: Дубровский – 87,7%, Нагиевский – 5,2%, Пашин – 2,6%, Брижанин – 3,1%, недействительные бюллетени – 1,4%.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

налагает серьезные эмпирические ограничения на все дальнейшие рассуждения о природе голосования в разных условиях электоральной борьбы.

В качестве основы для выявления структуры мотивации электорально выбора использовались открытые вопросы о том, почему избиратели собираются или не собираются проголосовать за конкретного кандидата. На основе предложенных в научной литературе способов кодирования ответов на такие

вопросы (Campbell A. et al. 1960; Miller 1990; Redlawsk 2001; Blumentiel and Plischke 2015), а также с учетом имеющегося опыта теоретического анализа проблемы, автором была разработана собственная система классификации мотивов электорального выбора. Ее основные параметры применительно к ответу респондентов на вопрос «Почему Вы проголосуете за данного кандидата?» приведены в таблице 1.

Таблица 1. Классификация мотивов позитивного голосования на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

Категория (тип) мотивов	Вид мотивов
1. Отсутствие артикулированных мотивов	1. Ни одного мотива «за»
2. Известность (Gaissmaier and Marewski 2011; Kam and Zechmeister 2013)	1. Известность (общая)
	2. Известность (СМИ)
	3. Известность (друзья, знакомые, родственники, личное общение, агитационные печатные материалы, наружная реклама)
	4. Известен лучше других
3. Элементарные эвристические суждения: стратегическое голосование, голосование по привычке, голосование за первого кандидата в списке (Simon 1954; Cain 1978; Ronis, Votes and Kirscht 1989; Koppel and Steen 2004)*	1. Голосование по принципу «как все», конформизм, присоединение к большинству
	2. Голосование по совету (просьбе, требованию) других людей
	3. Привычка
	4. Место в списке

** Строго говоря, голосование узнавание имени кандидата также следует признать элементарным эвристическим суждением (см., напр.: Kam and Zechmeister 2013). Выделение узнавания имени в отдельную категорию мотивации обусловлено значимостью той роли, которую данная установка голосования сыграла в условиях неконкурентного сценария избирательной кампании на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

4. Чувства, эмоции (Taber, Lodge and Glathar 2001; Cassino and Lodge 2007; Redlawsk, Civettini and Lau 2007)	1. Доверие к кандидату
	2. Симпатия кандидату
	3. Хороший, «правильный» кандидат
	4. Меньшая симпатия, большая антипатия по отношению к другим кандидатам («остальные – хуже»), знание об остальных кандидатах чего-либо плохого
	5. Меньшее доверие другим кандидатам
5. Личные и профессиональные качества кандидата (Miller, Wattenberg and Malanchuk 1986; Sullivan et al. 1990; Bishin, Stevens and Wilson 2006; Hayes 2010)	1. Профессионализм, компетентность, опыт
	2. Внешние качества кандидата
	3. Эмпатия, способность кандидата к сопереживанию
	4. Лидерские качества (энергичность, целеустремленность и пр.)
	5. Честность
	6. Ответственность
	7. Новый кандидат
6. Социально-групповая идентификация (Lazarsfeld, Berelson and Gaudet 1944; Berelson, Lazarsfeld and McPhee 1954; Axelrod 1972; Jansen, De Graaf and Need 2011)	1. Свой, земляк, интересы района
	2. Интересы простых людей (народа)
	3. Интересы рабочих, работников промышленности (в т.ч. металлургии)
	4. Интересы пенсионеров, бюджетников
	5. Интересы бизнеса, предпринимателей
7. Партийно-идеологическая идентификация (Campbell A. et al. 1960; Fuchs and Klingemann 1990; Jacoby 2002; Lewis-Beck et al. 2008)	1. Партийная и идеологическая идентификация с правящей партией
	2. Партийная и идеологическая идентификация с другими партиями
8. Голосование за инкумбента, действующую власть (Fiorina 1981; Dunk 1997; Jacobson and Carson 2012; Wattenberg and Powell 2015)	1. Голосование за инкумбента
	2. Голосование за недавнего инкумбента
	3. Согласие с волей начальства («поставили»)
	4. Человек Путина (похож на Путина)
	5. Путин (сверху) назначил, ему виднее

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

9. Хорошо справляется с обязанностями (Key 1966; Fiorina 1981; Markus 1988; Lewis-Beck and Stegmaier 2000)	1. Хорошо справлялся с обязанностями
	2. Хорошо справляется с обязанностями
	3. Будет хорошо справляться с обязанностями (уверенность, надежда на это)
	4. Много делает для города и области в целом
	5. Лучше других справляется (справлялся, будет справляться) с обязанностями
10. Решение конкретных проблем (Black 1958; Davis, Hinich and Ordeshook 1970; Enelow and Hinich 1984; Rabinowitz and Macdonald 1989)	1. Успехи в управлении предприятиями, развитие производства, новые рабочие места
	2. ЖКХ, озеленение, благоустройство
	3. Строительство, решение квартирного вопроса
	4. Дороги
	5. Сельское хозяйство
	6. Спорт
	7. Развитие муниципалитетов, внимание к проблемам муниципалитетов
	8. Социальная защита (внимание к проблемам, помощь социально незащищенным категориям населения)
	9. Наведение порядка
	10. Экология
	11. Другое
	12. Уменьшение коррупции. Остальные будут больше воровать (большая коррупция).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

При кодировании ответов на открытый вопрос «А почему Вы никогда не проголосуете за этого кандидата (этих кандидатов)?» представленная выше схема классификации мотивов голосования была фактически полностью воспроизведена. Единственным важным исключением стало появление дополнительной категории «негативная известность кандидата»*.

На основе рассмотренной выше методологии оказалось возможным решение следующих основных задач сравнительного анализа мотивации голосования.

1. Сопоставление «плотности» мотивации голосования активных (собирающихся прийти на выборы) избирателей** в усло-

виях реализации «потенциально конкурентного» и неконкурентного сценариев избирательной кампании.

2. Сравнение структуры мотивации голосования всех активных избирателей, а также избирателей инкумбента при реализации соответствующих сценариев.

3. Выявление основных конкурентных преимуществ инкумбента, претендентов с высоким и низким уровнем узнаваемости на «потенциально конкурентных» и неконкурентных выборах.

Основными статистическими показателями сравнительного анализа данных, использованными для решения перечисленных выше задач, стали частот-

* Категория «негативная известность кандидата» введена в связи с необходимостью отделить мотивы голосования против неизвестных кандидатов от мотивов голосования против кандидатов, известных с отрицательной стороны. Избиратели, готовые прийти на выборы, определялись путем сопоставления частотных распределений ответов респондентов на «основной» и «контрольный» вопросы об уровне электоральной активности. Для этого выявлялась средняя самооценка вероятности прихода на выборы респондентов, ответивших на «основной» вопрос о явке тем или иным образом («обязательно приму участие», «скорее приму участие» и т.д.). Далее ответам каждой из названных категорий респондентов присваивался коэффициент, соответствующий среднему значению самооценки вероятности прихода на выборы представителей данной категории. Взвешивание данных согласно значению полученных коэффициентов позволило перейти к изучению поведения избирателей с учетом их готовности участвовать в выборах.

** Избиратели, готовые прийти на выборы, определялись путем сопоставления частотных распределений ответов респондентов на «основной» и «контрольный» вопросы об уровне электоральной активности. Для этого выявлялась средняя самооценка вероятности прихода на выборы респондентов, ответивших на «основной» вопрос о явке тем или иным образом («обязательно приму участие», «скорее приму участие» и т.д.). Далее ответам каждой из названных категорий респондентов присваивался коэффициент, соответствующий среднему значению самооценки вероятности прихода на выборы представителей данной категории. Взвешивание данных согласно значению полученных коэффициентов позволило перейти к изучению поведения избирателей с учетом их готовности участвовать в выборах.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ные распределения ответов респондентов на вопросы о мотивах голосования, а также величина нормированных остатков. Последняя вычислялась по формуле (1)

$$x = (\int o - \int e) / \int e \quad (1),$$

где $\int o$ и $\int e$ – наблюдаемая и ожидаемая (при верности нулевой гипотезы) частоты проявления разных типов мотивации электорального выбора. Вывод о статисти-

стически значимых различиях в структуре мотивации делался в случаях, когда величина нормированного остатка по той или иной позиции оказывалась больше 2 по модулю.

Данные о «плотности» мотивации голосования активных избирателей в условиях двух описанных сценариев избирательной кампании приведены в таблице 2.

Таблица 2. «Плотность» мотивации голосования активных избирателей на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

	Количество содержательных мотивов (категории)					
	Опрос 1, все активные избиратели (425 респондентов).			Опрос 2, все активные избиратели (403 респондента).		
	«За»	«Против»	Всего	«За»	«Против»	Всего
Среднее значение	1,009	0,769	1,778	1,0175	0,3198	1,3374
Медиана	1	1	2	1	0	1
Мода	1	1	2	1	0	1
Стандартное отклонение	0,82	0,72	1,16	0,73	0,52	0,95
Минимум	0	0	0	0	0	0
Максимум	4	5	6	4	3	6

На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что если уровень «плотности» позитивного выбора в условиях реализации «потенциально конкурентного» и неконкурентного сценариев избирательной кампании оставался практически неизменным, то «плотность» негативного

голосования (голосования против тех или иных кандидатов) при неконкурентной избирательной кампании уменьшилась в 2,5 раза.

Данные о структуре мотивации позитивного голосования всех активных избирателей представлены в таблице 3.

Алгоритм расчета нормированных остатков в целях сравнения электорального поведения разных групп избирателей представлен в одной из предыдущих работ автора (Трегубов и Поселяющева 2014).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Таблица 3. Структура мотивации позитивного голосования активных избирателей на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

Категория (тип) мотивов	Опрос 1 (О1)			Опрос 2 (О2)			О 2 - О2 1
	Доля	Доля случаев	Рейт. позиция	Доля	Доля случаев	Рейт. позиция	Норм. остаток
1. Отсутствие артикулированных мотивов.	0,222	0,287	1	0,177	0,219	2	-2,14
2. Известность	0,099	0,129	5	0,234	0,289	1	9,57
3. Элементарные эвристические суждения	0,029	0,037	9	0,039	0,049	8	1,34
4. Чувства по отношению к кандидату	0,119	0,154	4	0,105	0,129	5	-0,93
5. Личные и проф. качества кандидата	0,151	0,196	3	0,137	0,169	4	-0,80
6. Социально-групповая идентификация	0,064	0,083	8	0,048	0,06	7	-1,37
7. Партийно-идеологическая идентификация	0,011	0,014	10	0,023	0,028	10	2,54
8. Голосование за инкумбента, власть	0,077	0,1	6	0,063	0,078	6	-1,12
9. Хорошо справляется с обязанностями	0,155	0,201	2	0,146	0,181	3	-0,49
10. Решение конкретных проблем	0,073	0,094	7	0,028	0,034	9	-3,74
Итого	1	1,296		1	1,236		

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Согласно приведенным данным, к числу ключевых изменений структуры мотивации позитивного электорального выбора в связи с «исключением из меню» основных потенциальных конкурентов инкумбента следует отнести:

1) резкий рост значимости мотивов, связанных с известностью кандидата (категория 2: этот тип мотивов переместился с пятого на первое место в рейтинге мотивов позитивного электорального выбора);

2) резкое уменьшение значимости мотивов, связанных с политикой кандидатов по решению конкретных вопросов (категория 10: данный тип мотив переместился с седьмого на девятое место в структуре мотивации).

В числе менее значимых изменений, слабо повлиявших на структуру мотивации позитивного голосования, можно отметить:

1) некоторое уменьшение доли не артикулированных мотивов голосования (категория 1);

2) некоторое увеличение доли партийно-идеологической идентификации (категория 7).

В целом результаты сравнительного анализа общей структуры мотивации активных избирателей свидетельствуют о серьезном упрощении этой структуры в условиях радикального снижения уровня электоральной конкуренции. Рациональные оценки уровня эффективности политики инкумбента и претендентов сменились одним из наиболее простых по содержанию мотивов («известность кандидата»).

Несколько дополнительных штрихов в эту общую картину может привнести сравнение структуры мотивации позитивного голосования активных избирателей инкумбента. Результаты такого сравнения представлены в таблице 4

Таблица 4 Структура мотивации позитивного голосования активных избирателей инкумбента на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

Категории (типы) мотивов	Опрос 1		Опрос 2		Сравнение опросов	
	Доля случ.	Рейт. позиц.	Доля случ.	Рейт. позиц.	Норм.о статок	Разн. рейт.глос.
1. Отсут. арт. мотивов.	0,093	7	0,053	8	-1,88	-1
2. Известность	0,154	5	0,366	1	10,62	4
3. Элемент. эвр.сужден	0,046	9	0,058	7	1,40812 2	2
4. Чувства к кандидату	0,198	3	0,152	4	-1,13937	-1
5. Качества кандидата	0,302	1	0,207	3	-2,20	-2

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

6. Социально-групповая идентификация	0,128	6	0,073	6	-2,18	0
7. Партийно-идеологическая идентификация	0,009	10	0,014	10	1,22	0
8. Голосование за инкумбента, действующую власть	0,155	4	0,103	5	-1,74	-1
9. Хорошо справляется с обязанностями	0,266	2	0,233	2	-0,31	0
10. Решение конкретных проблем	0,084	8	0,041	9	-2,21	-1
Итого	1,434		1,299			

На основании данных этой таблицы можно сделать вывод о том, что в полностью неконкурентной электоральной ситуации произошло фактическое замещение (деактивация) содержательных мотивов голосования за инкумбента (категории 5, 6, 10) в пользу самого элементарного мотива «известность кандидата» (категория 2). В целом, в условиях реализации неконкурентного сценария кампании структура мотивации избирателей, судя по всему, демонстрирует тенденцию к смещению из более или менее содержательной плоскости в плоскость голосования «за единственного известного кандидата».

Далее имеет смысл использовать ответы респондентов на вопрос о мотивах голосования для выявления электоральных преимуществ участников электоральной борьбы в условиях реализации анализируемых сценариев избирательной кампании. Для этого необходимо произвести сравнение структуры мотивации голосования всех активных избирателей, с одной стороны, и избирателей конкретных кандидатов, с другой.

Для начала сравним конкурентные преимущества инкумбента. Результаты такого сравнения представлены в таблице 5.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Таблица 5 Конкурентные преимущества инкумбента на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

Категории (типы) мотивов	Опрос 1 («потенциально конкурентный» сценарий)				Опрос 2 (неконкурентный сценарий)			
	Электорат инкумбента		Сравнение со всеми актив. изб.		Электорат инкумбента		Сравнение со всеми актив. изб.	
	Доля случ	Рейт поз.	Нормир ост.	Разн рейт поз.	Доля случ	Рейт поз.	Нормир ост.	Разн рейт поз.
1. Отсутствие артикулированных мотивов.	0,09	7	-5,89	-6	0,053	8	-6,43	-6
2. Известность	0,15	5	0,46	0	0,36	1	1,96	0
3. Элементарные эвристические суждения	0,04	9	0,30	0	0,05	7	0,57	1
4. Чувства по отношению к кандидату	0,19	3	0,98	1	0,15	4	0,72	1
5. Личные и проф. качества кандидата	0,30	1	2,69	2	0,20	3	1,19	1
6. Социально-групповая идентификация	0,12	6	1,74	2	0,07	6	0,75	1
7. Партийно-идеологическая идентификация	0,01	10	-0,81	0	0,01	10	-1,60	0
8. Голосование за инкумбента, действующую власть	0,15	4	1,97	2	0,10	5	1,28	1
9. Хорошо справляется с обязанностями	0,26	2	1,38	0	0,23	2	1,73	1
10. Решение конкретных проблем	0,08	8	-0,95	-1	0,04	9	0,38	0
Итого	1,43				1,29			

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Согласно приведенным в таблице данным, в условиях реализации «потенциально конкурентного» сценария кампании основными конкурентными преимуществами инкумбента становятся личные и профессиональные качества (категория 5), а также (в меньшей степени) сам статус действующего «держателя должности» (категория 8). В свою очередь, в условиях неконкурентной избирательной кампании единственной специфической чертой голосования

за инкумбента становится выбор более известного кандидата (категория 2)*.

Далее рассмотрим конкурентные преимущества претендентов с высоким уровнем узнаваемости. Очевидно, что преимущества этой группы кандидатов могут проявиться только в условиях реализации «потенциально конкурентного» сценария избирательной кампании. Представление об этих преимуществах можно получить на основе данных таблицы 6.

Таблица 6 Конкурентные преимущества сильных претендентов на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

Категории (типы) мотивов	Опрос 1 («потенциально конкурентный» сценарий)					
	Электорат претендентов с выс. узнаваемостью		Сравн. со всеми активными изб.		Сравн. с электоратом инкумбента	
	Доля случ	Рейт поз.	Нормирост.	Разнрейт поз.	Нормирост.	Разнрейт поз.
1. Отсутствие артикулир-х мотивов	0,099	6	-3,64	-5	0,56	1
2. Известность	0,195	4	1,96	1	1,60	1
3. Элементарные эвристические суждения	0,055	9	0,93	0	0,68	0
4. Чувства по отношению к кандидату	0,203	2	1,31	2	0,61	1
5. Личные и проф. качества кандидата	0,125	5	-1,63	-2	-2,91	-4

* Кроме того, как в условиях «потенциально конкурентных» выборов, так и в условиях неконкурентной кампании, отличительной чертой электората инкумбента является больший уровень артикуляции установок позитивного выбора (категория 1).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

6. Социально-групповая идентификация	0,069	8	-0,47	0	-1,39	-2
7. Партийно-идеологическая идентификация	0,011	10	-0,30	0	0,35	0
8. Голосование за инкумбента, действующую власть	0,08	7	-0,63	-1	-1,65	-3
9. Хорошо справляется с обязанностями	0,251	1	1,19	1	0,23	1
10. Решение конкретных проблем	0,201	3	3,63	4	4,81	5
Итого	1,288					

Судя по данным таблицы, в условиях реализации «потенциально конкурентного» сценария избирательной кампании основным конкурентным преимуществом претендентов с высоким уровнем узнаваемости становится решение ими конкретных проблем жителей (категория 10)*. В целом же в рамках данного сценария борьба между главными соперниками (инкумбентом и претендентами-«тяжеловесами») выглядит вполне рационально. На выборах губернатора Челябин-

ской области 2014 г. она могла свестись к противостоянию личных и профессиональных качеств инкумбента, с одной стороны, и конкретных дел его основных соперников, с другой.

Далее рассмотрим специфику голосования за претендентов с низким уровнем узнаваемости (слабых претендентов, кандидатов-аутсайдеров) в условиях реализации описанных сценариев избирательной кампании. Основные параметры голосования за слабых претендентов приведены в таблице 7.

* При этом так же, как и в случае с инкумбентом, электорат сильных претендентов отличается большим уровнем артикуляции установок позитивного выбора.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Таблица 7 Конкурентные преимущества слабых претендентов на выборах губернатора Челябинской области 2014 г.

Категории (типы) мотивов	Опрос 1 («потенциально конкурентный» сценарий)				Опрос 2 (неконкурентный сценарий)			
	Электорат слабых претендентов		Сравн. со всеми активными изб.		Электорат слабых претендентов		Сравн. со всеми активными изб.	
	% случ.	Рейт. поз.	Нор. ост.	Раз. рейт. поз.	%случ.	Рейт. поз.	Нор. ост.	Раз. рейт. поз.
1. Отсутствие артикулированных мотивов	0	-	-1,25	-	0,2	2	0,01	0
2. Известность	0	-	-0,83	-	0,154	5	-1,21	-4
3. Элементарные эвристические суждения	0	-	-0,45	-	0,058	6	0,38	2
4. Чувства по отношению к кандидату	0	-	-0,91	-	0,178	3	1,00	2
5. Личные и проф. качества кандидата	0,571	1	2,86	2	0,158	4	0,06	0
6. Социально-групповая идентификация	0	-	-0,67	-	0,055	8	0,03	-1
7. Партийно-идеологическая идентификация	0,429	2	10,58	8	0,219	1	6,88	9
8. Голосование за инкумбента, действующую власть	0	-	-0,73	-	0	10	-1,52	-4
9. Хорошо справляется с обязанностями	0	-	-1,04	-	0,057	7	-1,51	-4
10. Решение конкретных проблем	0	-	-0,71	-	0,044	9	0,40	0
Итого	1				1,124			

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

На основании данных таблицы можно сделать вывод о том, что партийный ярлык (категория 7) является единственным конкурентным преимуществом, которое может выделить подобных кандидатов практически при любом уровне конкурентной борьбы. В этой связи в условиях фактического отсутствия электоральной конкуренции соревнование между инкубентом и слабыми претендентами очевидным образом превращается в соревнование между известным кандидатом, с одной стороны, и партийными ярлыками его неизвестных «соперников», с другой.

Анализ мотивов негативного голосования по представленному выше алгоритму позволил сформулировать следующие основные выводы.

1. В то время как структура позитивной мотивации у разных сегментов электората может значительно отличаться, структура негативной мотивации остается примерно одинаковой (а) у всех активных избирателей, (б) у избирателей инкубента, (в) у избирателей сильных претендентов, (г) у избирателей, затруднившихся с ответом на вопрос об электоральном выборе.

2. Если в условиях реализации «потенциально конкурентного» сценария кампании ни одного мотива негативного выбора не смогли назвать всего около трети респондентов

(35%), то в условиях неконкурентного сценария таких затруднившихся с ответом респондентов стало практически три четверти (73%). Таким образом, на выборах без фактической конкуренции негативная мотивация (мотивация голосования против кого-либо из кандидатов) оказалась более чем в 2 раза слабее, нежели в условиях «потенциально конкурентной» кампании.

3. Из содержательного негатива в ответах избирателей в условиях реализации анализируемых сценариев избирательной кампании доминировали мотивы, связанные с отрицательными личными и профессиональными качествами кандидатов (нечестность, вороватость), а также с отсутствием решения конкретных проблем (проблема коррупции, воровства бюджетных денег). Специфика структуры мотивации негативного выбора в условиях фактического отсутствия конкуренции проявилась по следующим позициям: а) значимо большая доля негативных мотивов, связанных с неизвестностью кандидатов; б) значимо большая роль негативной партийной идентификации; в) значимо меньшее влияние всех других типов негативной мотивации. Зафиксированные отличия косвенно подтверждают вывод о том, что в условиях фактического отсутствия конкуренции важ-

* В условиях «потенциально конкурентных» выборов определенное влияние на готовность голосовать за слабых претендентов, судя по приведенным в таблице 7 данным, также могут оказывать оценки избирателями личных и профессиональных качеств кандидатов. Вместе с тем, данная гипотеза требует дополнительного подтверждения на основе анализа большего объема эмпирических данных.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

нейшими факторами голосования становятся узнаваемость имени доминирующего кандидата, с одной стороны, и известность партийных брендов его номинальных соперников, с другой.

Очевидно, что представленные результаты анализа мотивационной структуры электорального выбора носят самый предварительный характер. К числу перспективных задач сравнительного изучения мотивов голосования на выборах с разными уровнями конкуренции относятся.

1. Расширение эмпирических рамок исследования. Привлечение информации о других типах выборов. Анализ мотивации избирателей в условиях «двухпартийного» и «многопартийного» электорального соревнования.

2. Сопоставление структуры мотивации позитивного и негативного голосования в условиях реализации широкого набора

сценариев избирательной кампании.

3. Регрессионный анализ макро- и микромотивов электорального выбора (см., напр.: Nielsen and Larsen 2014). Выявление и сравнение ключевых мотивов, обеспечивших голосование за разные типы кандидатов (инкумбента, сильных и слабых претендентов) в условиях реализации разных сценариев избирательной кампании.

4. Факторный анализ микромотивов электорального выбора (см., напр.: Miller, Wattenberg and Malanchuk 1986). Выявление устойчивых сочетаний мотивов, обеспечивающих голосование за разные типы кандидатов в разных условиях электоральной борьбы.

Предполагается, что использование подобных аналитических процедур позволит получить более объективное и точное представление о структуре мотивации электорального выбора.

Библиографический список

1. Гельман В.Я. Электоральные исследования в российской политологии: «нормальная наука» в «нормальной стране»? – *Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007)*. Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2008. С. 62-82. [Gelman V.Y. Electoral Studies in the Russian Political Science: «Normal Science» in a «Normal Country»? – *Political Science in Russia: Problems, Trends, Schools (1990-2007)* [Politicheskaya nauka v Rossii: problemy, napravleniya, shkoly (1990-2007)]. Ed. by O.Y. Malinova. M.: ROSSPEN, 2008. P. 62-82. (In Russ.)]
2. Калинин К. 2006. Факторы электорального спроса на российском политическом рынке (На примере выборов губернатора Волгоградской области). – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 75-90. [Kalinin K. 2006. Factors of Electoral Demand at Russian Political Market (On an example of the election of the governor of the Volgograd Region). – *Polis. Political studies*. No 3. P. 75-90.]
3. Малкин Е.Б., Сучков Е.Б. 2006. *Политические технологии*. М.: «Русская панорама». 680 с. [Malkin E.B., Suchkov E.B. 2006. *Political Technologies* [Politicheskie tekhnologii]. M.: «Russkaya Panorama». 680 p. (In Russ.)]

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

4. Трегубов Н.А., Поселяющева И.А. 2014. Структура электоральных предпочтений студенческой молодежи: опыт социологического исследования. – *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки*. 2014. Т. 14. № 1. С. 81-87. [Tregubov N.A., Poselyayusheva I.A. 2014. The Structure of the Electoral Preferences of Students: Experience of Sociological Research. – *Bulletin of the South Ural State University. A Series of Social Sciences and Humanities*. Vol. 14. No. 1. P. 81-87. (In Russ.)]
5. Туровский Р.Ф. 2012. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? – *Полития*. № 3. С.100-120. [Turovsky R.F. 2012. The Electoral Space of Russia: From Imposed Nationalization to the New Regionalization? – *Politeia*. No. 3. P. 100-120. (In Russ.)]
6. Axelrod R. 1972. Where the Votes Come From: An Analysis of Electoral Coalitions, 1952-1968. – *American Political Science Review*. Vol. 66. No. 1. P. 11-20.
7. Berelson B.R., Lazarsfeld P.R. and McPhee W.N. 1954. *Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: University of Chicago Press. 396 p.
8. Bishin B.G., Stevens D. and Wilson C. 2006. Character counts? Honesty and fairness in Election 2000. – *Public Opinion Quarterly*. Vol. 70. No. 2. P. 235-248.
9. Black D. *The Theory of Committees and Elections*. Cambridge: Cambridge University Press. xiv, 242 p.
10. Blumenstiel J.E. and Plischke T. 2015. Changing Motivations, Time of the Voting Decision, and Short-term Volatility – the Dynamics of Voter Heterogeneity. – *Electoral Studies*. Vol. 37. No. 1. P. 28-40.
11. Cain B. 1978. Strategic Voting in Britain. – *American Journal of Political Science*. Vol 22. No. 3. P. 639-655.
12. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E. and Stokes D.E. 1960. *The American Voter*. New York: John Wiley and Sons. 573 p.
13. Cassino D. and Lodge M. 2007. The Primacy of Affect in Political Evaluations. – *The Affect Effect: The Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior*, ed. by W.R. Neuman, G.E. Marcus, A.N. Crigler, and M. Mackuen. Chicago: University of Chicago Press. P. 101-123.
14. Davis O.A., Hinich M.J. and Ordeshook P.C. 1970. An Expository Development of a Mathematical Model of the Electoral Process. – *American Political Science Review*. Vol. 64. No. 2. P. 426-448.
15. Dunk E. van. 1997. Challenger Quality in State Legislative Elections. – *Political Research Quarterly*. Vol. 50. No 4. P. 793-807.
16. Enelow J.M. and Hinich M.J. 1984. *The Spatial Theory of Voting. An Introduction*. N.Y.; Cambridge: Cambridge University Press, 1984. xv, 238 p.
17. Fiorina M.P. 1981. *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven, CT: Yale University Press. xi, 249 p.
18. Fuchs D. and Klingemann H.-D. 1990. The left-right scheme: Theoretical framework. – *Continuities in Political Actions*, ed. by M.K. Jennings, J. van Deth et al. Berlin: Walter de Gruyter. P. 203-234.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

19. Gaissmaier W. and Marewski J.N. 2011. Forecasting Elections with Mere Recognition from Small, Lousy Samples: A Comparison of Collective Recognition, Wisdom of Crowds and Representative Polls. – *Judgment and Decision Making*. Vol. 6. No. 1. P. 73–88.
20. Hayes D. 2010. Trait Voting in U.S. Senate Elections – *American Politics Research*. Vol. 38. No. 6. P. 1102-1129.
21. Hillygus D.S. 2010. Campaign Effects on Vote Choice. – *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior*, ed. by J.E. Leighley. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 326-345.
22. Holbrook T.M. 1996. *Do Campaigns Matter?* Thousand Oaks, California: Sage. 192 p.
23. Jacobson G.C. 2015. How Do Campaigns Matters. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 18. P. 31-47.
24. Jacobson, G.C. and Carson J.L. 2012. *The Politics of Congressional Elections*. (8th ed.). New York, NY: Longman. 309 p.
25. Jacoby W.G. 2002. Liberal-Conservative Thinking in the American Electorate. – *Research in Micropolitics: Political Decision Making, Participation, and Deliberation*, ed. by M.X. Delli Carpini, L.Huddy, and R.Y. Shapiro. Vol. 6. Greenwich, CT: JAI Press. P. 97-147.
26. Jansen G., De Graaf N.D. and Need A. 2011. Class voting, social changes and political changes in the Netherlands 1971–2006. – *Electoral Studies*. Vol. 30. No. 3. P. 510-524.
27. Kam C.D. and Zechmeister E.J. 2013. Name Recognition and Candidate Support. – *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 4. P. 971–986.
28. Key V.O. 1966. *The Responsible Electorate: Rationality in Presidential Voting 1936—1960*. New York: Vintage. 158 p.
29. Koppel J.G.S. and Steen J.A. 2004. The Effects of Ballot Position on Election Outcomes. – *Journal of Politics*. Vol. 66. No. 1. P. 267-281.
30. Laasko M. and Taagepera R. 1979. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. – *Comparative Political Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 3-27.
31. Lazarsfeld P.R, Berelson and B. Gaudet H. 1944. *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*. New York: Columbia University Press. 239 p.
32. Lewis-Beck M.S. and Stegmaier M. 2000. Economic Determinants of Electoral Outcomes. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 3 (1). P. 183-219.
33. Lewis-Beck M.S., Jacoby W.G, Norpoth H. and Weisberg H.F. 2008. *The American Voter Revisited*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 494 p.
34. Markus G.B. 1988. The Impact of Personal and National Economic Conditions on the Presidential Vote: A Pooled Cross-Sectional Analysis. – *American Journal of Political Science*. Vol. 32. No. 1. P. 137-154.
35. Miller A.H. 1990. Public Judgments of Senate and House Candidates. – *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 15, No. 4. P. 525-542.
36. Miller A.H., Wattenberg M.P. and Malanchuk O. 1986. Schematic Assessments of Presidential Candidates. – *American Political Science Review*. Vol. 80. No. 2. P. 521-540.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

37. Molinar J. 1991. Counting the Number of Parties: An Alternative Index. – *The American Political Science Review*. Vol. 85. No. 4. P. 1383-1391
38. Nielsen S.W. and Larsen M.V. 2014. Party brands and voting. – *Electoral Studies*. Vol 33. P. 153-65.
39. Rabinowitz G. and Macdonald S.E. 1989. A Directional Theory of Issue Voting. – *American Political Science Review*. Vol. 83. No. 1. P. 93–121.
40. Redlawsk D.P. 2001. You Must Remember This: a Test of the On-line Model of Voting. – *Journal of Politics*. Vol. 63. No. 1. P. 29–58.
41. Redlawsk D.P., Civettini A.J.W and Lau R.R. 2007. Affective Intelligence and Voting: Information Processing and Learning in a Campaign. – *The Affect Effect: The Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior*, ed. by W.R. Neuman, G.E. Marcus, A.N. Crigler, and M. Mackuen. Chicago: University of Chicago Press. P. 152-179.
42. Ronis D.L., Votes J.F. and Kirscht J.P. 1989. Attitudes, Decisions and Habits as Determinants of Repeated Behavior. – *Attitude Structure and Function*, ed. by R.P. Breckler and J. Steven. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates. P. 213-239.
43. Simon H.A. 1954. Bandwagon and Underdog Effects in Election Predictions. – *Public Opinion Quarterly*. Vol. 18. No. 3. P. 245-253.
44. Sullivan J.L., Aldrich, J.H., Borgida E. and Rahn, W. 1990. Candidate appraisal and human nature: Man or Superman in the '84 Election. – *Political Psychology*. Vol. 11. No. 3. P. 459-484.
45. Taber C., Lodge M. and Glathar J. 2001. The Motivated Construction of Political Judgments. – *Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology*, ed. J. Kuklinski. London: Cambridge University Press. P. 198-226.
46. Wattenberg M.P. and Powell S. 2015. A Policy-Oriented Electorate: Evaluations of Candidates and Parties in the Obama Elections Compared to the 1952-1980 Period. – *Presidential Studies Quarterly*. Vol. 45. No. 3. P. 540-557.

УДК 316. 74:37

АНТОНОВА Н.В.

Гендерные отношения как результат рационального выбора

В докладе проводится анализ гендерных отношений посредством теории рационального выбора. Основной акцент делается на рассмотрении макро- и микровзаимодействий индивидов в качестве причины существования гендерного неравенства. Проводится анализ гендерных отношений на макро-, мезо- и микроуровне. Особое внимание уделяется статусу женщин в сферах политики, экономики и науки, а также социальным представлениям о феминных и маскулинных качествах личности и гендерных ролях. Гендерное неравенство, в частности низкий социальный статус женщин, объясняется исходя из рациональных выборов, совершаемых индивидами в повседневной жизни в экономической, политической, социальной и культурной сферах общества.

Ключевые слова: гендер, рациональный выбор, гендерное неравенство, женщины, семья, занятость, политика, дискриминация, гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная идентичность, феминность, маскулинность.

Антонова Наталья Викторовна, доцент кафедры социологии, кандидат философских наук, Южно-Уральский государственный университет. Сфера научных интересов – гендерные исследования. E-mail antat@yandex.ru.

В теории рационального выбора анализ жизни общества основывается на допущении о том, что в своем поведении индивиды рационально выбирают ту стратегию действий, которая, по их мнению, будет наиболее эффективно содействовать достижению желаемого результата. Различные социальные структуры оказывают влияние на поведение людей, так как любые ограничения в итоге служат их интересам. В то же время, макросоциальная реальность детерминирована взаимодействиями акторов, осуществляющимися на микроуровне, и поэтому, как утверждает Дж. Коулман, содержание макросоциальных реалий можно понять, если анализировать макро- и микровзаимодействия и трактовать выбор как «оптимизационный процесс, рациональный в своей основе» [7, С. 232].

Гендерные отношения представляют собой социальные отношения, складывающиеся между индивидами и социальными группами как друг с другом, так и с обществом в целом в контексте исполнения определенных гендерных ролей и следования заданным гендерным нормам, вследствие чего различные гендерные группы занимают определенную позицию в социальной иерархии. Таким образом, чтобы оказаться в более привилегированном положении, индивиды выбирают такую стратегию поведения, которая бы способствовала получению социальных бонусов – одобрения и

власти. Однако стремление следовать установленным нормам может вступать в противоречие с собственными желаниями и потребностями личности. В этом случае можно говорить о гендерном конфликте, в результате которого человек либо подчиняется принятому порядку, либо вступает в конфронтацию с существующей системой, зачастую оказываясь в исключении и состоянии маргинальности.

Рассматривая гендерные отношения как результат рационального выбора, можно объяснить причины укоренившегося гендерного неравенства в российском обществе и особенности выбора той или иной модели гендерного поведения отдельными индивидами. С этой целью проанализируем механизм рациональных выборов, осуществляемых мужчинами и женщинами на макро, мезо- и микроуровне общественных отношений, который потенциально может привести к получению выгод одними и исключению и маргинальности других.

На макроуровне особенности гендерных отношений, формирующихся в результате сделанных корпоративными акторами выборов, целесообразно рассматривать в рамках социальных институтов – политических, экономических и социально-культурных.

Интеграция теории рационального выбора и концепций, анализирующих поведение женщин на рынке труда, помогает объяснить причины гендер-

ной дискриминации. Так, согласно неоклассическому экономическому подходу, устойчивая разница в оплате труда объясняется более низкой производительностью женского труда. Семейные обстоятельства оказывают влияние на рациональный выбор, который делают женщины на рынке труда, заставляя их с большей вероятностью выбирать профессии с относительно низкой отдачей от профессионального опыта и небольшими издержками в связи с временным уходом из сферы занятости. Основная идея институциональных теорий состоит в том, что социальные институты (профсоюзы и крупные компании) играют важную роль в формировании и упорядочивании найма, увольнения и продвижения в должности, а также в определении уровня оплаты труда. Мужчины, в среднем имеющие более непрерывный трудовой стаж, чем женщины, обладают преимуществом при найме на работу в фирмы первичного сектора, обеспечивающего более высокий уровень оплаты труда и возможности карьерного роста. Гендерные теории демонстрируют, насколько прочно взаимосвязаны характеристики «женских» профессий и гендерные стереотипы в отношении профессиональных особенностей полов [1], предполагая, что мужчины и женщины выбирают виды деятельности согласно принятым гендерным нормам.

В связи с этим, причины ген-

дерной дискриминации на рынке труда могут иметь как объективный, так и субъективный характер. Объективный характер дискриминации женщин на рынке труда связан с их семейными ролями – женщины имеют меньше времени и возможностей делать карьеру, работать без перерыва, по жёсткому графику и выполнять сверхурочную работу. Чаще всего они заняты в низкооплачиваемом секторе рынка труда на тех работах, которые не способны обеспечить финансовую самостоятельность и усугубляют зависимость от заработка мужа. При этом, чем более женщина идентифицирует себя с ролью домохозяйки, тем выше у нее стандарты выполнения домашней работы, а значит, тем больше времени она проводит за этим занятием.

Менеджеры по персоналу признают, что предлагают кандидатам-женщинам зарплаты заведомо меньше по сравнению с мужчинами в целях покрытия возможных издержек, которые понесет фирма, если сотрудница уйдет в декрет или будет длительное время сидеть на больничном с ребёнком. Исследователи подсчитали, что в 41,1% российских компаний для того чтобы занять руководящую должность, желательно быть мужчиной. И только 14,9% компаний предпочитают видеть женщин в роли руководителей [2]. Осознавая это, женщины делают выбор в пользу меньших окладов и оценивают свои навыки и умения скромнее по

сравнению с мужчинами, не считая нужным требовать повышения заработной платы и стремиться подняться по карьерной лестнице. Тем самым они пытаются совместить работу и семью, отдавая предпочтение последней. В этом случае имеет место субъективный характер дискриминации женщин, который определяется предубеждениями работодателей относительно того, что женщина – худший работник, причём эта оценка может не иметь ничего общего с профессиональными качествами конкретной женщины.

Даже если женщине удастся войти в мир бизнеса, то зачастую они занимают вспомогательные управленческие должности. Доля женщин-генеральных директоров или членов советов директоров крупных и средних компаний остается чрезвычайно низкой [10]. Так, по мнению Людмилы Сырвачевой, известного российского предпринимателя и арбитражного управляющего, несмотря на то, что в малом бизнесе (сфере торговли и бытового обслуживания) женщин гораздо больше, чем мужчин, в сферах с огромными финансовыми и властными ресурсами – нефтегазовой отрасли, машиностроении, строительстве, транспорте и тяжелой промышленности – традиционно доминируют мужчины [5]. Для большинства женщин характерна установка на признание меньших лидерских способностей женщин по сравнению с мужчи-

нами, но опыт женского предпринимательства демонстрирует, что женщины успешно справляются с лидерскими функциями [14].

Мужчины при выборе карьерной стратегии ориентируются не на «линейное восхождение», а на материальные бонусы, а также возможности творческой самореализации. У многих из них есть желание стать ответственными отцами, а некоторые готовы к участию в работе «папа-групп» и партнерским родам. Но новая роль отца для них не подразумевает ухода с рынка труда на продолжительный срок в связи с рождением ребенка. Это объясняется не только экономическими соображениями, так и традиционной гендерной идеологией, которая заботу и уход за младенцем видит в качестве материнской прерогативы [16]. Таким образом, из-за отсутствия у мужчин необходимости выбирать между семьей и карьерой, они отдают предпочтение единственно возможному «естественному» варианту – обеспечению семьи и максимизации дохода. С 2007 года в России принят закон, согласно которому отец имеет право взять декретный отпуск по уходу за ребенком и получать социальное пособие от государства. Марина Пискалова [3], президент московского кризисного центра «АННА», подобную практику считает правильной, но не верит в то, что она получит распространение в России. Она утверждает, что «мужчины по природе своей более кон-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сервативны и семью часто видят в более консервативном фокусе». Кроме того, мужчины, выполняя «типично мужскую» домашнюю работу и стремясь избегать выполнения «женских» дел, делают выбор в пользу традиционной модели маскулинности. И хотя у многих женщин есть высшее образование и высокий уровень достатка, у них достаточно сильны установки на этот патриархальный подход, поэтому они верят в свое «женское предназначение» и зачастую страдают от чувства вины, из-за того, что зарабатывают больше мужа», так как браки, в которых доминирует женщина, являются нетипичными для патриархальной культуры и могут влиять на уровень удовлетворенности супружескими отношениями. По этой причине женщинам приходится совершать выбор в пользу совмещения работы и семьи, не перекладывая домашний труд на плечи мужа, даже если они подвергаются существенным психоэмоциональным нагрузкам.

Вместе с тем, нет никаких врожденных особенностей, которые бы не позволяли женщинам быть хорошими руководителями. Анализ стилей руководства женщин и мужчин во власти и бизнесе убеждает в том, что несмотря на то, что существует некоторая специфика женского лидерства по сравнению с мужским – опора на интуицию, умение работать с «мелкой сеткой проблем», большее внимание отношениям в коллективе – со-

временный менеджмент все больше утрачивает привязанность к биологическому полу. Эффективные руководители в настоящее время вполне успешно усваивают двойной репертуар управленческих технологий, выбирая более рациональный тип управления в конкретной ситуации [14].

Политика в современном обществе также может выступать одной из сфер женской самореализации. Однако на практике существует множество невидимых барьеров – гендерных предрассудков, которые препятствуют достижению женщинами ключевых постов в политических структурах. Доминирующая в обществе система гендерных стереотипов изначально делает женщину неконкурентоспособным и невыгодным работником из-за широкой распространенности установок, согласно которым женщина является таким же работником, как и мужчина, только более слабым физически и временно прерывающим занятость для рождения и воспитания детей. К тому же считается, что для женщины сделать карьеру в «мужской» политической сфере – более сложная задача по сравнению с мужской, так как ей нужно не только больше работать и не просто быть на голову выше остальных, но и еще оставаться женщиной – заботиться о доме и детях. Однако большая часть населения, в том числе и сами женщины, не видит в низком политическом представительстве женщин никакой проблемы. С дет-

ства мальчиков настраивают на то, что им придется работать, чтобы прокормить семью, а девочек учат быть хранительницей домашнего очага, поэтому у многих девушек даже не возникает каких-либо амбиций по поводу карьеры, в том числе, и в сфере политики.

В нашем обществе карьерных достижений ждут прежде всего от мужчин, а успехи и неудачи женщины принято измерять в рамках их традиционной роли – благополучно ли она вышла замуж (чаще – вышла ли вообще) и родила ли ребенка (лучше двух). Если женщина и достигла профессиональных успехов, то зачастую с ее способностями это не связывают, а списывают на фактор «удачи». Успешных женщин часто укоряют в том, что они отстраняются от своих «прямых обязанностей», подчеркивая, что женственность и карьера не совместимы, так как традиционный стереотип феминности не требует быть лидером, твердой, решительной и уверенной в себе – этих качеств ждут от мужчин. Поэтому женщины зачастую склонны к самодискриминации и стараются ориентироваться на достижение успехов в «типично женских» сферах – образовании, социальной работе, здравоохранении, индустрии красоты, сфере розничной торговли. Причем если во время получения высшего образования девушки не менее амбициозны, чем молодые люди, то после окончания обучения женщины зачастую сталкиваются с

огромным давлением общественного мнения, которое настаивает на выполнении женщинами традиционной гендерной роли. К тому же после выхода на работу и столкновения с реальными трудностями, эти амбиции исчезают, появляется неуверенность, происходит отказ от своих прежних планов и целей, и женщина вынуждена концентрироваться на выполнении семейных ролей [13]. Тем самым они осуществляют рациональный выбор в пользу следования нормам традиционной женственности.

Однако проблема политического участия женщин заключается не в их малом представительстве на государственных и муниципальных должностях в целом, а в их отсутствии на лидирующих позициях. Такая же ситуация складывается и в партиях, в региональных отделениях которых присутствуют достаточно много женщин, но депутатами федерального или регионального парламента из них становится лишь малый процент. Женщины, по сути, составляют всего лишь обслуживающий аппарат и обеспечивают процесс принятия мужчинами решений. Елена Драпеко, член фракции «Справедливая Россия», отмечает, что «женщине в политике, как и во многих других сферах, «узурпированных» мужчинами, надо быть в два раза умнее, хитрее, грамотнее и одновременно в два раза выдержаннее и терпеливее, чтобы достичь успеха» [15], т.е., выбирать не свойственный ей маскулинный

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

стиль поведения.

На государственных и муниципальных должностях женщин гораздо больше мужчин, и именно этот факт приводят в качестве главного аргумента, когда пытаются доказать отсутствие дискриминации женщин. Но здесь важно не количество, а степень обладания реальной властью. В этом отношении проблема гендерного дисбаланса российских политических структур становится более явной. Так, в Государственной Думе РФ женщины составляют 13%; в Совете Федерации – 17%; Кабинете министров – 6.5%; среди губернаторов – 3.5%; в Общественной палате – 26.50% [10].

Отсутствие в современном российском обществе институциональных механизмов продвижения женщин в политику и власть приводит к тому, что их политическая карьера является, скорее, результатом стечения благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии. Среди них достаточно низкий процент представителей гражданского общества, женских и молодежных организаций, и тема введения квот, как и обсуждение проблем гендерного неравенства в политике, пока не являются актуальными ни для их партийного руководства, ни для самих женщин-политиков [17, с.47]. Это объясняет тот факт, что закон о гендерном равенстве «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации (О государственных гарантиях равнопра-

вия женщин и мужчин)» так до сих пор и не принят. Отчасти это связано с тем, что несколько семейно-патриотических общественных организаций проанализировав данный закон, пришли к выводу, что он представляет опасность для института семьи и базовых культурно-нравственных ценностей, что говорит о продолжающемся преобладании традиционных патриархальных ценностей в нашем обществе.

Между тем, данные опросов общественного мнения, проведенных Левада-центром [8], демонстрируют небольшой раскол в позиции мужчин и женщин в отношении гендерного равенства в политике. Так, за «полностью равные права с мужчинами» высказываются 51% мужчин и 75% женщин; с тем, чтобы «женщины занимали государственные посты наравне с мужчинами» согласны 50% мужчин и 78% женщин; в целом, участие женщин в политике одобряют 66% мужчин и 86% женщин; хотели бы видеть в ближайшие 10–15 лет президентом России женщину 44% респондентов-женщин и только 21% мужчин. В интернет-дискуссиях на гендерную тему мужчины достаточно часто придерживаются сексистских взглядов. Что касается женщин, то они, обсуждая женщин-политиков, настроены к ним не менее критично – еще строже оценивают их внешность и также связывают их политическую карьеру с «личной судьбой» [9], тем самым оценивая выбор в пользу политики как менее ценный и зачастую иррациональный.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Семейная государственная политика по-прежнему остается традиционалистской. Сформировавшаяся на протяжении тысячелетий теория о семейном предназначении женщины, выступает обоснованием ее низкого статуса в производственной сфере. В большей степени проводимая в России социальная политика в отношении женщин сконцентрирована на поддержке материнской роли, а не на интеграции ролей обоих работающих родителей. Данная стратегия ведет к усилению гендерного неравенства в семье, оставляя за женщиной традиционный выбор роли матери, заботящейся о ребенке, который приводит ее к долгосрочному отсутствию женщины в сфере оплачиваемой занятости [18]. Низкое представительство женщин в бизнесе и политике способствует приобретению государством определенных выгод, прежде всего, это демографический рост населения. У самих женщин в виду отсутствие реальных возможностей и поддержки со стороны государства в самореализации в публичной сфере, по сути выбора не остается, и они принимают сложившийся социальный порядок, считая его естественным положением вещей.

Подобная ситуация складывается и в науке. По мнению заместителя директора Института психологии РАН В. Кольцовой [11], в науке многое зависит не от биологического пола человека, а от его профессио-

нальных навыков, таланта, способности работать. Однако психолог признает, что женщине работать тяжелее, чем мужчине, поскольку у последнего существует больше возможностей, чтобы сосредоточиться на работе, а не на выполнении семейных обязанностей. Таким образом, и здесь мы имеем дело с рациональным выбором, который совершает женщина в отношении занятий и особенно руководства наукой и семейных обязанностей. Пытаясь их совмещать, она не добивается большого успеха ни в одной из них. Вместе с тем, как и в других сферах, в науке действуют стереотипы, сформировавшиеся в патриархальной культуре, обуславливающее скептическое отношение к женским возможностям в научных исследованиях и распределение премий не в пользу женщин. Так, Нобелевскому лауреату Тиму Ханту пришлось даже уволиться со своей должности профессора в Университетском колледже Лондона из-за его твердой убежденности в том, что женщины в научных лабораториях мешают мужчинам работать, отвлекая служебными романами, «а тот факт, что у них "глаза на мокром месте", лишь усугубляет ситуацию» [11].

На мезоуровне гендерные отношения приобретают характер неравенства из-за конфликта социальных ролей, который часто возникает из-за несоответствия существующим гендерным стереотипам.

Гендерные стереотипы, являющиеся разновидностью соци-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

альных стереотипов, представляющих собой негласные законы гендерного порядка и содержат схематизированные представления о нормативном мужском и женском поведении, определяя меру личной свободы и самореализации, задавая тот или иной тон гендерным отношениям. Главным образом, гендерные стереотипы базируются не на рациональном знании, а на гендерных предрассудках, так как на протяжении столетий они формировались в традиционной патриархальной культуре, которая все «женское» определяла, как девиацию, а истинно человеческими качествами считались те, которые ассоциировались с мужским началом. В повседневной жизни гендерные стереотипы зачастую критически не осмысливаются, однако они руководят поведением личности и задают определенный вектор отношения к другим людям. Основными их свойствами являются экономия времени на обработку информации и упорядочивание картины мира в соответствии с существующими в сознании шаблонами во избежание когнитивного диссонанса при восприятии новых элементов реальности. Гендерные стереотипы осуществляют поддержку определенных моделей поведения. Рациональный выбор в данном случае если и осуществляется, а не совершается неосознанно, по традициям, то может совершаться в отношении стратегии следования одним и отвержения других стереотипов в целях достижения состояния безопас-

ности, доверия и гармонии.

В контексте теории рационального выбора мы можем утверждать, что основные социальные институты, система распределения власти в гендерном разрезе, экономическое неравенство на рынке труда, идеология СМИ, государственная семейная политика предопределяют выбор гендерных моделей. Как уже отмечалось выше, на первый взгляд, индивидуальные акторы – мужчины и женщины его делают неосознанно, но при более глубоком рассмотрении оказывается, что они воспроизводят архетипические паттерны, глубоко укоренившиеся в общественном и индивидуальном сознании. Так, например, СМИ через рекламу и развлекательные ток-шоу наделяют женщин определенными качествами, необходимыми для исполнения традиционных ролей: хозяйственность, сексуальность/красота, заботливость, послушание, которые воплощаются в образах домохозяйки, матери, беспечной красавицы, сексуального объекта, главная цель которого – продать товар), реже в образе деловой женщины. Что касается мужчин, то их основными качествами, приписываемыми рекламой, выступают сила, успешность, компетентность, уверенность в себе, соревновательность, беспечность, сочетающиеся в образах бизнесмена, эксперта, мачо, спортсмена, главы семейства. Названные качества и образы практически полностью соответствуют оценкам свойств фе-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

минности/маскулинности, данным в ходе опросов общественного мнения, рассмотренным ниже, и если учитывать, что масс-медиа не только отражают реальность, но и формируют определенные нормы и стереотипы, можно сделать вывод, что возможности выбора альтернативных моделей гендерного поведения в российском обществе существенно ограничены и доминирующими по-прежнему остаются традиционные патриархальные стереотипы, которые с учетом реалий времени действуют уже не так жестко, но пока далеки от эгалитарной идеологии.

На микроуровне гендерные отношения рассматриваются исходя из гендерной идентичности и выбора определенной модели феминности и маскулинности отдельными и индивидами.

Процесс формирования гендерной идентичности начинается в детском возрасте и, в большей степени, проходит неосознанно во многом благодаря действию механизма «дифференциальное подражание», заключающегося в выборе определенных гендерных моделей поведения в референтных группах, осуществленному в результате подражания принятому в них поведению. Позднее индивиды утверждают в сделанном выборе гендерной идентичности, усваивая характерные гендерные нормы и роли, воплощая их затем в определенных стилях поведения. Соответствие принятой гендерной модели поведения поддерживается агентами и инсти-

тутами социализации в ходе действия механизма дифференциального усиления, при котором приемлемое гендерное поведение поощряется, а неприемлемое вызывает социальное неодобрение, вплоть до социального исключения. В рамках теории рационального выбора это можно объяснить высокой значимостью норм для акторов, действующих рационально. Так, нормы формируются и воспроизводятся теми индивидами, которые видят выгоду от их соблюдения и просчитывают вред от их нарушения. Эффективность действия норм зависит от того, насколько основательно они усвоены людьми, что дает им возможность контролировать их поведение через санкции или угрозу применения санкций [7, с.235].

Неотъемлемыми компонентами гендерной идентичности и формами самопрезентации индивида в обществе и культуре являются феминность и маскулинность, которые воплощают заданные обществом и культурой гендерные нормы. Существуют различные подходы, применяемые для описания данных понятий, которые четко показывают, какие поведенческие паттерны для женщин и мужчин являются нормативными. Так, эссенциалистский подход настаивает на том, что сущностные черты, составляющие «ядро» маскулинности и феминности (активность, агрессивность, соперничество и т. п. для мужчин и пассивность, покорность, заботливость и т. п. для женщин) предопре-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

делены природой. Позитивистский подход определяет маскулинность и феминность посредством эмпирически валидного описания того, какие мужчины и женщины есть («на самом деле»), описание образцов мужского и женского поведения, образа жизни мужчин и женщин в различных социальных средах и культурах. Нормативный подход предполагает существование нормативных моделей мужественности и женственности, стандарта того, какими мужчины и женщины должны быть. К примеру, гегемонная маскулинность провозглашается в качестве социальной нормы, а другие виды мужественности позиционируются в качестве маргинальных. Семiotический подход определяет символические различия между мужественностью и женственностью, в контексте которого маскулинность и феминность находятся в оппозиции, т. е. мужественность понимается как не-женственность [12, с. 152–154]. Таким образом, делая выбор в отношении определенной модели феминности и маскулинности, подкрепляя его следованием определенным нормам и соответствующим ролям в частной и публичной сферах, индивиды стремятся вписаться в существующий гендерный порядок, чтобы избежать состояния маргинальности и отчуждения.

В российском обществе продолжают господствовать традиционные представления о женственности и мужественности. Так, по результатам опро-

сов Левада-центра [6], женщины больше всего в мужчинах ценят ум (60%), умение зарабатывать (51%), порядочность (40%), верность (36%) умение сопротивляться невзгодам (24%), стремление к успеху (20%), заботливость (25%), хозяйственность (17%), что соответствует канону гегемонной маскулинности. Мужчины же в женщинах ценят, прежде всего, хорошую внешность (49%), хозяйственность (46%), верность (38%), заботливость (36%), ум (31%), порядочность (29%), сексапильность (15%), способность соперничать (14%). При этом те качества, которые признавались наиболее желательными для мужчин, по отношению к женщинам оказались гораздо менее ценными – это ум (60% против 31%), умение заработать (51% против 6%), стремление к успеху (20% против 2%), умение сопротивляться невзгодам (24% против 6%). В то же время, хорошую внешность у мужчин признали ценными всего 7% женщин, хозяйственность – 17%, заботливость – 25%, способность соперничать – 6%. По большинству позиций мужчины и женщины оказались солидарны. Данные оценки соответствуют традиционным патриархальным представлениям о типично мужских и типично женских качествах, являющихся необходимыми для исполнения определенных социальных ролей – мужчина должен быть главой семьи, кормильцем и защитником (отсюда высокая оценка умственных способностей, умения заработать и сопротивляться невзгодам), а женщине следует быть хранительницей домашнего очага, верной женой и заботли-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

вой матерью.

Таким образом, применение теории рационального выбора к анализу гендерных отношений помогает объяснить долговечность гендерных стереотипов – корпоративные агенты поддерживают модернизированный с учетом реалий XXI века патриархальный гендерный порядок с молчаливого согласия / нежелания быть «не такими как все» отдельных индивидов. Если индивиды не следуют заданным нормам маскулинности и феминности, т.е. делают «нерациональный» выбор гендерной модели поведения, это зачастую приводит к личностно-ролевым и межролевым конфликтам – в семье,

трудовых коллективах – и встречаются с осуждением со стороны общественного мнения.

Существование биологических различий между полами не подвергается сомнению, но вместе с тем, они не должны выступать поводом для дискриминации, их необходимо признавать и уважать, на этом и должны строиться отношения гендерного равенства, а вовсе не в стремлении сделать всех одинаковыми. Поэтому изменения в сфере гендерных отношений возможны при грамотно разработанной и эффективно реализуемой гендерной политики, направленной на расширение социально-экономических прав и возможностей как

Библиографический список

1. Анкер Р. Теории профессиональной сегрегации по признаку пола: аналитический обзор [Текст] / Р. Анкер. - Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН-МЦГИ-“Русская панорама”, 2002. – С. 299–328.
2. Анташева Ю. Руководитель – слово мужского рода [Электронный ресурс] / Ю.Анташева Режим доступа: <http://www.express-job.ru/article/345/14/>.
3. Войкова, Н. Эпоха биархата [Электронный ресурс] / Н.Войкова // Блики. – 2008. – № 03. – Режим доступа: <http://www.blikimag.ru/journal/2008/2008-3/418.html>.
4. Выбор женщины: карьера или семья? Пресс-выпуск ВЦИОМ от 06.03.2014 [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114735>.
5. Жукова В. Людмила Сырвачева. Чтобы быть равной с мужчиной, женщина должна быть на голову выше [Электронный ресурс] / В.Жукова и др. – Режим доступа <http://www.blikimag.ru/journal/2008/2008-1/166.html>.
6. Качества, которые мужчины и женщины ценят друг в друге. Пресс-выпуск Ле-вада-центра от 13.02.2015 [Электронный ресурс] / Режим доступа:<http://www.levada.ru/2015/02/13/kachestva-kotorye-muzhchiny-i-zhenshhiny-tsenyat-drug-v-druge/>.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

7. Кравченко С. А. Социология. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения.– Т. 2 [Текст] / С. А. Кравченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 641 с.

8. Международный женский день и гендерное равноправие [Электронный ресурс] / Режим доступа:<http://www.levada.ru/2016/03/04/mezhdunarodnyj-zhenskij-den-i-gendernoe-ravnopravie/>.

9. Обыденный сексизм: существует ли в России равноправие полов [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/04/13/obydennyj-seksizm-sushhestvuet-li-v-rossii-ravnopravie-polov/>.

10. Попова А. России необходимо больше женщин-лидеров в политике: почему [Электронный ресурс] / А. Попова. – Режим доступа: <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=1693526>.

11. Существует ли дискриминация женщин в науке? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/society/2015/06/150611_5floor_women_science_discrimination.

12. Тартаковская И.Н. Гендерная социология [Текст] / И.Н.Тартаковская. – СПб: Невский Простор, Вариант, 2006 г. – 368 с.

13. Толоч Е.С. Женщина в российской власти: препятствия на пути интеграции [Электронный ресурс] / Е.С. Толоч. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-v-rossiyskoj-vlasti-prepyatstviya-na-puti-integratsii>.

14. Тюрина И.О. Гендерные аспекты занятости и управления [Текст]/ И.О. Тюрина // Социологические исследования. – 2002. – №11. – С. 135–142.

15. У политики не женское лицо? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nvspb.ru/stories/u-politiki-ne-jenskoe-lico-44582/?version=print>.

16. Чернова Ж. Брак вдгонку. Гендерные стратегии молодых взрослых [Электронный ресурс] / Ж.Чернова. – Режим доступа: <http://genderpage.ru/?p=604>.

17. Чирикова А.Е. Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик / А.Е. Чирикова // Сравнительная политика. – 2013. – №2(12). – С. 29–49.

18. Штылева М.В. Гендерное равенство не требует никаких доказательств [Электронный ресурс] / М.В. Штылева. – Режим доступа: http://sci-article.ru/stat.php?i=gendernoe_ravenstvo_ne_trebuet_nikakih_dokazatelstv_1.

УДК 141.334 + 008.4

Соломко Д.В.

Повседневность как театральный дискурс

Повседневность характеризуется как привычная рутинная жизнь, протекающая в общеизвестных ситуациях, отличающаяся нерефлексивностью, автоматизмом, отсутствием сознательной вовлеченности. Театральный дискурс, с одной стороны, есть знаковая, условная, символическая реальность. С другой стороны, он выступает пространством, в котором соединяются и взаимодействуют элементы разнообразных языковых систем. И, наконец, театральный дискурс выступает средством особого преобразования повседневности, путем активного подражания. Театральный дискурс есть знак повседневности, некий оптический прибор, позволяющий выйти за пределы повседневного опыта и встретиться с самой безусловностью. Целью осознания повседневности как театрального дискурса является гармонизация и консолидация внутреннего мира человека.

Ключевые слова: культура, повседневность, театр, театральный дискурс, театральность, экзистенция.

Соломко Дмитрий Витальевич, окончил Челябинскую государственную академию культуры и искусств (2006), кандидат философских наук (2010), с 2010 г. – доцент кафедры философии ЮУрГУ. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология, философия искусства, философия театра. E-mail: dimiurg85@mail.ru

Бытие человека в современной культуре, его повседневности нередко характеризуется как привычная рутинная жизнь, протекающая в общеизвестных ситуациях, отличающаяся неререфлексивностью, автоматизмом, отсутствием сознательной вовлеченности. Состояние в режиме неосознанного постепенного существования опасно для человека. Предлагаемые обстоятельства таковы, что человек как социальный субъект, стремясь занять свое место в обществе, заработать определённый социальный статус, неизбежно вступает во множество социокультурных связей и отношений, предполагающих разнонаправленность и как следствие раздробленность его повседневной жизни. Его Я, осваивая и исполняя множество ролей, дифференцируется. Человек всякий раз вынужден, нарушая свою целостность, проявляться частично.

Разновекторность повседневного бытия человека порождает ситуацию одновременного существования различных моделей и интерпретаций происходящего. Процесс дифференциации, ведущий к раздробленности повседневности, с одной стороны, может быть представлен как объективное, не зависящее от воли человека, явление или даже универсальный принцип или закон бытия вообще. С другой стороны, как объективный результат самой творческой деятельности человека, когда он, попадая в своеобразную ситуацию отчуждения, становится заложником созданной

многомерности.

Подобное существование может продолжаться до бесконечности и свойственно человеку, в особенности современному. Более того, нередко отсутствует его должное осмысление, что порождает привычку к подобному образу жизни. Однако потребность в возвращении к самому себе, к своему подлинному Я, неизбежно возникает. Для человека актуализируется проблема гармоничного и целостного существования, экзистенциальная проблема собирания себя, соединения и сохранения собственного внутреннего мира.

Подлинное Я целостно, оно обнаруживается в причастности более универсальной целостности. Такие феномены культуры как миф, религия, философия, искусство способны привести человека в состояние подлинного бытия, которое есть целостное существование. Человек всегда стремился найти или создать средства собирания себя, способные обозначить путь к гармонизации себя с окружающим миром или самим собой в процессе бесконечного становления, осознания себя как части мира, самим миром, «микрокосмом» и «макрокосмом».

Вся история европейской культуры, начиная с античности, наглядно показывает, что для этого человеку необходим некий внешний по отношению к нему проводник, медиатор, вырабатывающий и транслирующий ценности, нормы, смыслы культуры. В ряду подобных средств, консолидирующих

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

жизненный мир человека, особое место занимает феномен театра. Театр как органичный феномен культурного пространства, оказывается тем местом, в котором собирается и соединяется в единое целое множественность компонентов культуры. Сегодня театр продолжает выполнять гуманистическую функцию консолидации повседневного бытия человека, дает возможность человеку встретиться с собой целостным и уникальным.

Природа театра динамична, театральная жизнь, характеризуется постоянным совершенствованием и поиском новых приёмов, форм, технических средств и др. Театр в символической форме представляет повседневную жизнь. Своеобразным ядром театра, сохраняющимся в рамках любых нововведений, остается театральный дискурс, понимаемый как единое коммуникативное пространство, обладающее устойчивой структурностью, реализующее и воспроизводящее всеобщее отношение уникального и универсального через взаимодействие сценического и зрительского пространств. При этом квинтэссенцией театра, некой константой, можно считать *театральность*, формой проявления которой как раз и выступает театральный дискурс. В настоящем исследовании, говоря о феномене театральности, будет подразумеваться феномен театральности дискурса.

Театральность представляется тем атрибутивным свойством, по которому можно судить, что есть театральный дис-

курс, а что не является таковым. Театральность, с одной стороны, есть знаковая, условная, символическая реальность. С другой стороны, театральность выступает пространством, в котором соединяются и взаимодействуют элементы различных языковых систем. И, наконец, театральность выступает средством особого преобразования повседневности, зачастую через путь активного подражания.

Однако при экстраполяции выделенных характеристик феномена театральности на феномен повседневности, обнаруживается, что мир повседневности преисполнен театральностью. На сегодняшний день театральность пронизывает практически все сферы жизни современного человека. Человек каждодневно исполняет множество ролей, так называемых социальных ролей, при этом его Я дифференцируется и проявляется как частичные я. Человек актер своей собственной драмы, творящий свою повседневную жизнь в обстоятельствах независимых от него, в предлагаемых обстоятельствах культуры, природы, мира в целом.

При таком подходе к исследованию феноменов повседневности и театральности обнаруживается их единый корень, проявляющийся в данных феноменах с различной степенью знаковой насыщенности и символичности. Корнем мы называем то безусловное пространство, в котором разворачиваются условные перипетии повседневности, по отношению к которому она сама становится

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ся знаком. Театральность есть знак повседневности, некий оптический прибор, позволяющий выйти за пределы повседневного опыта и встретиться с самой безусловностью. Театральность есть медиатор, проводник, посредством которого можно осуществить переход от повседневности к безусловной реальности. Это не переход от знака к денотату, а встреча непосредственно с самим смыслом. Понимание наступит тогда, когда произойдет остановка языка и знака, подобию и подражания. Смысл – это не комментарий, остающийся в знаковом и значимом мире. На наш взгляд подобное понимание не может быть осуществлено в рамках научного подхода, науки как таковой, даже философской. Здесь мы проводим границу для познавательных возможностей науки, поэтому в рамках настоящего исследования мы ограничимся лишь тем, что будем иметь это в виду. Повседневность, осознанная как театральность, указывает на реальность безусловного характера.

На наш взгляд, целью осознания повседневности как театральности является гармонизация и консолидация внутреннего мира человека. Театральность есть целостное универсальное пространство, способствующее осуществлению причастности человека к миру, природе или своему подлинному Я. Так как человек обнаруживает свою целостность перед лицом другой, универсальной целостности, через сопричастность ей. Осознание театральности повседневности есть про-

водник на пути к непосредственному созерцанию смыслов и переживанию человеком своего бытия-в-мире.

Оценка повседневности как театральности открывает человеку возможность собирания себя из многообразия своего существования, пробуждения и обнаружения своей экзистенции – ядра человеческого существования. Человек целостный – это устойчивый и собранный человек, имеющий свой стержень и точку опоры, благодаря которой он способен воспринимать текучий мир культуры таким какой он есть. Точка опоры есть момент «здесь и сейчас». Именно в состоянии «Я есть здесь и сейчас» человек способен открыться миру, не противостоять миру, но быть с миром и/или быть миром. Это есть состояние устойчивости и равновесия в непрерывно нарастающем и поглощающем человека культурном многообразии, текучести и изменчивости. Это нередко требует беспощадного личностного культурного усилия, ведь экзистенция – это обретаемая собственная природа человека. Путь к осознанию, что повседневность есть театральность, несомненно, ведет к экзистенции, которая не подчиняется ни догмам, ни прочным законам, ни правилам. Экзистенция есть уникальное и неповторимое бытие исторически конкретного человека.

Пространство современной культуры, плюральность которой нередко доходит до абсурда, наиболее наглядно демонстрирует свою природу, которую и можно выразить понятием теат-

ральность. Яркость и многообразие современных форм культуры, увлекают и захватывают человека, поглощают и поработают его подлинную сущность. Выход из существующего положения видится в сознательном трансцендировании, которое есть выход за пределы повседневного опыта, взгляд на ситуацию со стороны, словно все есть игра, театральное представление.

Момент осознания повседневности как театральности есть событие, скачок, некий ключ к «перерыву постепенности» в жизни человека. В этот момент театральность открывает возможность для человека осуществления своеобразного скачка, прерывания режима рутинно-обыденного существования. Человек осуществляет выход из суеты, благодаря сознательному усилию, позволяющему быть человеком в полном смысле этого слова.

Надо отметить, что осознание человеком повседневности как театральности, может привести к крайности отчуждения человека от мира. Человек должен отдавать себе отчет, что повседневность не просто разворачивается перед ним подобно театральному представлению, разворачивающемуся перед зрителем, она проживается им, причём с непосредственным участием. Сопричастность человека повседневности и осознания ее как театральности обостряет восприятие и ощущение его единства с миром. Не нужно бороться с «идолами театра», борьба приведет к истощению, сила действия будет

равна силе противодействия.

Осознание театральности повседневности открывает в культуре «потайной ход», ведущий к обнаружению подлинного существования человека в окружающем мире. Подлинно существовать значит чувствовать и ощущать себя живым. Отсюда смысл осознания повседневности как театральности – пробудить мышление и живую эмоцию человека, чтобы он почувствовал себя подлинно существующим.

Осознание повседневности как театральности есть своеобразная «пограничная ситуация», в которой начинается экзистенциальный путь от смерти к жизни, когда человек видит себя и свою жизнь со стороны, принимает все жизненные уроки, чтобы расстаться с собой прежним и начать путь к себе другому, путь обновления и очищения. Именно пограничная ситуация способна привести к пробуждению, катарсису, поднять человека на более высокий уровень духовного развития.

К. Ясперс такие ситуации называет основными ситуациями человеческого существования [См.: 1]. В повседневности человек забывает об этом или сознательно отвлекается и даже прячется от них, спасаясь бегством, испытывая страх и оцепенение перед их лицом. Тогда человек продолжает жить своими повседневными интересами, рутинными делами и насущными нуждами. В таком «беспечном» и «комфортном» существовании человек воспринимает повседневность как само собой разумеющуюся, как

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

безусловную реальность. Удовлетворенный своим мнимым благополучием, человек оказывается во власти бездумного доверия к повседневности.

Взгляд на повседневность как на театральность оставляет за скобками всю, кажущуюся реальной, текучую повседневную жизнь человека, акцентируя внимание на главном – на её иллюзорности. Такой взгляд тематизирует жизненный мир человека, делает его проблемным полем человеческого существования. Перед человеком открывается мир актуального настоящего, который тревожит, волнует, завлекает. Здесь человек действительно чувствует, что живёт в полном смысле этого слова.

Осознание театральности повседневности есть особая, пограничная ситуация, встреча с которой побуждает человека к выявлению своей экзистенции, своего подлинного призвания, назначения, смысла существования. Позволяет ему хотя бы на время освободиться от отвлекающей от самого себя шумной и быстротечной суеты будней. Экзистирование выступает одним из основных путей сохранения целостности человеческого бытия, возвращения человека к своему истинному Я, восстановления, соединения, сохранения или нового конструирования целостности внутреннего мира человека посредством осознания повседневности как теат-

ральности.

Осознание человеком театральности своего повседневного бытия способно привести к очищению, перерождению, человек способен стать другим, настоящим: «Я настоящий и есть я сам, осуществившийся, но это значит, что я настоящий – другой самому себе» [2, с. 193]. Пока человек не может посмотреть на себя как на другого, акт самовосприятия, самосознания, самопознания не может состояться. Человек заряжается потенциалом уникальности и неповторимости, но для того, чтобы потенциальность стала актуальностью, нужны усилия в попытке жить своей, а не чужой жизнью.

Бездумное отношение к повседневному существованию сопряжено с риском возникновения «идолов театра» (Фр. Бэкон). Ведь иногда «рассказы, придуманные для сцены, более слажены и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории» [3, с. 31]. Однако, по мнению Фр. Бэкона, «от этого типа идолов можно избавиться и отказаться» [4, с. 307]. Для этого, на наш взгляд, необходимо учитывать и помнить, что повседневность представляет собой именно символическую реальность.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Библиографический список

1. Ясперс, К. Философская вера [Текст] / Карл Ясперс; Предисл. П. С. Гуревича. – М.: ИНИОН, 1992. – 150 с.
2. Бибихин, В. В. Язык философии [Текст] / В. В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2007. – 389 с.
3. Бэкон, Фр. Новый органон (афоризмы об истолковании природы и царстве человека) [Текст] / Фр. Бэкон; общ. ред. А. Л. Субботина // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1977. – Т.2. – 358 с.
4. Бэкон, Фр. Великое восстановление наук [Текст] / Фр. Бэкон; общ. ред. А. Л. Субботина // Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1977. – Т.1. – 416 с.

УДК 1.14

Ковтун О.А.

Вещь в современном обществе: от телесности к символичности

Доклад посвящен изучению вещи в качестве специфического средства в процессе идентификации и самоидентификации современного человека с позиций философии культуры. Анализ динамики смыслов вещей в истории культуры с точки зрения их роли для формирования чувства идентичности современного человека позволил выделить основные этапы эволюции вещей: (рукотворная, машинная, виртуальная) и рассмотреть их характерные свойства, обусловленные взаимодействием с человеком. Вещь и её особенности в постмодернистскую эпоху рассмотрены через призму концепции Ж. Бодрийера.

Ключевые слова: : вещь, культурный смысл, персональная идентичность, символ, симулякр, повседневность.

Ковтун Ольга Автономовна, доцент
кафедры искусствоведения и культурологии
Южно-Уральского государственного университета г. Челябинск
E-mail: ol.kowtun2012@yandex.ru 454074 г.

В течение последних десятилетий фиксируется устойчивый интерес современного гуманитарного знания к проблеме вещи. Вещный подход к жизни человека доминирует в постмодернистском обществе, моделирует жизненные ситуации, формирует виртуальную реальность. Интерес к изучению различных аспектов вещи обусловлен, в том числе, кризисом идентичности человека в современном мире. Вещь была и остается одним из предметных оснований идентичности. Человек стремится ответить на основной вопрос идентичности «Кто Я» посредством вещей. Знакомство с литературой, посвященной различным аспектам исследования вещного мира показывает, что вещь чаще всего рассматривается как средство конструирования социальной идентичности. В то время как вопрос о значении вещи в формировании персональной идентичности изучен недостаточно.

Вещь функционирует как культурный объект, отражая ментальные, утилитарные и символические смыслы. Исторически культурные смыслы вещей формировались в зависимости от многих факторов, среди которых следует выделить материальное производство и характер отношений между человеком и вещью. Изучение основных тенденций взаимодействия человека и вещи в западном обществе позволяет сделать вывод о сопряженности генезиса вещей и процесса развития самости человека в

истории европейской культуры, что вещь культурное средство, возникшее в ходе истории и воспроизводящее форму отношения человека к себе и миру [3, с.62.].

Следует отметить, что понимание вещи в традиционной китайской культуре было иным, чем в Европе. В традиционных культурах Юго-Восточной Азии преобладала метафизическая традиция, в которой отсутствовало различие между живым и неживым, вещным и духовным. Китайцы относили к вещам не только рукотворные предметы материального мира, но и все живые существа, в том числе и человека. Таким образом, вещь в китайской культуре – это не бездушный объект, не средство для действий человека, а «нечто самодвижущее, самоизменяющееся» [5, с.94].

Исторически первичные смыслы вещи исследуются с позиций мифологического сознания, потому что первым по времени модусом рассмотрения вещи становятся мифы о происхождении вещей. Ритуально - мифологическое отношение к вещам детерминировало отсутствие деления на мир вещей и знаков. Эстетические, утилитарные, магические социальные аспекты функционирования вещи были неразрывно слиты. Одна и та же вещь могла использоваться и утилитарно и одновременно как знак. Первобытное сознание не делает резкого разграничения не только между отдельными индивидами, но и между человеком и природой, а также между чело-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

веком и вещью. Для язычников отношение к вещам неопределялось лично индивидом, но было направленно на выживание и регламентировалось традицией, местом вещи в преданиях семьи, групповыми нормами.

Личностное отношение к вещному миру начинает формироваться в Античности, что связано с социальным расслоением, вызвавшим количественное накопление и появление «лишних» вещей. Какое значение это имело для родословной вещи, подтверждает суждение И. Канта о «лишних» вещах, как первом шаге к свободе, связанное с их способностью удовлетворять духовные потребности человека. В «лишних» вещах впервые обнаруживается «человеческое» в первобытном человеке, соответствующее его особой человеческой природе, в которой есть место не только прагматическому [1, с. 328]. В качестве особенности античного мировосприятия следует назвать отождествление человека и вещи, поскольку философской основой, на которой в классической традиции формировалась как идентичность человека, так и вещи – была субстанциональность (С. Хоружий). Появляется созданная ремесленниками «рукотворная» вещь, в которой гармонично соединяется прекрасное и полезное. Ценность же произведения искусства определяется его связью с практической функцией. Эстетическая ценность вещи начинает рассматриваться как полезное её качество.

В Средние века вещи обслуживали религиозные установки общества, и вещь выполняла функцию медиатора между человеком и высшей силой. Создание рукотворных вещей, особенно задействованных в церковном ритуале, рассматривалось как служение Богу. Ремесленник был причастен к результатам своего труда, и работа велась им от начала и до конца, поэтому рукотворная вещь была связана со своим создателем. На этом этапе эволюции техники, отмечает Х. Ортега-и-Гассет техник и рабочий, соединенные в лице ремесленника, еще не отделились друг от друга [4, с.500] При отсутствии границы между ремеслом и искусством и взаимопроникновении символического и прикладного, в средневековой культуре все-таки существовало деление на свободные и ремесленные искусства. Ремесленные искусства имели дело с материей и ручным трудом, в то время как свободные искусства были лишены рукотворной составляющей. Это различие между ремесленными и свободными искусствами разделяет и Фома Аквинского [6, с. 210].

Новое время приносит прагматический взгляд на вещи. В результате научно-технического прогресса и разделения труда произошел переход от ремесленного производства вещей к промышленному, что привело к снижению статуса бытовой вещи и появлению современного дизайна. Атрибуты рукотворной вещи, такие как: единичность, добротность, неповторимость,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

исчезают, и на смену им приходит унификация, стандартизация, серийность, непродолжительный срок жизни. Утрата определенности, как на уровне социальной системы, так и на индивидуальном уровне, находит выражение в ощущении мимолетности, которая проявляется в отношениях людей с вещами и их запланированном старении.

Вторая половина двадцатого века, обозначенная как период Постмодернизма, характеризуется стиранием границ между элитарным и массовым, художественным и нехудожественным и многозначностью реальности. Постмодернизм изменяет культурные смыслы вещей, при этом происходит отчуждение предметов повседневного потребления от их практической функции. Предметы потребления становятся носителями символического смысла, каждая вещь наделяется знаковой функцией, возрастает значимость и число вещей, обозначающих статус их владельца. Сдвиг в сторону «престижного» потребления происходит в промышленно развитых странах в шестидесятые годы двадцатого века. Это связано с ростом благосостояния и созданием рынка массовых товаров. Потребление стало соотноситься с символическим значением приобретаемой вещи, которое возрастает по мере того, как ослабевает её утилитарная функция. Происходит объединение потребления вещей и потребление знаков. Символизация обыденных вещей происходит и через рекламный

дискурс. По мнению Ж. Бодрийера в рекламном дискурсе вещь становится единством знака и товара и превращается в симулякр. Вещь и её образ становятся неразличимы в симулякре, а сущность человека отчуждается в виртуальную реальность, в которой человек имеет дело не с вещами, а с симулякрами.

Одна из особенностей, характеризующая функционирование вещи в современном мире определяется как дематериализация – процесс исчезновения зримой материальности вещи, поскольку более важен производимый ею эффект действия и менее важны её материал и форма. В дизайнерском проектировании этот процесс связывают с симптомом виртуализации мира вещей. В современном мире появляется «виртуальная» вещь, что свидетельствует о появлении человека, ориентированного на виртуальность, как в психологическом, так и в техническом аспектах, в том числе предметном. Виртуальная реальность изменяет содержание базовых философских категорий, в том числе классическое понимание времени как протяженности. В то время как протяженность является качественной характеристикой вещи, которая определяет её бытие в качестве категории философии [3, с.82]. Виртуальная вещь не включена во временной порядок, что находит выражение в быстрой смене вещного мира. В виртуальной реальности вещь переходит в разряд знаков и является имитацией реальной вещи или не

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

имеет аналогов в мире вещей. Преимуществом виртуальной вещи выступает её интерактивность, а также способность влиять на появление разнообразных идентичностей.

В постиндустриальную эпоху появляются вещи, которые предоставляют человеку новые возможности, изменяющие жизнь и его отношение к ним. Это вещи, которые постепенно дематериализуются и становятся технологией, не зависящей от людей. В футурологической концепции (К. Кантор) в мире будущего процессы будут осуществляться при помощи мысли или слова, а предметная среда превратится в поле неуловимой энергии, лишенной своих онтологических свойств [2, с. 87]. Одновременно с процессом дистанцирования от человека, наблюдается тенденция переноса вещи внутрь организма самого человека. Таким образом, все средства коммуникации могут оказаться частью телесной оболочки человека. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что эволюция вещей

определяется не столько свойствами самих вещей, сколько отношением к ним человека. Вещь – культурное средство, возникшее в ходе истории и производящее форму отношения человека к себе и миру и способное формировать идентичность человека

Таким образом, анализ трех видов вещи позволяет проследить трансформацию её культурных смыслов, в том числе посредством изучения способа идентификации человека с вещным миром, моделей мышления и практик изготовления и использования вещей и сделать вывод о том, что эволюция вещи и эволюция самости человека – сопряженные процессы и что общество упорядочивает мир вещей по образцу идентичности и способу идентификации, то есть органическую связь эволюции вещей и индивидуальной идентичности, которая формируется и обнаруживается не только в отношении индивида к самому себе, но и в контексте его отношения к иному. Вещь выступает в дан-

Библиографический список

1. Кант, И. Первое введение в критику способности суждения ; Критика способности суждения : о применении телеологических принципов в философии / И. Кант. вступ. ст. Ю.В. Петрова. – СПб. : Наука, 2001. – 504.
2. Кантор, К. М. Опыт социально-философского объяснения проектных возможностей дизайна / К. М. Кантор // Вопросы философии. – 1981. – № 11. С. 85–95.
3. Ковтун, О. А. Человек и вещь в культуре: предметное основание персональной идентичности : дис. ...канд. фил. наук / О. А. Ковтун. – Челябинск, 2011. – 158 с.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; под общ. ред. А. М. Руткевич. – М. : Изд-во Инфра ; Весь мир , 2000. – 700 с.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

5. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада : познание запредельного. / Е. А. Торчинов. – СПб. : Азбука-классик, 2005. – 480 с.
6. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко; пер. с ит. А. Шурбелева. – М.: АСТ; CORPUS, 2014. – 352 с.

УДК 1.14

Григорьева Л.М.

Онтологическое доказательство бытия Бога

Доклад посвящен анализу онтологического доказательства бытия Бога. Анализируя онтологическое доказательство бытия Бога Ансельма Кентерберийского и онтологическое доказательство положения Р. Декарта «Cogito ergo sum», автор отмечает, что эти доказательства не являются умозаключением, а представляют собой результат непосредственного схватывания мысли и бытия. В статье автор задается вопросом, опроверг ли И. Кант доказательство бытия Бога Ансельма Кентерберийского? Согласно И. Канту, Бог является для человека непознаваемым и радикально непостижимым объектом, и все теоретические построения о доказательстве бытия Бога не имеют никакого научного или теоретического основания.

Ключевые слова: вера, разум, познание, бытие Бога, абсолютная реальность, предметы опыта, предикат.

Григорьева Л.М., оцент Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Человек всегда стремился к рациональному доказательству своей веры. В христианской культуре существует многовековая традиция доказательства бытия Бога. Разделение на восточное и западное христианство привело к существенным различиям между православием и католичеством в отношении к доказательствам существования Бога. Интересно отметить, что в православии не возникало стремления рационально доказать его существование. Православие исходило из другого понимания соотношения веры и разума. В православии главным доказательством является сам человек, в сердце своем встретившийся с Богом. Если эта встреча произошла, то для человека уже не нужны никакие аргументы. А если эта встреча не состоялась, то, как можно уверовать? Согласно выдающемуся русскому мыслителю и богослову С.Н. Булгакову, о существовании Бога может свидетельствовать личный опыт человека, его личные религиозные переживания. Вообще, С.Н. Булгаков отрицательно относится к идее доказательства бытия Бога. В книге «Свет Невечерний» он утверждает, что потребность в таких доказательствах говорит о кризисе религиозного сознания, а сами доказательства не имеют никакого отношения к вере. Доказательства бытия Бога, согласно С.Н. Булгакову, содержат уже в самой постановке вопроса внутреннее противоречие (см.: 2, сс.28-33).

Для осмысления христианского вероучения западноевро-

пейская христианская традиция обращается к рациональным доводам. Онтологическое доказательство бытия Бога встречается уже у Платона и Августина. Ансельм Кентерберийский в XI веке построил, ставшее уже классическим, онтологическое доказательство бытия Бога. В дальнейшем онтологическое доказательство бытия Бога конкретизировали Фома Аквинский, Н.Кузанский, Р.Декарт, Г.Лейбниц. Восстановление онтологического доказательства бытия Бога можно найти у И.Г.Фихте, Ф.В.И. Шеллинга и у Г.В.Ф. Гегеля.

Логически схему рассуждений в онтологическом доказательстве бытия Божья можно представить в следующем виде:

1. Бог – совершеннейшее из мыслимых объектов.

2. Мысль о Боге – совершеннейшая мысль.

3. Существующее в реальности совершеннее существующего только в мысли.

4. Мысль о существующем в реальности совершеннее мысли о существующем только в мысли.

5. Следовательно, отсюда вытекает, что Бог реально существует.

Передаёт ли логика этой схемы логику онтологического доказательства бытия Бога?

Онтологическое доказательство бытия Бога Ансельм даёт в работе «Прослогион». Он поставил задачу рационального обоснования своей веры. Во времена Ансельма проблема соотношения веры и разума была одной из центральных. Ансельм стремился привести веру и разум к гармонии.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В своем доказательстве существования Бога он стремится показать, что понятие бытия уже неявно содержится в понятии «Бог». Представление о Боге Ансельм выражает фразой: «то, более чего нельзя ничего помыслить» [1, с. 251]. Если бы Бог существовал только в мысли, то тогда можно вообразить Бога и реально существующим. А это привело бы к противоречию. Получается, что по Ансельму, Бог существует и в уме, и в действительности. В Боге как существе совершенном, сущность совпадает с существованием. Значит, если у нас есть понятие о Боге, то это означает, что Бог существует и в реальности.

Конечно, Ансельм верил в существование Бога и не подвергал сомнению свою веру. Для него «сказать в сердце своем и помыслить есть одно и то же» [1, с. 252]. Он лишь хотел доказать разумом существование Бога: «Не ищущи разуметь, дабы уверовать, но верую, дабы уразуметь; ибо верую и в то, что если не уверую, не уразумею» [1, с. 251]. Будучи одним из основателей схоластики, Ансельм хочет понять веру, продумать разумные основания своей веры. Для того чтобы быть полной вера требует разума. Он считал, что христианин должен понять содержание своей веры, а понимание веры достигается с помощью разума. Вместе с тем, разум не всегда может постичь то, что является предметом веры.

Ансельм убежден, что разум не может привести человека к вере. Для христианина, согласно Ансельму, возможен только

такой путь: не понимать, чтобы верить, но верить, чтобы понимать. Вера — дар Божий. Верующий должен идти от веры к разумению, а не наоборот. Разумение без веры невозможно, необходимо сначала укорениться в вере. Разумеется, Ансельм считал, вера не должна отрицать разум. Положив в основу разума веру, он считает, что доказательство бытия Бога может помочь лишь тем, кто верит. Поэтому важной своей задачей Ансельм считал доказательство бытия Бога.

Доказательство бытия Бога, сформулированное Ансельмом, в дальнейшем явилось предметом спора среди философов и богословов. Одним из первых оппонентов Ансельма был его ученик монах Гаунилон. Он усомнился в том, что из понятия «Бог» можно получить что-то сверх идеального смысла этого понятия. Гаунилон, видимо, уловил слабость доказательства Ансельма. Если Бог есть «то, более чего ничего нельзя помыслить», то оказывается невозможным отделить абсолютное бытие Бога и все существующие в данный момент вещи. Слабость аргумента Ансельма заключается в том, что невозможно доказать, истинным или ложным является понятие абсолютного бытия. В этом случае доказательство Ансельма разрушается. Сам же Ансельм находит данное опровержение неуместным и неприемлемым.

Итак, у Ансельма его доказательство бытия Бога, скорее всего, является выражением установки о вере, ищущей уразумения.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Может быть, у Ансельма мы имеем дело с вариантом психологического доказательства, суть которого состоит в идее о Боге как всесовершенном существе. Психологическое доказательство встречается у Августина Блаженного, а позднее у Декарта. Это доказательство строится на следующей логике: поскольку идея о Боге как всесовершенном существе имеется в сознании человека и не могла появиться на основе внешнего опыта, следовательно, источником этой идеи является сам Бог.

Р.Декарт нашел критерий достоверности положения о существовании Бога в отчетливых, ясных мыслях. Согласно Декарту, Бог является абсолютно совершенным существом. Задавая себе вопрос, откуда же у человека как существа несовершенного, это понятие о совершенном существе. Декарт убежден, что это понятие могло быть сообщено человеку только этим всесовершенным существом, которое не может нас обманывать, не может вкладывать в нас ложные мысли. Итак, согласно Декарту, понятие «Бог» мы схватываем непосредственно. По Декарту, мы непосредственно схватываем существование Бога.

Вся философия Декарта построена на принципе доверия к интеллектуальной интуиции. Согласно Декарту, нужно довериться естественному свету разума, согласно которому доказательство бытия Бога, является результатом непосредственного схватывания этого положения. Образцом само-

очевидного положения является положение «Я мыслю, следовательно, я существую», являющееся исходным пунктом декартовской философии.

Декарт доказывает самоочевидность нашего я как «мыслящей вещи». Согласно Декарту можно усомниться в существовании любого предмета. Но в существовании нашего «я» сомневаться невозможно: мысля свое «я», мы имеем здесь дело не только с идеей «я» или не только с предметом. Имея идею «я», у меня одновременно с ней есть и идея ее реальности. Таким образом, идея «я» неотделима от ее реальности. Одновременно с идеей «я» дается и идея ее реальности. То есть мое «я» дается мне в форме самообнаружения. Наше «я» является условием нашего бытия.

У Декарта мы, таким образом, сталкиваемся с онтологическим доказательством нашего «я». Согласно Декарту, это рассуждение не является умозаключением, не является выводением следствия из посылок. Оно является непосредственным усмотрением существования нашего «я». Согласно Декарту, самодостоверность нашего «я» является реальностью, существующей непосредственно и абсолютно несомненно (см.: 3, с.20-28).

Философию Канта, впервые назвавшего это доказательство онтологическим, нельзя назвать ни теистической, ни атеистической. Хотя Кант не констатирует бытие Бога, рассматривает и отвергает все основные доказательства его бытия, он вместе с

тем и не исключает его существования.

Онтологическое доказательство бытия Бога строится на основе идеи о Боге, как абсолютно совершенном существе. Именно из этой идеи на протяжении многих веков предпринимались попытки построить доказательство его существования. Несуществование Бога противоречило бы понятию Бога как все совершенного существа. Если бы понятие Бога существовало только в уме, то Бог бы не являлся все совершенным существом (см.: 4, с.513). Находясь за пределами опыта, человеческий разум хочет заложить для себя прочный фундамент. Этим фундаментом служит отсутствие в рассуждениях разума явных противоречий. Согласно Канту, кроме противоречия у нас нет никакого иного признака, говорящего о невозможности существования объекта (см.: 4, с.519).

Разум ищет понятие, в котором не было бы ничего противоречащего абсолютной необходимости (см.: 4, с.513). Наиболее подходит к понятию безусловно необходимой сущности понятие, отвечающее на вопрос «почему», описывающее сущность, которая обладает высшей реальностью, служащей достаточным условием всего и не нуждающейся ни в чем.

Определить понятие безусловно необходимой сущности, согласно Канту, нетрудно. Так что же мы мыслим посредством этого понятия? Для объяснения этого понятия в истории приводилось множество приме-

ров. Однако все эти примеры относились не к вещам и их существованию, а только к суждениям. Эти примеры демонстрировали только безусловную необходимость суждения, а не абсолютную необходимость вещи. Эти примеры демонстрировали только иллюзию логической необходимости. Согласно этим примерам логика доказательства сводилась к тому, что если я полагаю вещь существующей, то ее существование полагается необходимым, и, следовательно, сама вещь должна быть безусловно необходимой (см.: 4, с.518).

В «Критике чистого разума» понятие Бога присутствует как идеал, признанный регулятивным принципом разума (см.: 4, с. 536). В идеале чистого разума мыслятся вещи, о которых человек не знает. От них переходят к сущности всех вещей, еще менее известной, и затем переходят к безусловной необходимости. Анализ идеала начинается с констатации объективных оснований для рассудочных понятий. Затем осуществляется переход к их полным определениям. И, в конечном счете, разум формирует представление о высшей сущности, без которой не может завершиться путь мысли.

Кант считает, что понятие Бога дает нам идеалы, которые обладают практической силой, «и лежат в основе совершенства определенных поступков» (см.:4, с.502). Мы сравниваем себя с идеалом, оцениваем и благодаря этому исправляемся. И, хотя, согласно Канту нельзя допустить объективного существования этих идеалов, «тем не менее, нельзя на этом основа-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

нии считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного» (4, с.502). Кант считал, что идею Бога следует признать, так как она дает высшие цели нашего существования. И прежде всего, согласно Канту, эту идею следует признать по моральным соображениям, которые зависят исключительно от способности спекулятивного разума. Практический мотив склоняет нас даже при недостаточном знании следовать доводам о существовании высшей сущности.

Кант определяет понятие Бога как трансцендентное понятие (см.: 4, 503). Трансцендентное понятие означает то, что выходит за границы опыта (см.: 5, с.199). Вместе с тем, Кант считает, что понятие Бога является чистым понятием разума, то есть идеей, «объективная реальность которой далеко еще не доказана тем, что разум нуждается в ней» (5, с.517).

Разум движется к понятию высшего существа, двигаясь от случайного к необходимому. Таким образом, понятие о высшем существе представляет собой не просто идею, но идею трансцендентальную, т.е. такую априорную форму познания, которая обуславливает все возможности всякого опыта. В трансцендентальной идее мыслится вся совокупность условий возможности данного обусловленного, а, следовательно, трансцендентальная идея — это понятие о безусловном и она

служит только для восхождения к безусловному (см.: 4, с.358-365). Эта идея составляет основание всех возможных вещей. Трансцендентальная идея выражает, согласно Канту, подлинное назначение разума — принцип систематического единства. Таким образом, разум пытается довести свое применение до полной завершенности и синтетического единства (см.: 5, с.172).

Кант выделяет три возможных способа доказательства бытия Бога, исходя из спекулятивного разума. Один из способов — эмпирический, другой — космологическое доказательство, а третий способ заключает о существовании Бога *a priori*, т.е. является онтологическим доказательством. Этот способ исходит лишь из чистых понятий разума. Хотя, по Канту, опыт дает первый толчок для доказательства, все же направляется разум трансцендентальным понятием (см.: 4, с. 516), поскольку для этого понятия нет достаточных условий в опыте. Трансцендентальность является фундаментальным условием постижения безусловно необходимой сущности, так как познание касается возможности применения априорного знания.

Утверждение о реальном существовании какого-либо объекта, по Канту, может повлечь за собой иллюзорное представление о его существовании. В этом случае иллюзия может возникнуть от смешения логического предиката с реальным. Главное заключается в том, чтобы от возможности понятий мы не заключали о возможности

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

вещей. Ведь логическим предикатом может быть все, что угодно, так как логика отвлекается от всякого содержания. При этом бытие не является реальным предикатом. Оно есть только полагание вещи (см.: 4, с.521).

Чтобы показать абсурдность приписывания трансцендентальным объектам предметного статуса, Кант приводит пример о ста талерах. Он отмечает, что между действительными талерами и возможными нет логического различия. Они представляют одну и ту же сумму денег. Однако понятие Бога нельзя отождествлять с понятием о ста талерах. Понятие Бога вообще нельзя рассматривать аналогично существованию различных эмпирических предметов.

Тем не менее, Кант считает, что для обоснования существования Бога у нас иного средства кроме опыта нет. Сообщить нашим понятиям реальность может только возможный опыт, а без опыта данное понятие является только идеей, лишенной отношения к предмету. Кант даже высказывает подозрение: не является ли понятие Бога только лишь воображаемым понятием (см.: 4, с.450)

По Канту, все суждения о существовании являются синтетическими (см.: 4, с. 521). В аналитических суждениях принадлежность предиката субъекту уже содержится в понятии. Таким образом, если для доказательства аналитического суждения не требуется выходить за пределы понятия, то для подтверждения синтетического суждения необходимо выйти за пределы понятия и обратиться к опыту

(см.: 4, с.524).

Итак, согласно Канту, мы можем допустить возможность существования высшей причины в практическом отношении, но не можем теоретически познать и усмотреть ее (см.: 5, с.314). Кант задается вопросом: относится ли понятие о Боге к физике (включая и метафизику) или к морали (см.: 5, с. 473)? Его ответ гласит, что с помощью физики доказать бытие Бога невозможно, во-первых, потому, что мы не можем доказать, что мир был возможен только благодаря Богу, и, во-вторых, потому, что понятие Бога является синтетическим понятием, а посредством синтетического понятия мы выходим за пределы любого понятия (см: 5, с. 474). Следовательно, для разума остается только один способ познания Бога — чистый разум. Он допускает существование первосущности и дает понятие этой первосущности как всемогущего, всеблагого и всемудрого существа (см.: 5, с.474). Следовательно, на эмпирическом пути понятие о Боге остается не строго определенным понятием (см.: 5, с.475). Таким образом, Кант считает понятие Бога принадлежит не к физике, а к морали (см.: 5, с.475).

Из этого Кант приходит к выводу, что понятие о высшей сущности есть только идеал, который принимается за нечто безусловно необходимое и самостоятельно существующее (см.: 4, с.536). Эта необходимость рассматривается Кантом как формальное условие мышления, а не как материальное и субстанциональное условие су-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Библиографический список

1. Кентерберийский, Ансельм. Прослогион / Ансельм Кентерберийский // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. – М.: Наука, 1972. – С. 251, 252.
2. Булгаков, С.Н. Природа религиозного сознания / С.Н. Булгаков // Свет невечерний: созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – С. 28.
3. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт // Сочинение в двух томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1994. – С. 20–28.
4. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения в шести томах. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 373–521.
5. Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / И. Кант // Сочинения в шести томах. – Т. 4. – М.: Мысль, 1965. – С. 67–210.
6. Франк, С.Л. Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк. – М.: Наука, 1995. – С. 388.
7. Хайдеггер, М. Тезис Канта о бытии / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 365.

О становлении теологии на Южном Урале как образовательного направления

В работе освещены современные взгляды ученых и представителей Русской Православной Церкви по вопросу становления теологии как образовательного направления в системе университетского образования. Особое внимание уделено теологическому образованию на Южном Урале на примере Южно-Уральского государственного университета. Приводятся наиболее яркие примеры достижений ЮУрГУ в развитии региональной вузовской культуры. Автор приходит к выводу, что в основе концепции развития этой сферы заложена идея оптимизации учебно-воспитательного процесса путем творческого сотрудничества университета с ведущими учреждениями, организациями и выдающимися деятелями культуры страны и мира, с ведущими религиозными и государственными деятелями. Открытие на историческом факультете подготовки по направлению «Теология», по мнению автора, является закономерным шагом в развитии фундаментальной гуманитаристики в ЮУрГУ. Новое образовательное направление отвечало запросу общества, которое поступило от Минобрнауки РФ (грант, лицензия), от Челябинской епархии, и от общеобразовательной школы, в программу которой включен предмет «Основы религиозных культур и светской этики». началось. Реализация теологического образования осуществляется по профилю «Культура Православия». Подготовку бакалавров осуществляет кафедра «Теология, культура и искусство» исторического факультета, на которой существовала научная школа изучения истории отечественной духовной культуры. Раскрывая содержательную часть направления, автор статьи охарактеризовала учебные дисциплины, а также программы, разработанные кафедрой на основе государственного стандарта. Приведены примеры совместных научных и общественных мероприятий, организованных университетом в рамках направления с Епархиальным теологическим советом Челябинской области, возглавляемого Митрополитом Челябинским и Златоустовским Никодимом. Намечены перспективы развития направления «Теология» на Южном Урале. На основе изучения Закона об образовании РФ, материалов по проблеме развития теологии в университетах России и мира исследователь обосновала тезис о необходимости развития теологического знания в университете, особенно в той его части, которое относится к традиционным культуuroобразующим конфессиям. Автор считает, что особая ценность теологии в том, что она сохраняет самоидентификацию национальной духовной традиции.

Ключевые слова: духовная культура, университетское образование на Южном Урале, направление «Теология», профиль теологического образования «Культура Православия», особенности учебного плана и дисциплин, сотрудничество церкви и университета в области образования, место и роль теологии в современном обществе, Южно-Уральский государственный университет.

Парфентьева Наталья Владимировна, профессор кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Автор более 90 трудов, в том числе 3 монографий в области истории и теории древнерусской духовной культуры и искусства и их традиций в Новое и Новейшее время. E-mail: parfentevanv@susu.ac.ru.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В качестве стратегических задач российского образования ставятся уважение к культурному наследию человечества, к социальным, этническим, конфессиональным и культурным различиям, способность к диалогу и сотрудничеству. Образовательные программы должны обеспечить формирование и развитие личности в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями. В качестве основного принципа государственной политики провозглашен гуманистический характер образования [7]. В этом контексте особое значение приобретает введение в систему светского университетского образования такого направления, как «Теология». Отметим актуальность проблемы осмысления теологического образования в светских высших учебных заведениях Российской Федерации в научном сообществе [6; 27].

22 апреля 2016 г. в Москве состоялся Всероссийский симпозиум «Религия в аспектах философских, теологических, религиоведческих подходов: проблемы определения объекта и экспертизы» [24], в котором автор данной статьи приняла участие. Акцент делался на дискурсе *теология – религиоведение* как единство и противоречие в пространстве вуза. В связи с важностью проблемы становления теологии в университете, подготовки специалиста в вузе, остановимся на положениях доклада «Теология в светском образовательном простран-

стве», представленного Митрополитом Волоколамским Иларионом, Председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректором Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Митрополит связал вопрос о статусе и роли теологии с вопросами развития страны, придал развитию теологии государственное значение: «Теология представляет собой особое пространство межконфессиональной, межрелигиозной коммуникации с очень важным, специфическим форматом диалога. Расширять это диалоговое окно – не только в интересах традиционных религий, но и в прямых интересах государства» [8].

В российском университетском образовании традиции преподавания теологии фактически еще только складываются. Теология была внесена в перечень образовательных специальностей Российской Федерации в 1992 г., но фактически обрела соответствие российской духовной традиции и мировой практике лишь с введением в 2001–2002 гг. государственных образовательных стандартов второго поколения. Теологическое знание в России требует развития, особенно в той его части, которое относится к традиционным культуuroобразующим конфессиям. Как положительный факт митрополит Иларион отметил, что к настоящему времени в РФ создана и действует система вузовского теологического образования, вклю-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

чающая в себя соответствующие уровни: бакалавриат, специалитет, магистратуру, аспирантуру. Теология (научная отрасль 26.00.00, научная специальность 26.00.01) включена в номенклатуру специальностей научных работников Российской Федерации, утвержден паспорт данной научной специальности, ведется работа по открытию соответствующего диссертационного совета. Теология преподается в 48 вузах России (в том числе 36 государственных) в 36 городах всех федеральных округов [8].

В отличие от России, в Европе теология утвердилась в университетском образовании со средних веков. Международный опыт свидетельствует о том, что в государствах европейских стран принимают участие в финансировании образовательных программ по теологии. Католическая, англиканская, лютеранская, кальвинистская или иные культуuroобразующие религиозные институты-церкви при этом помогают осуществлять контроль за содержанием образования и квалификацией преподавателей. Именно в таком ключе ведется подготовка теологов в Англии, Австрии, Германии, Франции, Италии, Испании, Нидерландах, Дании, Швейцарии, Греции, Польше, Чехии, Болгарии, Эстонии [6, с.8]. Так, например, в Оксфордском университете теология является престижной базовой специальностью. Вместе с историей и классической филологией она составляет фундамент гуманитарного образования. Особая цен-

ность теологии в том, что она сохраняет самоидентификацию национальной духовной традиции. Выпускники теологического факультета Оксфорда успешны во всех областях гуманитарной науки, культуры, управления, в консультативно-экспертной работе в государственном, общественном и коммерческом секторах экономики Великобритании, в исследовательской и преподавательской деятельности. В Оксфорде отмечают, что в сложных условиях интенсивных изменений на рынке труда именно фундаментальная теологическая подготовка помогает выпускникам приспособиться к новым вызовам [6, с.9].

В сегодняшней России необходимо поставить университетское теологическое образование на высокий уровень. При этом следует возродить опыт дореволюционной России и взять лучшее из современных университетских теологических практик других стран. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем выступлении в 2012 г. высказал следующую точку зрения: «Теология в вузах – это культурный императив для общества, которое долгое время было практически отчуждено от религии как особой сферы человеческого бытия. Теология в высшей школе, то есть на высоком академическом уровне, соответствующем научному уровню гуманитарных и общественных дисциплин, – это и противовес от распространения в обществе религиозного радикализма, который обычно

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

развивается спонтанно, бесконтрольно и способен охватывать массы людей» [25]. С этим трудно не согласиться.

Рассмотрим становление теологии на Южном Урале на примере Южно-Уральского государственного национального исследовательского университета. В 2016 г. он вошел в программу конкурса «5-100», целью которой является вхождение российских университетов в рейтинг ведущих мировых вузов к 2020 г. История ЮУрГУ началась в 1943 г. Тогда университет возник как ответ на вызов военного времени и сыграл важную роль в создании оружия Победы. История, достижения научной мысли, воссозданный архитектурный облик университета уникальны. Культурное наследие и деятельность университета по духовно-нравственному воспитанию также значимы. Это его гордость, его традиции, его конкурентное преимущество.

Культуре и фундаментальной гуманитаристике в ЮУрГУ всегда придавалось большое значение. Крупнейший вуз региона стал центром гуманизации образования, соответствующим мировому уровню. Студенческая филармония, Театр Манежен, Зал искусств стали символами культуры университета. В его традициях ежегодно открывать новый филармонический сезон на сцене Актового зала выступлением лучших симфонических оркестров страны и мира. В Зале искусств выставляются художественные работы, в том числе шедевры мирового уровня, подлинные произведе-

ния Айвазовского, Васнецова, Поленова, старинные иконы и гравюры. Кульминация деятельности – выставка «Мадонна Рафаэля из коллекции Демидовых». За все время работы Зала искусств (с 2003 г.) на выставках побывали более 100 000 человек.

В основе концепции развития сферы культуры заложена идея оптимизации учебно-воспитательного процесса путем творческого сотрудничества университета с ведущими учреждениями, организациями и выдающимися деятелями культуры страны и мира, с ведущими религиозными и государственными деятелями. И в русле этой традиции родился новый проект – открытие на историческом факультете ЮУрГУ подготовки по направлению «теология». В данном случае речь идет о тесном взаимодействии ЮУрГУ с Челябинской епархией Русской Православной Церкви и с ее иерархами – с Митрополитом Челябинским и Златоустовским Феофаном и с ныне действующим Митрополитом Челябинским и Златоустовским Никодимом, который возглавляет Епархиальный совет по теологическому образованию в Челябинской области. Без тесного взаимодействия с епархией становление теологии было бы чрезвычайно затруднительно. Реализуется профиль направления – «Культура Православия». Запрос на этот профиль поступил от общества, а в университете оказались специалисты по соответствующим дисциплинам.

К открытию нового направления «Теология» на историческом факультете готовились 2 года.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Коллектив ученых в рамках задания Минобразования РФ выполнил специальный грантовый проект, по результатам которого в 2013 г. университет получил лицензию на открытие подготовки (бакалавриат). Итоги этого проекта «Теология» изданы в виде монографии с участием ведущих отечественных и зарубежных специалистов [26]. Запрос на открытие нового направления поступил от Минобразования, от Челябинской епархии, и от школы, в программу которой включен предмет «Основы религиозных культур и светской этики».

Подготовку бакалавров поручили осуществлять одной из кафедр исторического факультета – кафедре культурологии (ныне кафедра «Теология, культура и искусство»). Именно здесь под руководством заслуженного деятеля науки РФ, доктора исторических наук, доктора искусствоведения профессора Н.П. Парфентьева сложилась научная школа истории отечественной духовной культуры.

Изучение явлений отечественной духовной культуры в широком контексте исторических событий стало главным направлением научной работы молодых ученых и аспирантов, занимающихся под руководством профессоров Н.П. и Н.В. Парфентьевых. Важнейшей особенностью исследований стало широкое использование памятников, произведений художественного творчества как исторических источников для воссоздания целостной картины развития того или иного явления ду-

ховной культуры (подготовлено и защищено 2 докторских и 19 кандидатских диссертаций). Отметим также, что учеными кафедры, докторами наук, публикуются монографии и статьи в этой области (включая статьи для Православной энциклопедии).

Отметим, что только в 2013–2015 гг. на кафедре реализованы следующие научно-исследовательские проекты: 1) «Национальная духовная культура и её воплощение в явлениях искусства России»: Государственное задание Министерства образования и науки Российской Федерации, тема № 6.4223.2011, 2012–2013 гг., научный руководитель проф. Н.П. Парфентьев [см.: 10; 12–16]; 2) «Авторство в творчестве мастеров церковно-певческого искусства эпохи Московского царства (на примере циклов духовных песнопений Ивана Грозного и Федора Крестыанина)»: Грант Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-04-00077, 2013–2015 гг., научный руководитель проф. Н.П. Парфентьев [см.: 11; 13; 17–22]; 3) «Римско-католические общины Петербурга в XVIII в. и их роль в жизни российского общества»: Грант Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-31-01205, 2013–2014 гг., научный руководитель проф. А.Н. Андреев [см.: 1–5].

Таким образом, наличие специалистов высшей квалификации по истории духовной культуры, межконфессиональным отношениям и прежде всего по культуре Древней Руси и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

средневековой России, непосредственно восходящей к культуре Православия, и позволило начать работу на кафедре по направлению Теология.

В рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки «Теология» [23] преподавателями кафедры были разработаны учебные планы, рабочие программы по каждой из дисциплин. Университетская подготовка предполагает широкий спектр знаний выпускника. В государственном образовательном стандарте сказано, что выпускник имеет базовые знания в области социально-гуманитарных наук и использует основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, способен работать на компьютере с использованием современных информационных и образовательных технологий. Студенты изучают предметы общегуманитарного (История Отечества, Философия, Иностранный язык,) социального (Социология, Политология) и экономического циклов, информатику, математику.

Отметим, что кроме общеобразовательных включен обширный круг профессиональных дисциплин (История теологии, История христианской письменности и Патристика, История древней христианской церкви, История Русской Православной Церкви, Догматическое и Литургическое богословие, Библистика, Церковнославянский и древнегреческий

языки и многие другие), а также дисциплины по православному искусству (Византийское и Древнерусское церковно-певческое искусство, Храмовое зодчество, Искусство иконописи, в том числе на Урале, Библейские сюжеты в памятниках искусства и культуры и т. д.). Однако наряду с этим студенты получают знания по истории других конфессий и по государственно-конфессиональным отношениям, по истории западноевропейской культуры, начиная с античных времен, а также по социально-политическим вопросам роли Православия в современном обществе.

Вместе с тем существует ряд специфических дисциплин, таких как Догматика, Литургика, Патристика и др. Очень важно, чтобы их преподавали специально подготовленные люди. И здесь возникает необходимость тесного сотрудничества с представителями епархии. На этот случай в требованиях Федерального государственного образовательного стандарта предусмотрено положение о том, что «к образовательному процессу должно быть привлечено не менее 5 % преподавателей из числа действующих работников профильных организаций, предприятий и учреждений».

Сегодня на трех курсах направления заочно учатся 37 человек. Из них 60 % – с высшим образованием. Университет относится к развитию направления с полной ответственностью. Занятия ведут заслуженные профессора и высокообразованные представители духовенства

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

в лучших, оборудованных медиа-системами аудиториях. На базе университета проходят публичные лекции по истории православной церкви, религиозного искусства и культуры, заседания Рождественских чтений. Например, 8 декабря 2015 г. состоялась конференция «Традиция и новации»: культура, общество, личность». В Зале искусств ЮУрГУ была открыта выставка «Душа России». Эти события имели положительный отклик. Конференцию и выставку посетило более двух тысяч студентов и сотрудников ЮУрГУ, жителей города. Оба мероприятия организованы совместно с Челябинской епархией. Ректор ЮУрГУ А.Л. Шестаков, заведующий кафедрой теологии профессор, заслуженный деятель науки Н.П. Парфентьев и профессор кафедры теологии, заслуженный деятель искусств Н.В. Парфентьева вошли в состав Епархиального теологического совета Челябинской области, возглавляемого Митрополитом Челябинским и Златоустовским Никодимом. Совет создан для обеспечения взаимодействия теологического подразделения университета с Церковью.

Развитие Теологии на историческом факультете имеет перспективы. После завершения обучения выпускники могут заниматься в магистратурах по истории, искусствоведению, культурологии, философии. Планируется открытие магистратуры и по теологии. Выпускники также могут продолжить обучение в аспирантуре ЮУрГУ и далее в докторантуре по исто-

рии и истории искусства. В докторском диссертационном совете по истории, единственном на Южном Урале, могут быть защищены работы по историко-теологическому направлению. В качестве примера приведем успешную защиту кандидатской диссертации протоиереем Петром Мангилёвым, проректором Екатеринбургской духовной семинарии [9].

Для развития направления университет владеет не только уникальной научной, но и материально-технической базой: Виртуальный филиал Государственного Русского музея с обширным фондом электронных ресурсов, Пушкинский Зал, Зал искусств, Художественный музей, Музей народов и технологий Южного Урала, Музей истории ЮУрГУ, Часовня Андрея Первозванного, Научная библиотека.

В программе развития ЮУрГУ «5-100» сказано о «гуманитарном крыле университета». Новое направление «Теология» придает этому крылу особую духовность полета. Вхождение теологии в университетское и академическое пространство не противоречит светскости государства и общества при условии ее понимания не в духе агрессивного и вульгарного атеизма, а как мировоззренческой нейтральности при соблюдении принципа свободы совести. Присутствие теологии в образовании и науке — признак гражданского взросления российского общества, принятия им своей структурной сложности, многофакторности с одновременным осознанием значимо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сти духовных и культурных корней российской цивилизационной идентичности. Теологическая идея духовного возвышения послужит созидательным целям россиян.

Библиографический список

1. Андреев А.Н. Доминико Трезини – староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге // Российская история. – М.: Наука, 2014. – № 4. – С.126–138;
2. Андреев А.Н. Католический приход Петербурга в XVIII в. // Вопросы истории. – 2014. – № 10. – С.148–160.
3. Андреев А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2014. – Т.14. – №1. – С.6–14;
4. Андреев А.Н. Протестантские церкви и общины Москвы в XVIII в. // Вопросы истории. – М.: ООО Редакция журнала «Вопросы истории», 2013. – № 12. – С.148–158;
5. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. Католическая составляющая в творчестве Доминико Трезини: к постановке проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2013. – Т.13. – Вып.1. – С.94–99;
6. Воробьев В. О значимости теологического образования в Российской Федерации // Вестник ПСТГУ, серия IV: Педагогика. Психология, 2007. – Вып.4 (7). – С.7-19;
7. Закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ст. 3, 12 // <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz47i5Ztlvi>.
8. Иларион, митр. Теология в светском образовательном пространстве // Религия в аспектах философских, теологических, религиоведческих подходов: Всерос. науч. симпозиум, Москва, 22 апреля 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. (<http://www.pravoslavie.ru/92784.html>)
9. Мангилев П.И. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII – начале XX вв.: дис. ...канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2008.
10. Парфентьев Н.П. Из истории древнерусской церковно-обрядовой культуры: «Певцы» и «халдеи» в Чине архиерейского поставления XV–XVII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Вып.18. – С.99–108;
11. Парфентьев Н.П. Музыкально-гимнографическое творчество царя Ивана Грозного // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2014. – Т. 14. – Вып.1. – С.51-59.
12. Парфентьев Н.П. Особенности проведения реформы музы-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

кального искусства в контексте изменений в духовной культуре России 1650-1670-х гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – Вып.2. – С. 94–102;

13. Парфентьев Н.П. Отражение основных направлений творческой деятельности дидака Федора Крестьянина в памятниках письменности XVI–XVII вв. // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки, 2013. – № 10. – С.1423–1432;

14. Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Многолетия в честь царя Михаила Романова в демественных распевах мастеров Усольской (Строгановской) школы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – Вып.2. – С. 112–115.

15. Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – Т.1. – №1 – С. 92–103;

16. Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Вып.19. – С. 83–90;

17. Парфентьев Н.П. , Парфентьева Н.В. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т. 15. – Вып.4. – С. 83–99;

18. Парфентьев Н.П. , Парфентьева Н.В. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь святителя Петра, митрополита всея Руси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. , ЮУрГУ, Челябинск, 2014. – Т. 14. – Вып.1. – С. 60–73;

19. Парфентьев Н.П. Chanting art's masters at the court of Ivan the Terrible // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т. 15. – Вып.1. – С. 67–77;

20. Парфентьев Н.П. Church singing art masters of "reigning city of Moscow" in the 16th – 17th centuries // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т. 15. Вып.3. С. 91 – 102;

21. Парфентьев Н.П. , Парфентьева Н.В. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т. 15. – Вып.2. – С. 60 – 70.

22. Парфентьев Н.П. , Парфентьева Н.В. Basic principles of author's

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – Вып. 1. – С. 78 – 91;

23. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 февраля 2014 г. № 124, г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 48.03.01 Теология (уровень бакалавриата)» (см.: <http://rg.ru/2014/05/07/minobrnauki-dok.html>).

24. Религия в аспектах философских, теологических, религиоведческих подходов: Всерос. науч. симпозиум, Москва, 26 апреля 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

25. Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла, 28 ноября 2012 г. (<http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html>)

26. Теология и науки о религии / под ред. М.А. Малышева и В.Е. Хвощева; ЮУрГУ, Автономный университет штата Мехико. – Челябинск, 2011. – 559 с.

27. Хвощев В.Е. О философии, теологии и религии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2010. - Вып.28. - С.134–136.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

- * экспертное заключение для открытой печати
- * рекомендация к публикации

***Требования к срокам подачи докладов:**

- * 20.11

Требования к содержанию докладов:

- * социально-политическая и гуманитарная направленность
- * комплексный и межпредметный характер

Требования к форме докладов:

Редактор Ms Word, формат А4, шрифт Times New Roman, интервал 1 пт, красная строка 1 см, поля 2х2х2х2 см,

Требования к структуре докладов:

УДК, название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова, текст доклада (примерно 10 страниц), библиографический список (5–15 названий)

Требования к языку докладов:

- * доклад может быть представлен на любом языке
- * название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова повторяются на русском, английском языках и языке оригинала статьи

При оформлении докладов рекомендуется пользоваться требованиями БД SCOPUS